

Журнал печатается по благословению Преосвященного

АГАФАНГЕЛА
епископа
Таврического
и Одесского

Члены редакции:

о. Валерий (Алексеев),
о. Арсений (Манько),
Украина:
А.В. Пантелеев,
Аргентина:
чтец Александр Хитров,
Москва, Россия

Издание Русской Православной Церкви Заграницей

Редакция намерена помещать в журнале материалы, содержание которых не противоречит православному вероучению. Однако и при всем старании могут по недосмотру возникнуть ошибки. Ответственность за них целиком ложится на редакцию журнала и авторов публикации.

При перепечатке материалов ссылка на «Град-Китеж» обязательна.

Журнал является изданием Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), образованной согласно Указу Патриарха Тихона № 363 от 7/20 ноября 1920 года.

РПЦЗ не приняла предательской Декларации 1927 года заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского) и не вошла в подчинение и сотрудничество с правящим в то время богоборческим сталинским режимом.

РПЦЗ не признана назначенного в 1943 году Сталиным и Берией патриархом Сергия (Старгородского) и образованный им Синод.

РПЦЗ не признала всех последующих советских патриархов (Алексия I, Пимена, Алексия II).

РПЦЗ считает неканоничной нынешнюю Московскую патриархию.

РПЦЗ не признает раскол, учиненный митрополитом РПЦЗ Лавром (Шкурлой), незаконно подписавшим Акт о каноническом общении между РПЦЗ и МП вопреки соборным решениям РПЦЗ и воле церковного народа.

С 17 мая 2007 года митрополит Лавр находится под анафемой Патриарха Тихона и анафемой экumenизму Архиерейского Собора РПЦЗ 1983 года.

РПЦЗ остается верна Канонам Православной Церкви и продолжает традицию стояния в Истине, завещанную Патриархом Тихоном, Первоиерархами Митрополитами Антонием (Храповицким), Анастасием (Грибановским), Филаретом (Вознесенским), Виталием (Устиновым).

СОДЕРЖАНИЕ

Иеромонах Софроний (Мушкенко).....
Священномученик Епископ Виктор (Островидов). Краткая биография.....
Священномученик Епископ Виктор (Островидов). Послание.....
Профессор Иван Андреев Благодатна ли советская церковь?
О нашем календаре.....
Соратники митр. Сергия (Старгородского). Чекистский "игумен" Евгений Тучков
Михаил Польский. О советской церкви.....
Положение церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника.....

ХРОНИКА ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ РПЦЗ ПОСЛЕ 17 МАЯ 2007 Г.

Иеромонах Софроний (Муслиенко)

Добрый день!

Как и обещал, пишу письмо о том, что было на собрании представителей духовенства. Прилетел я в Нью-Йорк в воскресенье после обеда. В понедельник неофициальное заседание духовенства, которое уже прибыло, на котором мы обговорили повестку завтрашнего заседания. Говорили о вл. Данииле о его возможности приехать на заседание которое он за неделю передал по телефону о. Виктору Дуброву но когда он позвонил почти накануне чтобы обговорить когда за владыкой лучше приехать то о. Виктору ответил кейлейник что "владыка спит и с вами говорить не будет и просил передать что-бы его не беспокоили он высказал свое отношение на видеорекамеру в интернете." на повторные звонки было сказано почти тоже самое и к телефону его больше не звали ни под каким предлогом. Мы решили что нужно владыку оставить в покое чтобы ничего худшего с ним не сделали. Забегу немного вперед и расскажу о том что на самом заседании была двоюродная сестра владыки и она нам рассказала следующее: "Я позвонила Владыке буквально за два дня до собрания, но к телефону его не звали под всякими предлогами, на что я сказала я являюсь двоюродной сестрой владыки и если вы не позволите к телефону я вызову полицию, и тогда его тут же позвали к телефону. Я его спросила почему он разноречиво говорит по поводу соединения с мп, раньше говорил против а теперь другое говоришь на видео. Он сказал что никакого видео не записывал и ничего не говорил такого подобного, я сказала ну как же ведь есть видео на интернете где ты говорил совершенно другое чем раньше. Он ответил что мог такое сказать или прочитать в тот момент когда ему не вовремя или просто не дают инсουλн и он тогда не понимает что делает, подчеркнул что это могло быть только в таком состоянии." нас это еще раз убедило что мы должны его оставить в покое, что его держат только ради того чтобы он не смог совершить хиротонию с владыкой Агафангелом, и что как только в нас будет второй епископ, его оставят в покое.

На самом заседании, которое проходило в самом Храме святой Троицы в Астории, где настоятель о. Всеволод Дутиковъ мы обсуждали те вопросы, которые были заявлены в повестку дня.

1. Приняли решение образовать Северо-Американский административный округ в который входят Восточно-Американская, Чикагско-Детройская, Западно-Американская, и Канадская епархии, администратором округа избрали архимандрита Андроника Котлярова.

2. Приняли решение образовать Централно-Российский административный округ в составе

Московской, Суздальской, Сибирской и Кубанской епархий, администратором утвердили ранее избранного протоиерея Валерия Кравца.

3. Благочинным на Сибирскую епархию Центрально-Российского округа избрали иеромонаха Николая Иоста.

4. Администратором Санкт-Петербургской епархии избрали протоиерея

5. Администратором Южно-Американской епархии избрали протоиерея Георгия Петренко.

Все администраторы вошли в состав Высшего временного Церковного Управления под председательством епископа Агафангела.

На соборании также обсуждали варианты приема клириков к нам обращающихся из других юрисдикции, так уже обратился "архиеп. Тихон" с просьбой установить ехаристическое общение, владыка им ответил, что надо вернуться на период правления митрополита Виталия, и разговаривать в том состоянии в каком вы тогда были. Они обиделись и обратились к старостильникам с просьбой о посредничестве между нами, которые как вы, наверно читали, и написали нам послание, в котором просят найти пути примирения с Тихоном.

Сами митрополиты старостильных церквей предложили нам совершить совместную литургию с вл. Агафангелом, на которой и рукоположат нам епископа. Они говорят, что надо сделать эту службу торжественно чуть ли не на весь мир, о восстановлении епископата Зарубежной Церкви. Когда это будет пока не известно.

Также обсуждали обращение монсеньяльских двух епископов, это Анастасий дальневосточный, и если не ошибаюсь Владимир. Они заверяют, что первое рукоположение митрополит Виталий совершал в мантии с епископом Варнавой, сам под плиту читал ставленическую молитву. Пока не приняли никакого решения.

По поводу судальских "епископов" почти не говорили, так как они не обращались к нам, но было высказано мнение священника Леонида Пляц который сказал, что они может ближе к нам по преемственности, это высказывание никто не принял в серъез и даже не было записано в протокол, а священник Виктор Дубров написал в интернете совсем противоположное.

Также утвердили избранные кандидатуры во епископов поставив игумену Андронику быть епископом Американским и Флоридским, иеромонаху Софронию Санкт-Петербургский и Северо-Русский.

Также утвердили порядок поминовения за Богослужением имя и титул председателя ВВЦУ " Православное епископство Церкви Российския и гостодина нашего, Преосвященнейшаго Агафангела, епископа Таврическаго и Одесскаго". В странах, где имеют место гонения на наши приходы, допускаются прибавлять слово гонимыя перед упоминанием Церкви Российския.

Отредактировали послание и по окончании заседания были зачитаны протоколы и всеми подписаны и протоколы и послание.

По окончании заседания было первое заседание ВВЦУ, на котором рассматривались текущие вопросы, также было написано послание и утвердили дату следующего соборания в Одессе.

Вот кратко что главного было на соборании, все остальное, что не сказал

то, это восполнено при личной встрече с Вами.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ВИКТОР (ОСТРОВИДОВ). КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Епископ Виктор (Островидов Константин Александрович (20.05.1875 - 02.05.1934), родился в с. Золотое Камышинского уезда Саратовской губернии, в семье псаломщика. Окончил Камышинское духовное училище, затем Саратовскую духовную семинарию (1899) и Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1903). Пострижен в монашество, будучи еще студентом академии. По окончании академии принял рукоположение во иеромонаха и назначен настоятелем Свято-Троицкого собора в п. Хвалынок. Состоял иеромонахом Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1904-1909); смотригелем Архангельского духовного училища (с 13.01.1909); с 15.10.1909 служил иеромонахом в Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге; 22.11.1910 назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря Петербургской епархии с возведением в сан архимандрита; затем наместником Александро-Невской Лавры (21.02 -12.1919).

В 1919 в Петрограде был арестован, вскоре освобожден. Хиротонисан во Епископа Уржумского, викария Вятской епархии 08.01.1920. В том же году вновь арестован и приговорён Вятским Губревтрибуналом к лишению свободы до окончания войны с Польшей, через 5 мес. освобождён. Активно выступал против обновленчества. Арестован 25.08.1922 и по постановлению КОГПУ сослан на 3 года в Нарынский край. Вновь арестован 04.04.1923, и вновь ссылка. Освобождён в 1924 без права проживания в крупных городах; вернулся в Вятку. В том же году назначен Епископом Глазовским и временно управляющим Вятской епархией. С 1925 временно управлял также и Омской епархией.

14.05.1926 арестован уже в пятый раз, по обвинению "в организации нелегальной епархиальной канцелярии". По постановлению ОСО КОГПУ (от 20.08.1926) выслан на 3 года и лишён права проживания в крупных городах, в том числе и в Вятке. Осенью 1926 назначен Еп. Ижевским и Вотским.

Написал письмо митр. Сергию с аргументированным опровержением Декларации о лояльности, а, по сути, полным подчинением Церкви Советской власти (октябрь 1927), объявил об отделении от сергиевого "синода" и перешёл на самоуправление (декабрь 1927). Возглавил движение исповедников Православия, которое позже было названо его именем ("викторианским"), в Вятской и Вотской епархиях. Объединил приходы в Вятке, Ижевске, Воткинске, в Глазовском, Слободском, Котельничском и Яранском уездах. Находился в тесном общении с "ленинградскими" иосифлянами. Не подчинялся указам сформированного Е. Тучковым "синода", возглавляемого митр. Сергием (Стратородским). В письме к митр. Сергию (от 23.12.1927), а также в многочис-

ленных посланиях к духовенству и пастве обличал серпианскую политику полного порабощения Церкви боготорческому государству. Отстаивал духовную свободу Церкви, был одним из активных организаторов Катакомбной Русской Церкви.

Арестован 04.04.1928 в Глазове, по постановлению ОСО КОГПУ (от 18.05.1928) приговорён к 3 годам лагеря. Перед отправкой в лагерь передал свои приходы в управление Епископу Димитрию (Плюбинову). В заключении на Солговках (июнь 1928-1930), работал бухгалтером на канатной фабрике, участвовал в катакомбных богослужениях иосифлян. Весной 1930 переведен на материк (командировка Май-Губа). По постановлению ОСО КОГПУ по пересмотру дела (от 10.04.1931) приговорён к ссылке на 3 года в Северный край. Освобождён из лагеря 11.07.1931 и сослан в Онегу Архангельской области. Арестован 12.12.1932, по постановлению ОСО КОГПУ (от 10.05.1933) приговорён к 3 годам ссылки в Коми-Зырянскую АО. Жил в Усть-Цилемском р-не. Умер 02.05.1934 в п. Усть-Цильма. До самой своей исповеднической кончины оставался убежденным защитником Истинно-Православной Церкви, за что и подвергался многочисленным арестам.

Собором Русской Православной Церкви Заграницей в 1981 канонизирован во святых как Священномученик и Исповедник в сонме Святых Новомучеников и Исповедников Российских.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ВИКТОР (ОСТРОВИДОВ). ПОСЛАНИЕ

В деле расточения Церкви вместе с предательством митр. Сергей произвёл и тяжкую хулу на Духа Святого, которая по неложному слову Христа никогда не простится ему ни в сей, ни в будущей жизни.

"Кто не собирает со Мною, - говорит Господь, - тот расточает". "Или признайте дерево хорошим (Церковь) и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым" (Мф. 12:33). "Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся челоовекам; а хула на Духа не простится челоовекам" (Мф. 12:30-31). "Исполняя меру греха своего", митрополит Сергей совместно со своим Синодом, указом от 8(21) октября 1927 г. вводит и новую формулу поминаения.

Смесь в одно в великом святейшем таинстве Евхаристии вопреки слову Божию "верных с неверными" (2Кор. 6:14-18), Святую Церковь и борющихся на смерть врагов ея, митрополит этим своим богохульством нарушает молившуюся смысл великого таинства и разрушает его благодатное значение для вечного спасения душ православно верующих. Отсюда и богослужение становясь не просто безблагодатным, по безблагодатности священнодействующего, но оно делается мерзостью в очах Божиих, а потому и совершающий и уча-

вующий в нём подлечит сугубому осуждению.

Являясь во всей своей деятельности еретиком антицерковником, как преравращающий Святую Православную Церковь из дома благодатного спасения верующих в безблагодатную плотскую организацию, лишённую Духа жизни, митр. Сергей в то же время через своё сознательное отречение от истины и в своей безумной измене Христу является открытым отступником от Бога Истины.

И он без внешнего формального суда Церкви (которого невозможно над ним произвести) "есть самоосуждён" (Тит. 3:10-11); он перестал быть тем, чем он был - "служителем истины" по слову: "Да будет двор его пуст ... и епископство его да примет ин" (Деян. 1:20).

Ряд увещаний архипастырей, богомудрых отцев и православных мужей Церкви в течение многих лет не принесли пользы, не привели митр. Сергея к созанию содеянного им греха и не возбудили в его сердце раскаяния.

А потому мы по благодати, данной нам от Господа нашего Иисуса Христа, "силою Господа нашего Иисуса Христа" (1Кор. 5:4) объявляем бывшего митрополита Сергея лишённым моливленного общения с нами и всеми верными Христу и Его Святой Православной Церкви и предаём его Божию суду: "Мне отшествие. Аз воздам, глаголет Господь" (Евр. 19:30).

Настоящее деяние в дополнение к ранее сделанным нами в 1927-1928 гг. заявлениям, мы совершаем в строгом сознании нашего архипастырского долга перед нашей паствой, всеми верными чадами Церкви Православной, стоя в послушании Церкви Христовой, в должном подчинении правилам Вселенских Соборов и Собора Российской Церкви 1917-1918 г., возглавляемой ныне Патриаршим Местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким и его заместителем Серафимом, архиепископом Угличским.

"Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство!" (Лк. 12:32).

*Смиренный епископ Виктор. 1928(?)
"Акты Святейшего патриарха Тихона..."; с.634-635.*

Послесповие редакции:

Современная Московская патриархия, бывшая во времена гонений на стороне боготорческого режима и принимавшая активное участие в преследованиях Исповедников, ныне, не покавшись в содеянном и приспособившись к новым политическим условиям, пытается присвоить себе подвиг Новомучеников и Исповедников. С этой целью, например, 1 июля 1997 года была вскрыта могила Новосвященноисповедника Виктора (Островидова) и обретены его честные мощи, оказавшиеся негленными. Ныне эти похищенные у Церкви святые мощи, источающие благоухание и обильно подающие чудесные исцеления, хранятся в патриархийном Свято-Троицком монастыре г. Вятки. Ввиду явного свидетельства святости Епископа Виктора, Московская патриархия

"прославила" его в лике "своих" святых на соборе 2000 г. Поистине к этим современным фарисеям и лицемерам обращены слова Спасителя: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, и украшаете памятники праведников, и говорите: "если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков". Таким образом, вы сами против себя свидетелствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков. Дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?" (Мф. 23.27-33).

© *Catacomb.org.ua*

АНДРЕЕВСКИЙ (АНДРИЕВСКИЙ) ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (ПСЕВДОНИМ - ИВАН АНДРЕЕВ (ANDREYEV)) (1894-1976)*

Родился в 1894 г. 14 марта в Санкт-Петербурге в семье медиков. В 1913-1914 гг. учился на философском факультете университета Сорбонна в Париже. Окончил историю-филологический факультет Петербургского университета и психо-неврологический институт. После окончания университета был оставлен при нем в качестве доцента. Одновременно работал в Бехтеревском институте психиатрии в должности научного сотрудника. В 1923 г. начал активно посещать богословские курсы и религиозно-философские кружки. Выступил против декларации митрополита Сергия в 1927 г. Арестован в 1928 г. в Петрограде и осужден на пять лет по делу "Братства преп. Серафима Саровского". Заключен отбывал на Соловках, где общался с епископами-исповедниками. Был связан с катакомбной Церковью. После освобождения работал в 1937 г. в должности главного психиатра Новгородской областной больницы. Тайно вел семинар по изучению богословия. Затем работал врачом в Пскове. Имеются сведения, что был арестован в марте 1938 г. в Пскове. Во время Второй мировой войны оказался на оккупированной немцами территории. Покинул Россию во время войны. Сначала оказался в Германии, а затем в 1950 г. переехал в США. Профессор нравственного богословия и русской литературы в Свято-Троицкой семинарии в г. Джорданвилль (США) (до 1971 г.). Автор многочисленных трудов, писал под псевдонимом Андреев. Скончался 30 декабря 1976 г. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в г. Джорданвилль (США).

Публикации (книги):

- Катакомбная Церковь в советской России. 1947.
- Благодатна ли советская церковь? - Джорданвилль. 1948. 22 с.
- Икона всех святых в земле российской просиявших. - Мюнхен, 1948. 80 с.

- Положение Церкви в советской России. - Нью-Йорк, 1951.
- Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. - Нью-Йорк, 1952. 180 с.
- Краткий конспект лекций по психологии. - Джорданвилль, 1960. 45 с.
- Православно-христианское нравственное богословие. - Джорданвилль, 1966. 148 с.
- Russian Catacomb Saints. - Platina: St. Herman of Alaska Press, 1982. 648 с

*Составлено по источникам:

- Митрофан (Зноско-Боровский), епископ. Хроника одной жизни. - М.: Свято-Владимирское братство. 2006. - с. 548-585.
- Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972 / Составитель Н. М. Зернов. - Boston: G. K. Hall & Co., 1973.

Профессор Иван Андреев

БЛАГОДАТНА ЛИ СОВЕТСКАЯ ЦЕРКОВЬ?

(...) Историческая делегация Петроградской епархии в 1927 году возглавляемая епископом Гдовским Димитрием (расстрелян в 1937 году после 10-летнего заключения) прямо так и поставила вопрос перед заместителем и местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием, в Москве:

"Ведь советская власть есть власть антихристова, а можно ли Православной Церкви находиться в союзе с антихристовой властью и молиться за ее успехи и радоваться ее радостями?"

Митрополит Сергей засмеялся и отмахнулся: "Ну, какой же тут антихрист" - и это было самое главное, роковое, решающее расхождение, после которого в 1927 г. произошел церковный раскол. Те, кто квалифицировали сов. власть как власть антихристову (т. е. как богоборческое самовластие), не нашли для себя нравственно-возможным (не по политическим соображениям, а по религиозной совести), чтобы Православная Русская Церковь "только духовно" подчиняться сатане, сохранив свою "попную автономию", гарантированную "конституцией" СССР.

Те же, кто с этими нравственными мотивами не соглашался (по убеждению, или страха ради), пошли за митрополитом Сергием, а ныне идут за "патриархом" Алексием, "радуясь радостям богоборческого самовластия, молясь об успехах этого самовластия, вынося ему всенародную благодарность за внимание к нуждам православного населения", отрицая пред всем миром факты бывшего и настоящего гонения на истинных православных христиан, каллифицируя и мучеников "политическими преступниками" и "поборниками черного дела", считая установившиеся отношения между государством и Православной Церковью (которая должна быть не-

порочной Христовой Невестой) - "идеальными" и называя главу богоборческого антихристового государства Сталина "избранником Божиим".

Когда митрополит Сергей в 1927 г. впервые встал на этот гибельный путь "новой церковной политики" (как он сам выразился), тогда со всех концов России посыпались к нему масса "посланий" от епископата, клира и мирян, написанных слезами и кровью сердца, убеждающих его отказаться от намеченного пути.

Бесчисленное количество делегаций от разных епархий приезжали в Москву и на коленах, рыдая, умоляли его исправить роковую ошибку. Из торем, сырок и концлагерей дошел до митрополита Сергея протестующий голос исповедников и мучеников.

...В числе протестующих были самые замечательные церковные деятели России, ..лучшие представители священства и светского богословия. ...Протесты и мольбы лучших представителей Русского Православия, засвидетельствовавших свое исповедничество - мученичеством - не помогли.

Митрополит Сергей, нарушив основной православный церковный закон, основан на св. православных канонах (34-е Апостольское правило, по которому первый епископ ничего не должен творить без расуждения всех прочих епископов) - отказавшись устно, письменно и печатно внять голосу протестующих и обрушиться на несогласное с ним духовенство с самыми страшными прещениями, квалифицируя всех несогласных с его "новой церковной политикой" - "контр-революционерами", предавая их тем самым на растерзание органов ГПУ.

После того, как все явно протестовавшие были "ликвидированы" карательными органами богоборческого государства (т. е. были расстреляны, затоптаны, сосланы в ссылки) - истинная Православная Церковь ушла в катакомбы.

С явным дальнейшим нарушением св. канонов, митрополит Сергей, при помощи самовластного советского государства, стал патриархом. После его смерти, при помощи тех же средств, во главе советской церкви (будем теперь так называть) стал "патриарх" Алексий [1].

Советская церковь нарушила не только св. каноны. Она попрагла и основной догмат Православия - догмат о Церкви. Ведь разве к советской церкви, после всех ее "дел" и "слов" (а "слова" Церкви это ее "дела") применимы слова св. догмата: "Единая, святая, соборная и Апостольская Церковь"? Не звучит ли это теперь кощунством? Ибо нет в ней ни единства, ни святости, ни сорности, ни Апостольского Духа.

Не целостное единство, а суммарный конгломерат, не духовный организм "тепа Христова", а лишь формальная церковная организация, в которой нет и намека на святость (ибо святость и принципиальная ложь - несовместимы), ни, главное, Апостольского Духа любви и ревности к чистоте и правде - вот что собой представляет понятие нынешняя "советская церковь".

Эта церковь совершила нечто еще более страшное, чем нарушение кано-

нов и догматов: она изменила Св. Духу, согнав пред всем миром, что в России, именуемой теперь СССР, властвует не богомерзкое правительство богоборческого самовластия антихристового духа, ненавидящее и гонящее Христа и верную Ему до конца истинную Православную Церковь, а "избранник Господень, ведущий наше отечество к благоденствию и славе". "Кто может со спокойным сердцем слышать эту постыдную лживую похвалягу", - написал по тому поводу в своем послании Первосвященитель Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий, где человекоугодничество граничит уже с богоульством. В самом деле, - можно ли допустить, чтобы человек, обогранный кровью с головы до ног, покрытый преступлениями, как проказой, и глубоко отравленный ядом безбожия, мог быть назван "избранником Господним", предназначенным "вести нашу Родину к благоденствию и славе"? "Не значит ли это, - продолжает митр. Анастасий, - возводить клевету и хулу на Самого Бога Всевышнего, который в таком случае являлся бы ответственным за все зло, которое творится уже много лет на нашей земле большевической властью, возглавляемой Сталиным?" "Атомная бомба, - заключает митр. Анастасий, - и все другие разрушительные средства, изобретенные нынешней техникой, поистине менее опасны, чем нравственное разложение, какое вносит в русскую душу своим примером высшие представители гражданской и церковной власти. Разложение атома принесит с собой только физическое опустошение и разрушение, а разложение ума, сердца и воли влечет за собой духовную смерть целого народа, после которой нет воскресения".

Какова же природа той "церковной" власти, которая вносит "нравственное разложение" в русскую душу и "растлевав ум, сердце и волю", влечет за собой "духовную смерть целого народа, после которой нет воскресения"?

"Советская церковь, - пишет г. С. П. в своей замечательной брошюре "О церкви в СССР" (Париж, 1947 г.), - есть учреждение советского противохристианского тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блюсти тайну исповеди. ...только тот может считать "патриарха" Алексия "хранителем канонов", кто никогда не читал и не вникал в их глубокий христианский смысл. Этот смысл, прежде всего, в свободе от человеческого давления "на изволение Духа Святаго", и во вдохновенном повиновении Его внушениям... и потому то, что Алексий может хранить, конечно в пределах удобных и удобных советской политической полиции, - это традиционная внешность исторического Православия".

Анализируя мотивы и "церковные" соображения Высшей советской церковной власти, г. С. П. в той же брошюре пишет: "Для чего они это сделали?"

1) Для того чтобы покорностью антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство, на храмы; "купить" передышку ценою содействия большевизму в России и за границей.

2) Из опасения, как бы антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении Православия; чтобы в борьбе с католичеством иметь

антихриста за себя".

"Не подлежит, однако, никакому сомнению, - пишет дальше С. П., - что будущее Православия определится не компромиссами с антихристом, а именно тем героическим стоянием и исповедничеством, от которого они (т. е. представители советской церковной власти) так предательски отрекались".

В заключение г. С. П. выдвигает ясный, точный, простой и убедительный тезис, с которым нельзя не согласиться:

"Православие, подчинившееся советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна - есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекавшая в растерзанные ризы исторического Православия".

Всякому непредубежденному русскому православному человеку совершенно ясно, как бы поступил в настоящее время св. митр. Филипп, если бы он был теперь в Москве и возглавлял бы русскую церковь. Обличивший православного царя в его злодеяниях, неужели не обличил бы еще более грозного богомерзкого правителя в делах явно сатанинских? Ибо исповедание правды для православной Церкви не менее обязательно, чем исповедание веры. Путь митрополита Филиппа - путь истинный, а замена этому пути - есть измена самому духу православия.

Верное своему отцу-диаволу - "отцу лжи", советское государство в основу всей своей деятельности положило ложь. "Государственно-организованная ложь" - есть явление совершенно новое в истории. "Отделенная от государства" советская церковь - пошла по стопам советского государства и явила миру "церковно-организованную ложь". В 10-м номере "Журнала Московского патриархии" архиепископ Александр пишет: "И ныне Москва - сердце России - в миниатюре вся "Святая Русь"". С этим можно согласиться лишь при условии, что "миниатюра" есть "кривое зеркало". Характеризуя "патриарха" Алексея, этот же архиеп. Александр пишет: "Просвещенный Духом Святым, умудренный святительским опытом святейший наш совет патриаршей деятельностью свидетельствует, что ныне не время для огненных обличений св. Иоанна Предтечи, а время милосердия, врачевания немощных душ по заветам преп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского".

Так пишет в СССР советский архиерей. Но иное думает народ. Вырвавшийся из советского ада г. Г. в статье "Голос нового эмигранта" пишет: "Народ пришел к убеждению, что великое горе, свалившееся на него, кара Божия за его прегрешения... Оздоровление народа начинается с поднятия религии на такую высоту, на какой она стояла только в первые века христианства. Но для этого необходимо, чтобы пастырь духовный был готов идти на смерть за правду, а не кривить душой... Коммунизм будет побежден не атомной бомбой, а крестом... И Сталин это понял лучше других. Сейчас, как никогда, нужны Миныны и Пожарские от духовенства, которые, не дрогнув, пошли бы сами и повели за собой народ, если это будет нужно, на Голгофу во славу Христову. И народ пойдет за такими пастырями, ибо почва готова. Вот почему сейчас наш

главный враг не коммунизм, а духовенство, перешедшее к нему на службу, ибо творит истинне Каиново дело... Мы хотим от имени всех русских, проживающих в Италии, обратиться с открытым письмом к духовенству, перебежавшему в лагерь антихриста..."

Ханжеское лицемерие архиепископа Александра слишком ясно. Почему "ныне не время" для огненных обличений св. Иоанна Предтечи, завшего к покаянию? Некого обличать? Не за что? Некому каяться? Не следует каяться? А если наше время по преимуществу время милосердия и снисхождения, то почему бы к этому не призвать самого Сталина? Или, быть может, "милосердия и снисхождения" заслуживают ныне только палачи, а не жертвы? - Преподобный Сергей Радонежский и преп. Серафим Саровский никогда таких заветов не давали, ибо учили духу истинной, а не лицемерной любви, которая, именно во имя "милосердия и снисхождения", не исключает и "огненных обличений" - лучшего средства для врачевания душ.

Ханжеское лицемерие, наряду с низкопоклонством и человекоугодничеством, становится самой характерной чертой представителям советской церкви и их защитников за рубежом. Все чаще и чаще они говорят, пишут и декларируют на тему о любви, снисходительности и прощении, о неосуждении, о необходимости прекратить споры. Этот новый вид "церковного толстовства" с его новой проповедью непротыпания злу не только усилием, но и обличительными словом - есть самая невыносимая ложь и обман.

В статье ("Легенда о Великом инквизиторе" "Достоевского" ("Петрописные заметки". Мюнхен, 1947 г.) Иоанн Шаховской (ныне епископ в Америке) написали:

"Христос в молчании, которое громче всех восклицаний и значительнее всех философий, приближается к своему глубокому врагу и целует его, целует его человечность, сквозь лепет всех его злых и лживых слов. Если бы не было этой любви, кто бы из нас жил? Молчаливая любовь страдающей в мире истинны, любовь к нам страдающей от нас истинны, - что может быть прекраснее этого? Даже на небе, может быть, не будет этой красоты, ибо там - родной дом небесной красоты. Здесь она странница терпеливая, там она хозяйка мироздания".

Прежде всего, для православного сознания совершенно неприемлемы слова: "даже на небе, б. м., не будет этой красоты". Так может сказать только увлекшийся поэт, но не православный монах. Красота на небе - Всесовершенная красота, включающая в себя и всю ту красоту, которая является на земле.

Что же касается основной мысли еп. Иоанна, видящего "сверхнебесную" красоту в поцелуе Христом антихриста (ибо Великий инквизитор в "Легенде" Достоевского высказывает идеи антихриста), то она совершенно неправильно славна. Мысль эта не случайна и является одной из основных мыслей - убеждений экзальтированного поэта-епископа. "Поцелуй" в "Легенде" - это лживая идея рационалиста Ивана Карамазова. Христос никогда не мог поцеловать антихриста, т. к. истина не может целовать ложь. "Сверххристианская" любовь

- есть духовная прелесть. Дьявол может соблазнить тем, что принимает на себя вид "Ангела света"... Сатана может искушать тем, что "Христову правду отрицаи", он "высшей правды ждет страстней, чем Серафим", и страшен тем, что "душу искушая, уму он кажется святым" (Минский. "Мой демон").

Как Христос не может лобызать антихриста, так и истинный православный христианин не может, например, целовать "человечность" Сталина "сквозь лет его злых и глживых слов". Истинное правослаvie и подлинную Христову любовь мы видим в завете митр. Анастасия: **"Если увидишь ложь и лицемерие, разоблачай их пред всеми, хотя бы они были обглечены в порфиру и виссон"** (Речь при наречении во епископа Серлуховского в 1906 году).

"Непротивление злу обглечением" - теперь очень распространено. "Никто не спорь, никто не обглчай другого", - цитируя пророка Осию в агирафе, пишет тот же епископ Иоанн Шаховской (наиболее "любвеобильный" из всех "только духовных" чад Московского патриарха Алексия) в своем "Церковном Дневнике".

Почему не спорить и не обглчать? Вообще никогда, или только "ныне", когда "не время огненных обглчений св. Иоанна Предтечи"?

Споры и обглчения были и будут всегда: и во время жизни Спасителя на земле, и во время "Деяний св. апостолов", и во время Вселенских соборов, и на протяжении всей истории, когда придут лжепророки, волки в овечьей шкуре, лже-христи и, наконец, - сам антихрист, которого должно будет обглчать и с которыми необходимо будет спорить.

Далее епископ Иоанн Шаховской в своем "Церковном Дневнике", говоря о ревновании к чистоте православной веры, пишет: "К сожалению, оно (ревнование) часто сводится в наши дни к открытому умонастроению, ярко выраженному в Евангелии первой подготовительной к Великому посту недели. Верующие души ежятся от этих хладных волн и ледяных брызг нашей "непогрешимости". Истина же в том, что все мы сейчас, православные люди, грешны, и никто из нас не может завыртываться в тогу непогрешимости".

Какое отношение Евангелие 1-й подготовительной недели, где говорится о мытаре и фарисее, имеет к нашим спорам и обглчениям, продиктованным искренним и горячим ревнованием к чистоте православной веры? Зачем сплывать понятие "обглчение ошибок в вопросах веры" с понятием "нравственное осуждение грехов ближнего"? И к чему клевета на исповедников, что они "заворачиваются в тогу непогрешимости"?

Примем этот не нов. Вспомним процесс суда над Максимом Исповедником. Его упрекали в том же, в чем епископ Иоанн упрекает современных исповедников и ревнителей за чистоту веры: когда мы, члены Катакомбной Церкви, вырвавшись из советского ада, обглчаем "патриархов" Сергия и Алексия за их противобожественный союз с антихристовой властью, а митрополита Феофила и епископа Иоанна за их "сыновний поклон трудам и подвигу (?) патриарха Алексия", то никакого фарисейства здесь нет, и ни в какую тогу непогрешимости мы не заворачиваемся. Мы ясно, просто, искренно пред лицом Бо-

жиим, из глубины нашей религиозной совести, говорим, что нравственно не можем ни "благодарить" сов. правительствo, ни "отрекаться" от исповедников и мучеников, называя их "пособниками черного дела", ни считать "идеальными" отношения прав. церкви с богороческим государством, ни радоваться "радостям" гонителей всякой религии, а напаче прав. Церкви, ни считать Сталина "избранником Господним", как это находит возможным депатъ, говорить и даже декларировать советская церковь.

Наша религиозная (а вовсе не политическая, как клевету на нас враги) совесть не позволяет нам не только "сыновне кланяться" трудам и подвигу (!) патриарха Алексия, но даже молча смотреть и слушать, как "кланяются" и зашищают советскую церковь другие.

Если мы не правы - обглчите нас, ответьте нам по существу, покажите, что мы не правы, но не клеветайте на нас, не называйте нас фарисеями. Вовсе не с чувством гордого превосходства, какое вы приписываете нам, а с чувством искренней любви к истине, и с чувством ужаса и святого гнева пред ложью - мы хотим поделиться со всеми братьями во Христе нашим трагическим и мучительным опытом лицемерия зла без маски.

Иногда нас, вырвавшихся "оттуда" упрекают в том, что наши оценки советского государства и советской церкви субъективны и обьяняются теми психологическими травмами (т. е. страданиями), которые мы там перенесли.

Подобное возражение представляет собою типичную грубую логическую ошибку, именуемую в логике Argumentum ad hominem (подмена логического доказательства психологическим аргументом). Да, мы пережили очень тяжкие страдания за наши обглчения насилья и лжи, которые мы видели в теории и практике государства и советской церкви. Но не чувство личной обиды или оскорбления и не стремление к мести за пережитое руководят нашими высказываниями здесь за рубежом. Мы благодарим Бога за пережитый тяжкий опыт, мы повторяем за св. Иоанном Златоустом - "слава Богу за все" и никого не призываем к мести.

Но мы не можем и не смеем молчать здесь, где так много еще людей, совершенно не понимающих мистической сущности большевизма и даже не знающих многих фактов, совершавшихся "там". Наша аргументация обьянения совет. государства и советской "церкви" - обоснована объективными документальными данными. Мы цитируем подлинные слова "патриархов" Сергия и Алексия о "радостях" - "благодарности", "пособниках черного дела", "идеальных взаимоотношениях", "избраннике Господнем".

К этим объективным данным мы присоединяем и наши личные свидетельства, свидетельства верующих православных людей, для которых судьбы православной Церкви дороже жизни, свидетельства нашей религиозной совести пред лицом Божиим. Причем же тут "травмы"? Эти "травмы" (т. е. опытное знание советской действительности) только помогают нам скорее и точнее разоблачить хитро маскирующегося врага. Если "там" мы обглчали ложь и насилье, то здесь, за рубежом, мы обглчаем ошибки и недомыслия. Такие

ошибки и недомыслия мы видим, конечно, не у советских эззархов (у них мы видим лишь слугубую ложь и предательство), а у тех, кто "только духовно" (!?) признает себя "чадом Московской патриархии", "при условии сохранения полной автономии".

Такие ошибки мы видим, например, у епископа Иоанна Шаховского, который квалифицирует деяния сов. церкви как "святое и смиренное дело", а потому и не находит слов для выражения "достаточной благодарности святылям и пастырям земли русской" (благодарящих в свою очередь "избранника Господня" Сталина за его "заботу о православии").

Недавно нам пришлось встретить одного православного священника, который бежал из вост. Германии, где он пробыл около 3-х лет в "юрисдикции Москов. патриархии". Пока он рассказывал о том, как жестоко пострадали православные священники, не принявшие Московской патриархии, и о том, как после вызова "для бесед" в НКВД (ныне МВД) все православные священники (в том числе и рассказывавший) "не могли не войти в юрисдикцию Московской патриархии", а войдя уже должны были исполнять и распоряжения МВД, - его признания звучали как раскание. Кающегося нельзя было обвинять, ни обличать за его малодушие. И мы все, слушающие, грустно молчали. Но когда он начал оправдывать себя тем, что он тоже "страдал", ибо ему было "тяжело подчиниться", и что его "нравственные страдания были больше, чем страдания арестованных и страдавших "только физически", - тогда пришлось его перебить и разъяснить, что "нравственные страдания" подчинившихся антихристовой власти не являются заслугой и оправданием, а лишь законной заслуженной карой "мук советски". Ставить себе в заслугу "муки советски" - нравственно невозможно. Ибо тогда пришлось бы оправдать и Иудины страдания с его самоубийством. Христианская же нравственность дает нам другой пример - образ, который д. б. образцом нашего поведения после греха отречения от Христа - это образ "горько плачущего" в раскаянии Апостола Петра.

Защитники сов. церкви иногда указывают на то, что "патриархи" Сергий и Алексий пошли на компромиссы с советским правительством ради церковной экономии, чтобы предотвратить полное уничтожение церкви в России.

Это утверждение глубоко ошибочное.

Православная Церковь до 1927 года качественно только росла от преследований (как это всегда было и будет, ибо "кровь мучеников - семя христианства"). Советское правительство потому и переменило свою тактику борьбы, что убедилось в непобедимости православной веры только преследованиями и гонениями. "Патриархи" Сергий и Алексий помогли сов. власти в ее борьбе с Церковью. Во время войны, если бы не было компромиссов Сергия и Алексия, советское правительство вынуждено было бы пойти на неадекватно большие уступки чистой и бескомпромиссной Церкви мучеников и исповедников. Глубоко верно и справедливо пишет один зарубежный Архипастырь ("Тисьюма пастыря пастырю", 1947 г., Париж) по этому поводу: "Следствие

компромисса с властью митрополита Сергия и полного поражения патриарха Алексия, власть продала свои уступки церкви страшно дорогой ценой, проинкинув в самый аппарат внешнего управления церковью. Теперь советская власть может не отказываться от своей основной задачи - борьбы с религией, продолжая осуществлять ее, в то же время позволять восстанавливать храмы и монастыри, позволять богомольцам наполнять эти храмы. Вожжи всего руководства этими храмами, этими монастырями, этими богомольцами находятся всецело в руках советской власти через совершенно покорный ей церковный административный аппарат".

Если бы все епископы в 1927 году последовали за митр. Сергием - православная вера в настоящее время была бы на глубоким ущербе. Только благодаря исповедничеству и мученичеству, главным образом епископата, не пошедшего за митр. Сергием, - в СССР до сих пор существует непобедимая и неискоренимая Катакомбная Церковь, духовно питающая истинно православных людей.

Советская пропаганда пыталась убедить весь мир в том, что никакой Катакомбной Церкви в СССР не существует, и кое-кого убедила в этом.

Отрицать наличие Катакомбной Церкви - значит совершенно не знать и не понимать того, что происходит сейчас на нашей родине: если не подлечит никакому сомнению, что ненавидящих советскую власть в СССР большинство, то еще более ясно, что большинство верующих православных людей не признает советскую церковь. Указание на переполнение храмов - не опровергает указанного выше. Советские храмы переполнены потому, что слишком мало вообще теперь имеется храмов в СССР, в то время как количество верующих, несмотря на все усилия и хитрости антихристианской пропаганды во время войны и после, необыкновенно увеличилось. Требование точных сведений о катакомбной церкви с указанием имен и мест - есть или крайняя наивность, или крайне недомыслие, или чистая провокация. В "тайных" (мы их называем катакомбными) церквях имеются и тайные епископы, и тайные священники, и тайное монашество, но их слишком мало для того, чтобы окормлять всех, не могущих ходить в Алексеевские храмы. Поэтому тайные церковные богослужения происходят редко. Но общие молитвы (иногда их называют сборами "на свещу"), главным образом с чтением акафистов, происходят очень часто и охватывают огромное количество молящихся. Кроме того, Катакомбная Церковь восстановила обычной первых веков христианства - периода гонений, - разрешив благоговейно хранить у себя в домах частицу Св. Даров, чтобы иметь возможность причаститься в минуту смертельной опасности и перед пытками. Вся полнота неказанной духовной красоты Русской невидимой, тайной, Катакомбной Церкви станет явной миру только тогда, когда снимет с нашей родины Богомерзкое советское государство и порабожденная им духовно советская церковь.

"Свободы молитвы и проповеди" в советской церкви нет. Советская церковь требует полной лояльности к советскому государству. Эта "лояльность"

понимается весьма своеобразно. Так например, нельзя говорить правду о том, что происходит в СССР, ибо это будет "политическое преступление". Нельзя критиковать атеизм и материализм, ибо это будет тоже "политическое преступление". Нельзя критиковать и не признавать советскую церковь, ибо и это тоже будет несомненно "политическое преступление". Участие в Катакомбной Церкви необычайно сурово карается. Молиться можно только за успехи государственной власти (т.е. за успех богорборческого самоуправления). Молиться же о смячении злых сердец, о вразумлении заблудшихся или об избавлении Церкви от гонений категорически запрещено. Также запрещено молиться за находящихся в тюрьмах и ссылках. За гонителей молиться можно (лишь об их успехах), а за гонимых нельзя. Антирелигиозные лекции происходят в СССР повсюду, но апологетические дискуссии запрещены. В ответ на заявления пропагандистов атеизма: "наука доказала, что Бога нет", - священники не имеют право возражать, а их молчание объясняется этими же пропагандистами как "бессилие темноты и невежества в борьбе с наукой".

Советская церковь подчиняется этим наглým требованиям и молчит. Но ведь тогда, воистину, молчанием предается Бог.

Несмотря на кошмарный террор, среди истинно и твердо православных верующих людей иногда находятя такие, которые не могут участвовать в постоянной лжи, особенно когда эта ложь насилует их религиозную совесть (например, признание Сталина "избранником Господним"). Такие православные люди хотят быть исповедниками и мучениками за веру Христову. Но тогда советская церковь начинает их клеймить "политическими преступниками" и "особниками черного дела", ибо исповедничество и мученичество в богорборческом советском государстве запрещается не только государством, но и отделенной от него советской церковью.

После всего вышесказанного о природе и характере советской церкви вполне естественно возникает вопрос: благодатна ли эта церковь?

Посмотрим с особым вниманием, что говорится в защиту благодатности советской церкви. "Патриарха" Алексия признали (!?) все Восточные патриархи, следовательно, он прав и возглавляемая им церковь благодатна. - говорят одни.

Вопрос о признании советской церкви Вселенскими патриархами - неясен. Общение последних с Московской патриархией, по нашему глубокому убеждению, основано на незнании, на непонимании Восточными патриархами сущности советской церкви. Ошибки Восточных патриархов в отношении к св. патриарху Тихону ныне явнее всего показывают, что и дальнейшее общение Восточных патриархов с советским государством не гарантировано от новых ошибок. Если мы видели ошибки и недомыслия в отношении к Московской патриархии со стороны Русского Епископата (например, группы м. Феофила), то ошибки более далеко в духовном отношении стоящих от русской жизни восточных патриархов - тем более возможны.

Общение, основанное на незнании истинных фактов, еще не есть призна-

ние. Одним словом, повторюем, вопрос о признании еще неясен.

Но если бы и все Восточные патриархи признали ложь за истину, ложь от этого не стала бы истинной. Истина не перестает быть истинной от того, что от нее отрекутся "даже избранные" и, может быть, отрекутся даже почти все, что возможно будет в последние дни ("Сын Человеческий" придет, найдет ли веру на земле?" Лк. 18, 8). Поэтому, памятуя пример св. Максима Исповедника (против которого были и "собор", и патриархи, и император), мы не можем признавать только формального подхода к разрешению религиозной истины достаточным.

Гораздо серьезнее и сильнее, на первый взгляд, представляются другие соображения в защиту благодатности советской церкви.

Эти аргументы следующие.

Измученный, истрадававшийся, несчастный русский народ идет в советские открытые храмы, чтобы получить там утешение. Вот ради этих многомилионных народных масс, приносящих в церковь веру, свои молитвы, свои скорби, свои слезы, может быть и сохраняются в советской церкви благодать и совершаются таинства, несмотря на то, что Высшая церковная иерархия погрешила, войдя в компромисс с сов. государством. Приходящие в советские храмы слышат богослужения, на которых читают Евангельские слова, молятся на чудотворные иконы, умилются дивным церковным песнопением, каются в грехах и со страхом Божиим подходят к Св. Чаше, чтобы приблизиться к Св. Таин. Ради них, ради этих простых верующих людей, не разбиравшихся в сложных и тонких богословских вопросах, не понимающих и часто ничего не знающих о юрисдикционных разногласиях у духовенства, может быть и совершаются Св. Таинства. Неужели милосердый Господь не даст этим простым, наивным бесхитростным, просто по-детски верующим людям никакого утешения?

"Не надо нам никаких политических рассуждений, не надо нам никаких разъяснений об юрисдикциях, а расскажите нам, батюшка, лучше о Горнем Иерусалиме", - говорят иногда эти простые верующие люди (по свидетельству нам одного священника).

"На страшном суде Господь спросит нас не об отвлеченных истинах, а о том, посещали ли мы больных, в темницах сидящих, одежи ли нагого, накормили ли или напоили голодного и жаждущего", - говорят другие (слова одного "простого верующего" профессора).

Попробуем ответить на все эти возражения.

Прежде всего: благодать и совершение таинств не зависят от "достоинства" или "недостинства воспринимающих их. От достоинства или недостатка зависят лишь действия этих таинств на их души. Для чего же были уставлены св. каноны и св. догматы? Для чего шла борьба с ересями?

В благодатной церкви благодать не появляется только от того, что в эту церковь войдут верующие, но обманутые люди. В "живую" и "обновленную" церковь тоже ведь иногда заходили "простые верующие люди", не разбрав-

шившая в "Богословских тонкостях" и ничего не понимающие в вопросах юрисдикции. Неужели ради них там совершались св. таинства?

Если "измученный, страдавший, несчастный русский народ идет с великой скорбью и слезами, с жадной утешения в советские храмы, то он, конечно, утешение там получает. Но какое это утешение? Духовное или душевное? Благодатное или просто психологическое? Утешение через св. таинства благодати или через простой моральный "катарсис"? Ведь и исповедь может быть только психологической (которую изучает психоанализ), а может быть и таинством покаяния. Можно молиться, и плакать, и сокрушаться о грехах у себя дома и получать от Бога и утешение, и миление, и прощение многих прегрешений. То, что зависит от самого человека, от силы его молитвы и искренности его покаяния, он получает как дома, так и в безблагодатной церкви. А вот того, что зависит от благодати св. таинства благодатной Церкви и ее иерархии - он в советской церкви, если она безблагодатна, получить не может.

Советская церковь сохранила не только одежды Русской Православной Церкви (внешний вид храма, внешнюю сторону богослужения), но и тело ее (обрядовая сторона и формальная церковная организация), и даже душу ее (душевная переживания молящихся), но не дух Православия, дух Христовой правды, который животворит и душу, и тело. А ведь сказано: "Духа не угашайте" (1 Фес. 5, 19).

...Указание на то, что "простые верующие люди" не разбираются в сложных богословских вопросах и юрисдикционных тонкостях - не является ни заступой этих "просто верующих", ни защитой благодатности советской церкви.

Для понимания и ощущения благодатности вовсе не требуется непременно быть образованным в богословских и философских вопросах. Наоборот, слишком большая образованность часто даже мешает человеку понять простоту благодатной истины (как это мы видим на примере Бердяева, Мережковского и др.). Честный, целомудренный ум, не полагающийся на себя, а питающийся умом Христовым, и чистое, любвеобильное Христовою любовью сердце - вот православные условия трезвенности и рассуждения, помогающие верующему церковному человеку правильно разбираться решительно во всех вопросах. Кто "живет в Церкви" и дышит ароматом ее таинства, кто имеет в себе хоть каплю духовности, тот не может не разбираться как в "сложных богословских вопросах", так и в "юрисдикционных тонкостях", ибо в этих-то тонкостях и определяется - где истина и где ложь.

Отмежевываясь принципиально от всякой политики истинно православному человеку также нельзя, ибо религия и политика в настоящее время органически слиты. Вопрос - со Христом или против Христа - имеет ныне политическое значение, ибо обязывает протестовать против тех политических систем, которые главной своей целью ставят уничтожение христианства. Кто отрицает в настоящее время необходимость политических рассуждений и юрисдикционных разъяснений, - тот отрицает необходимость различать дух

истины от духа лжи, тот отрицает необходимость обнаруживать волков в овечьей шкуре и узнавать - где Христос и где антихрист. Ведь вся деятельность антихриста будет носить непременно и политический характер, хотя бы потому, что без политической власти он не сможет завершить своего дела. Путь же "к Горнему Иерусалиму" начинается на земле, где даже величайшие святые не отрицали необходимости христианской политики и лично всегда принадлежали к строго определенной церковной ограде, которая ныне называется "Церковной юрисдикцией".

На Страшном Суде Господь спросит не только о том, накормили ли вы голодного, но главным образом о том, во имя кого и для чего вы это сделали: для Бога, для собственной славы или в интересах антихриста? Ведь если вы, подобно коммунистам, будете кормить только тех голодных, которые ради хлеба земного отрекутся от Хлеба Небесного, - то как вам за это будет награда от Господа?

"Дух дышит, где хочет". Всемогущий Господь может, когда захочет, нарушить и "естества чин". Благодать Духа Святого может проявиться везде. Дети играли в св. Евхаристию - и Дух Святой совершил вдруг св. таинство. Смесь и глумясь над христианами, пародировал св. таинство крещения один язычник в цирке, и вдруг - св. таинство совершилось (Св. Перфурий). Господь может сотворить чудо и в советской церкви - и совершить там св. таинство Евхаристии. Но ни детскую игру, ни цирк, ни советскую церковь мы не можем от этого признать постоянным благодатным учреждением.

Зная сущность советского государства (дух антихриста) и сущность советской церкви (сотрудничество с антихристом), мы не смеем не усомниться в благодатности этой церкви. А может ли православный христианин подходить с сомнением к св. чаше? Но почему мы говорим "сомневаемся", а не говорим просто: "нет"? Потому что в защиту возможности сохранения до некоторых пор благодатности и в советской церкви - имеется еще одно соображение. Это соображение высказано одним из замечательнейших современных Архипастырей (См. "Письмо пастыря к пастырю", Сборник "Троица", 1947 год, Париж).

"Жизнь церкви всегда является процессом... Когда Церковь Христова выделялась из церкви ветхозаветной, это тоже был длительный, имевший много этапов процесс. Анна и Каиафа, с одной стороны, апостолы и их ближайšie последователи, с другой стороны, это были сразу обозначившиеся вехи двух противоположных станов. Но в Синадроне были Иосиф Аримафейский, Никодим и Гамалиил, ставшие потом мучениками Христовыми, и сами апостолы каждый день единодушно пребывали в храме (Деян. 2, 46), а это был храм, руководимый Анною и Каиафою, и это уже было после Пятидесятницы, т. е. когда апостолы были уже преисполнены Духом Святым.

Вопрос, решаемый этими процессами, предлежит каждому человеку. "Патриарх" Алексий и его ближайšie сотрудники явственно разрешили его для себя: они - в полном, совершенно недвусмысленном исповеданном единении

с боготорческой властью и против мучеников Христовых. Но прочне, весь этот народ, наполняющий Церкви, разве он за одно с "патриархом" в этом вопросе? Нет, они не участвуют в совете и в делах их, не участвуют в делах патриархии, т. е. в той черной стороне ее дела, которая связывает ее с врагами Божиими и отделяет от Христа. И если формально они не отъединяются от патриарха и его клира, то это только по внешним причинам, по незрелости этого дела в данный момент, как апостол Иоанн, тот самый, который потом назовет не принявшую Христа Синагогу "сборищем сатанинским", первоначально вместе с апостолом Петром ходил в нее для молитвы (Деян. 3, 1)".

...Мы, православные русские люди, не предвещая окончательного суда над сов. церковью, суда, который, по "произволению" Св. Духа вынесет в свое время Русский Православный Собор, должны ясно и определенно сказать: от какого бы то ни было общения с советской церковью мы отказываемся, ибо **сомневаемся в ее благодатности.**

Джорданвилль, 1948 г.

[1] По вопросу о канонических нарушениях: совершенных сов. церковью см. замечательную книгу - собрание документальных данных - протоиерея Михаила Польского: "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и заграничии", 1948 г. - *Прим. авт.*

О НАШЕМ КАЛЕНДАРЕ

По благословению Преосвященнейшего епископа Агафангела в календарной комиссии Одесской епархии проходит* работа по подготовке Православного богослужебного календаря на 2008 год. При этом выяснились некоторые обстоятельства, к которым хотелось бы привлечь внимание верных чад Русской Зарубежной Церкви как с целью устранения возможных недоумений при встрече с новым изданием, так и с целью уяснить для себя дополнителные штрихи к уже известным событиям.

О чем же речь? В ходе исследования официального Джорданвилльского календаря РПЦЗ за последние годы стало очевидным, что целый ряд имен подвижников благочестия, прославленных в РПЦ МП, был включен в наши Святыцы так называемым "явочным порядком", без всякого соборного на то решения ни Архиерейского собора, ни Архиерейского Синода Зарубежной Церкви. Это такие имена, как преп. Силуан Афонский, преп. Иона Киевский, прав. Иона Одесский, прав. Алексей Бортурманский, преп. Марфа, Мария и Елена Дивеевские, прав. Алексей (Мечев) Московский, свят. Петр (Могила), митропол. Киевский, благов. князь Димитрий Донской, прав. воин Феодор (Ушаков) и другие. Из Святыцев Сербской Церкви так же, "волевым решением", включены свят. Николай Жичский, свят. Досифей исповедник, митропол. Загребский; Грузинской Церкви - преплп. Завулгон и Сосана, родители равноап. Нины. Подобный канонический произвол и грубое нарушение соборности тем более

вызывают смущение, если учесть, например, тот факт, что епископ Николай Жичский отошел ко Господу в 1956 году, в русском монастыре святого Тихона в Саут-Кэнтоне (штат Пенсильвания). Зарубежной ли Русской Церкви принадлежал на тот момент этот монастырь? Не являлась ли Сербская Церковь на тот момент членом ВСЦ? Напомним, что еретическая Торонтская Декларация ВСЦ датируется 1950 годом! Если так, то у нас в календаре Ц прославленные экumenисты. Схимонах Силуан Афонский преставился в 1937 году, в юрисдикции новостильного Константинопольского ПатриархатаЕ

После консультации с правящим архиереем последовало благословение Преосвященнейшего Агафангела временно исключить самовольно внесенные в Святыцы имена подвижников благочестия впредь до соборного о них решения полномочных органов РПЦЗ.

С другой стороны, видимо, в угоду РПЦ МП, под 7 ноября, вместе со священномучеником Кириллом Казанским, мы не находим в Святыцах имени митрополита Иосифа Петроградского, расстрелянного в этот день, прославленного в РПЦЗ и особенно, как известно, нелюбимого в высших кругах Московской Патриархии. Соответственно, благословлено этот недочет исправить, и имя священномученика Иосифа займет свое должное место.

Очевидно, для составителя Джорданвилльского календаря и тех, кто их благословил на подобную практику пополнения Святыцев, духовные переродки, отделившие РПЦЗ от РПЦ МП и других Поместных экumenических Церквей, прекратили свое существование гораздо раньше официального подписания "Акта о каноническом общении".

*Иерей Леонид Пляц,
член календарной комиссии Одесской епархии РПЦЗ*

*В настоящее время календарь подготовлен. О порядке его приобретения можно узнать на официальных интернет-сайтах. Условия оплаты опубликованы в 3-м номере "Града-Китежа" (на 4 стр. обложки).

СОРАТНИКИ МИТР. СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)

ЧЕКИСТСКИЙ "ИГУМЕН" ЕВГЕНИЙ ТУЧКОВ

*"Всю ночь они горели в губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семенова усталая рука
Пятнаццать приговоров подписала.
И вот землей засыпаны тела...
Семенов сел в хрипящую машину,
И лишь на блу высоком залегла
Еще одна глубокая морщина."
Г. Лелевич*

Вряд ли пролетарский поэт Лаборий Кальмансон (псевдоним Г. Лелевич) в "Коммунаре о чекисте Семенове" описывал одну из ключевых фигур того времени. Но реальность он знал и поэтому собирательный образ чекиста 20-х годов получился вполне правдивым. Евгений Александрович Тучков фигура и по сей день загадочная. И не только потому, что он наряду с Дзержинским, Менжинским и другими большевиками стоял у истоков страшной организации, ставшей кошмаром для сотен миллионов людей в самых разных концах нашей планеты. Тучков, в отличие от Лелевича, уцелел во время сталинских чисток и умудрился умереть в далеком 1957 году.

Пик его популярности, "звездный час" пришелся на весну 1923 года. В этом же году увидел свет "Коммунар" Лелевича. Тучков лично допрашивал патриарха Тихона и докладывал о результатах Троцкому и Сталину. "Старые" большевики ленинского призыва его недолюбливали, считали провинциалом и выскочкой. Поэтому в высших партийных кругах за глаза его называли - "главпоп", а в церковных уважительно величали "игуменом". Вплоть до роспуска Антирелигиозной комиссии в 1929 году Тучков ведал практически всеми делами Русской Православной Церкви. Кроме этого ему в ОГПУ были подотчетны сектанты и мусульмане, иудеи и толстовцы. Именно он сформировал **Церковную структуру в 1927 году (вопреки решениям Поместного Собора 1917-1918 гг.), которая продолжает функционировать и по сей день.**

Биография Евгения Тучкова скудна фактами - он родился в 1892 году в деревне Теляково, Владимирской губернии, Суздальского уезда, Коварчинской волости. Малолетнего Евгения воспитывала старшая сестра Анастасия, по-святйшая брату свою жизнь. Она была глубоко религиозным, церковным человеком и стремилась также воспитать брата. Евгений позже звал старшую сестру "мамашей". Будущего патриарха Сергия (Страгородского) и Евгения Тучкова воспитывали старшие сестры, которых в добрых провинциальных традициях они называли "мамашами". Сиротство наложило неизгладимый отпечаток на дальнейшую жизнь. Евгений Тучков вырос агрессивным, неутоlimо проводил в жизнь богоборческую политику партии, казался мстителем за обездоленное детство, но не фанатиком. Видимо, казалась здравая крестьянская наследственность. Иван Страгородский, будущий патриарх Сергий, лишенный в детстве материнской ласки, - вырос человеком мягким, склонным к опасным компромиссам. Они встретились в начале 20-х годов, но ожесточенная схватка между ними разыгралась в 1926 году. Вплоть до 1939 года они были почти неразлучны.

В 1903 году Евгений Тучков окончил четырехклассную приходскую школу. Для сироты это было немалым достижением. 12-летним ушел из родной деревни в Иваново-Вознесенск, где работал по найму, сначала мальчиком в конторах и магазинах, а затем конторщиком. Первое рабочее место - мальчик в кондитерской. С 1911 по 1915 годы служил конторщиком в кожевенно-обувной мастерской в городе Шуе. В 1915 году был призван в армию. Служил писарем в управлении Радомского военного комиссара, потом в штабе Западного

фронта в Минске. В сентябре 1917 года вступил в РСДРП. Принимал участие в февральской и октябрьской революциях - во всяком случае так утверждал сам в одной из автобиографий. Был в октябре 1917 года избран от гарнизона солдат членом Совета рабочих и крестьянских депутатов в городе Юрьеве-Польском. После падения Временного правительства самовольно оставил полк и вернулся в Иваново-Вознесенск. Здесь губком партии направил Тучкова на работу в ЧК. С 1918 года в ЧК Иванова-Вознесенска заведывал юридическим отделом. В его архиве сохранилось удостоверение, датированное 25 марта 1919 года: "Предъявитель сего член Иваново-Вознесенской Губернской Чрезвычайной Комиссии Евгений Александрович Тучков крайне нуждается в приобретении одной пары обуви что подлинно с приложением печати удостоверения."

Вскоре был послан в Уфу на помощь к находившемуся там представителю Ивановского губкома Николаю Жиделеву, посланному для заготовки хлеба для ивановских рабочих. Это была пора печально известных продотрядов, которые насильственно изымали хлеб у крестьян. В Уфе как член партии был взят на учет и был мобилизован на работу в армию, в военные части по формированию отрядов особого назначения. Тучков ведал делами 1-го Уфимского коммунистического батальона. Пробыв в армии несколько месяцев, Уфимский Губкомом был направлен на руководящую работу в уфимскую ГубЧК. В 1919 году организовал в Уфе отряд особого назначения, который принимал активное участие в подавлении Мензелинского восстания в Башкирии. Оно вспыхнуло после окончания Гражданской войны, которая была особенно кровопролитной на Урале. Колчаковцы были выбиты из Уфы лишь в июне 1919 года.

Слупта полгода, 4 февраля 1920 года в деревне Новая Елань, Троицкой волости, Мензелинского уезда крестьяне, вооруженные вилами, уничтожили продотряд численностью в 35 человек. Продотряды, созданные по указанию Ленина, действовали в этот период особенно жестоко - они изымали не только заготовленное крестьянами зерно, включая семена, которые были отложены на время посевной, но и все съестные припасы, обрекая крестьян на голодную смерть. Эта чеповеконенавиственная политика большевиков привела к тому, что летом 1921 года в Поволжье царил голод - вымирали целые деревни. Неудивительно, что расправы крестьян с большевиками были столь жестокими. 9 февраля в Новую Елань прибыл председатель мензелинской ЧК Головин с партийными работниками для усмирения мятежа, но и они были убиты. За полгода пребывания у власти большевики сумели восстановить против себя население Башкирии. В состав Башкортстана вплоть до 1922 года входила не только Уфимская, но частично - Оренбургская, Екатеринбургская и Самарская губернии. Мятёж охватил Мензелинскую волость, 10 волостей Уфимского уезда, 22 Белебеевского, 15 - Бирского, 15 -Чистопольского, 16 - Бугульминского. Общий лозунг восстания был "Долой коммунистов!" В марте 1920 года восстание начало распространяться и захватило другие губернии

Урала, Татарии и Поволжья. Было сформировано 5 оперативных групп войсковых соединений, и в середине марта 1920 года восстание было утоплено в крови.

Тучков проявил себя в этот период как способный организатор и был назначен заведующим секретным отделом губернской ЧК. Крепко сложенный, невысокий (рост 1 м. 72 см.), с крупными чертами лица и непропорционально маленькими руками, отличавшийся военной выправкой, Тучков всегда был обходителен. Ему пришлось в разные годы работать бок-о-бок с Лениным и Троцким, Дзержинским и Сталиным, Бухариным и Томским, Каменевым и Зиновьевым, Пунчарским и Сольцем, Крулской и Коллонтай. Он умел молчать и был скрупулезным исполнителем. Но его нельзя было назвать винтиком - любимое сталинское сравнение чиновника с частью послушной машины. Он всегда был себе на уме - хитроватый мужичок в военной форме. Его жена, Елена Александровна Яковлева, уроженка города Златоуста, вспоминала, что на Урал ее будущий муж приехал "депать революцию". Ее отец был бухгалтером на Златоустовском заводе и семья считалась интеллигентной. Елена была одной из первых учениц. Единственное - не удавалось получить пятерку по Закону Божью. Она неплохо знала французский язык и это обстоятельство сыграло не последнюю роль в ее знакомстве с Тучковым. Он взял ее на работу, а чуть позже они стали мужем и женой. В Уфе у них родился сын, умерший во младенчестве. Брак оказался удачным - они прожили долгую и счастливую жизнь. Уже в Москве в 1923 году родился второй сын Борис, единственный ребенок, которого беззаветно любил и баловал отец.

Осенью 1921 года из Уфы Евгений Тучков был переведен в Москву. Его заслуги перед молодым большевистским государством были оценены высоко. В начале 1931 года начальник секретно-политического отдела ГПУ Яков Агранов, представил Тучкова к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Он заполнил наградной лист, в котором перечислялись его заслуги (кстати, вранья или, как говаривали в те времена, "туфты" в писании Агранова немало -безоговорочно верить этому документу нельзя.) Когда летом 1921 года в России разразился голод, больше всего ударивший по Поволжью, Тучков принял участие в изъятии церковных ценностей. Агранов отмечает: "Под руководством тов. Тучкова и при его непосредственном участии была проведена огромная работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихоновцев и целый ряд других течений). В этой работе он добился блестящих успехов. При его непосредственном участии проводилась в 1921 году работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих."¹

Во многих губерниях изъятие церковных ценностей напоминало грабеж. Оскорблялись чувства верующих, их провоцировали на открытые выступления против большевиков. Тучков сумел в Уфе провести изъятие таким образом, что не было отмечено особых эксцессов. Но это с точки зрения Ленина и Троцкого, скорее недостаток, а не достоинство чекиста. И все же Тучкова заметили в Москве и осенью 1921 года вместе с женой он навсегда покидает

Уфу. Сначала его назначили заместителем, а затем начальником 6 секретного отдела, занимавшегося уничтожением Церкви. С сентября 1922 года Тучков бесменный ответственный секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Молодое Советское государство с первых дней своего существования объявило войну всем религиям. Но до 1922 года эта война велась нерегулярно. В мае 1921 года состоялся пленум РКП(б), на котором принимал участие В. И. Ленин. Он редактировал доклад Емельяна Ярославского, обсуждавшийся на пленуме и содержавший основные стратегические направления в борьбе с Церковью. Резюмируя основные тезисы доклада, пленум так сформулировал задачи партии: "Задача всей этой работы в совокупности должна заключаться в том, чтобы на место религиозного миропонимания поставить стройную коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии."²

В июле 1921 года при подготовке пропаганды Агитпропотдела ЦК возникла Антицерковная комиссия. Она была призвана координировать антирелигиозную борьбу во всероссийских масштабах. Секретарем комиссии с июля по август 1921 года был Емельян Ярославский. В состав этой весьма внушительной комиссии входили чиновники из Агитпропа, Московского комитета РКП(б), VIII ликвидационного отдела Народного комиссариата юстиции, ЦК РСФСР союза коммунистической молодежи, а также Народного комиссариата просвещения и Главного политического управления (недавнего ВЧК). Комиссия быстро выродилась в чиновническую структуру, которая занималась утверждением всевозможных антирелигиозных брошюр, листовок, плакатов. Весной 1922 года Ленин решил реорганизовать эту комиссию (поначалу она громко называлась "Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б)", а позже проще - "Антирелигиозная комиссия") и слить ее с другими антисектанскими и антицерковными комиссиями.

14 и 15 марта 1922 года Ленин написал программную статью "О значении воинствующего материализма". Через три дня - 19 марта направил "Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)". Эти дни стали началом той маскированной и тотальной войны против религии и прежде всего Русской Православной Церкви, которая без передышек продолжалась 10 лет, вплоть до 1931 года. Весной же 1922 года по всей России прокатилась кампания по изъятию церковных ценностей. Большевики декларировали, что ценности будут проданы, а вырученные деньги пойдут на закупку хлеба для голодающих россиян. Кампания сопровождалась массовыми арестами епископов, священников и мирян. На осень 1922 года была намечены показательные процессы над духовенством, которое оказывало сопротивление при изъятии церковных ценностей. В связи с этим было принято решение реорганизовать Антицерковную комиссию. 13 октября 1922 года на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с докладом об учреждении Антирелигиозной комиссии выступил заведующий Агитпропом ЦК А. С. Бубнов. 19 октября на заседании Политбюро ЦК

РКП(б) с участием Ленина утверждается решение Оргбюро и оговаривается состав этой комиссии, сразу же ставшей засекреченной. Все протоколы заседаний этой комиссии с самого начала своего существования помечены грифом "Совершенно секретно". Скорее всего состав комиссии и ее функции были определены гораздо раньше, а утверждение прошло задним числом. К концу 1922 года стало ясно, что "ликвидационный отдел" Наркомюста, который возглавлялся Петром Красиковым и занимался ликвидацией религии в России, стал конкурентом комиссии. Была предпринята попытка ликвидировать так называемый "ликвидационный отдел", но Красикову удалось отстаивать его вплоть до середины 1924 года.

Первый протокол комиссии датирован 27 сентября 1922 года. В заседании участвовали чекисты Вячеслав Менжинский и Терентий Дерibas, а также партийный функционер Петр Красиков и бывший священник Спасо-Коготовского храма в Петрограде Михаил Галкин (публиковавший антирелигиозные статьи под псевдонимом "Горев"), ставший полноправным членом Комиссии по изыятию церковных ценностей. Этот первый протокол уже подписан Тучковым. Приехав в Москву с женой, он вскоре вызвал старшую сестру. Тучков вместе с семьей переехал в Серафимо-Дивеевском подворье на 1-ой Мещанской улице, в самом центре Москвы. Историк Русской Церкви сталинской эпохи М. Е. Губонин вспоминал: "Служебное положение матушки Анфия (старшей сестры подворья - С. Б.) стало особенно острым и сложным после того, как неожиданно вселился в подворье "сам", всемогущий тогда, разрушитель Церкви Русской, Евгений Александрович Тучков со своей престарелой "мамашей" весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайной религиозной и большой любительницей торжественных богослужений. (Монахини подворья, слыша, как Тучков называет старшую сестру "мамашей", решили, что Анастасия Александровна на самом деле является его матерью - С. Б.) Вельможа Е. А. Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, приобрел прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств и, во-вторых, с самого момента въезда сюда, занимал равно столько весьма услужливых, почтительных и также бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц сколько было сестер в Дивеевском подворье. Сметливая матушка Анфия, конечно, нисколько не растерялась и прекрасно учла все те неисчислимые "блага", которые проистекали для подворья из самого факта проживания "самого" и непосредственно руководила обслуживанием и благоговением "Евгения Александровича" и "ихней мамашки" ("спаси их, Господи!") Справедливости ради следует отметить, что в те незабвенные годы, когда, ложась спать, люди не были уверены в том, пробудут ли они в своей постели до утра сестры Дивеевского подворья прекрасно и безмятежно почивали на своих перинах, поскольку "ангелом-хранителем" их являлся сам "Евгений Александрович!" За годы своего жительства на подворье он многократно оказывал всякого рода покровительство и некоторое, так сказать,

пособие в хозяйственных и бытовых нуждах как подворью в целом, так и отдельным его насельникам, коль скоро по тому или иному поводу они прибегали под его высокую руку.

Так, например, Евгений Александрович, заранее осведомленный по своим каналам, в свою очередь своевременно оповещал всех этих "лампядок" о местах предстоящих торжественных богослужений Святейшего Патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого), которого особенно любили и почитали верующие москвичи. В таких случаях группа дивеевских монашек, обогатившись должным образом и прихватив с собою "мамашу" отпряпались по указанному "Евгением Александровичем" адресу ("спаси его, Господи!") "Мамаша", конечно, тоже была довольна, так как при этих папомничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место в храме (где-нибудь на клиросе), какая бы давка не была в храме. Поэтому в позднейших разговорах, когда речь заходила о той, минувшей уже эпохе самодержавного царствования в Церкви Е. А. Тучкова, мать Анфия, хоть и со вздохом, но неизменно благосклонно отзывалась об этой, слишком хорошо известной, исторической (как никак) личности. "Ну да уж что вы скажете, бывало, она, с Евгением-то Александровичем еще жить можно было. Куды! Он, бывало, нам всеж-таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то глядишь еще чего. Мы уж ему премного благодарны. А то ведь другой-то давно бы уж нас всех разогнал: кого куды (и костей не соберешь!). "И, задумавшись о чем-то невеселом, покивав своей старческой головой как бы в подтверждение этих невысказанных мыслей, добавляла: "Нет, ничего, он муштина был обходительный. Не какой-нибудь фулюган, спаси его Господи!" Эту свою репутацию "обходительного муштина" Тучков подтверждал неоднократно - скоро он стал ключевой фигурой в Антирелигиозной комиссии. В 1923 году за особые заслуги наградили именным оружием - пистолетом "Маузер".

Заседания комиссии проходили в приемной М. И. Капинина регулярно - один раз в две недели. Хотя в 1922 года прошло всего лишь 9 заседаний. С 1924 года заседания проходили реже - раз в месяц. Поражает количество большевиков, привлекавшихся к работе в Антирелигиозной комиссии. Ее работу координировал поначалу Ленин, а после его смерти Сталин. В работе принимали участие Бухарин и Троцкий, Каменев и Зиновьев, Дзержинский и Катанович, Рыков и Луначарский, Менжинский и Смидович, Бонч-Бруевич и Красиков, Чичерин и Крутская, Крыленко и Литвинов, Агранов и Солыд, Скворцов-Степанов и Нариманов. Не обошлось и без подсиживания - чужака и провинциала Тучкова незлобили в ЦК. Ведь он значительно потеснил не только главного атеиста - Ярославского, но и других "старых" большевиков.

В архивах Политбюро сохранилось письмо Луначарского Льву Каменеву, направленное летом 1923 года: "...Посылаю Вам небольшую заметку под названием Резюмэ, поданную мне, вероятно, известным Вам архиепископом Пензенским Владимиром. Она не лишена забавности и некоторой поучительности. Так как я не знаю точно, кто в настоящее время является, так сказать,

верховным наблюдателем церкви, то сообщают этот материал Вам. Под прозвищем Игумен, о котором говорится в документе, разумеется работник ГПУ под фамилией Тучков, который действительно является своеобразным Победоносцевым при церковном управлении. Причем делается это настолько открыто, что тихоновцы на всех перекрестках говорят о рабской зависимости обновленческой церкви от ГПУ-Тучкова, что вряд ли для нас выгодно. Во всяком случае представляю это на усмотрение тех лиц, которым сие вестать надлежит. Нарком по просвещению А. Луначарский." ⁴

Среди русского епископата был тогда, быть может, только один архиерей, который мог запросто подать народному комиссару Луначарскому подобное Резюмэ. Архиепископ Пензенский Владимир (Путята) (1869-1936?) происходил из родовитой дворянской семьи и получил прекрасное образование. Он дослужился до штабс-капитана, был дружен с будущим российским императором Николаем II. Любимец женщины, он вел светскую жизнь в Петербурге, но неожиданно в 1899 году поступил в Казанскую духовную академию, которую блистательно закончил за два года вместо четырех. На Поместном Соборе 1917-1918 гг. за многочисленные похождения был лишен епископского сана, но оставлен в монашестве. Бывший архиепископ не подчинился решению Собора, а уехал в Пензу и организовал там уже в 1918 году "Народную церковь". В 1922 году примкнул к обновленцам, часто приезжал в Москву, где встречаясь с Луначарским. Вплотне вероятно, что Луначарский и Ярославский сознательно использовали сумасбродного и бесстрашного епископа для компроментации провинциала Тучкова. Однако, из этой интриги ничего не вышло. И Луначарский, и Ярославский известны были Политбюро как "говоруны", тогда как Тучков был чеповским дела. Он не забыл опального епископа Владимира (Стратородскому) с просьбой восстановить его в епископском сане. Синод, возглавляемый митрополитом, дважды отказал ему. Тучков в этот период полностью контролировал деятельность Синода и вряд ли мог "благословить" возвращение в лоно Церкви блудного епископа.

С момента зарождения АРК Тучков активно принимал участие в ее работе. Второе заседание только что созданной комиссии состоялось 31 октября 1922 года. Председательствовал Петр Красиков, а секретарем был чекист Терентий Дерибас. На этом заседании первое постановление гласило: "Повторить ходатайство комиссии перед Оргбюро о назначении секретарем комиссии тов. Галкина или кого-либо другого". На этом заседании провозвучал один из первых докладов Тучкова: "Пять месяцев тому назад, в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача - борьба с реакционными тихоновскими духовенством и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами как-то: митрополитами, архиепископами, епископами и т.д. Для осуществления этой задачи была образована группа так называемая "ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ", состоящая преимущественно из белых попов, что дагло нам возможность поссорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами,

ибо между белым и черным духовенством существовала вражда еще задолго до этого времени, так как последнее имело большое преимущество в церкви и ограждало себя канонами от конкуренции белых попов на высшие иерархические посты. Это обстоятельство было нами учтено и с этого было приступлено к осуществлению поставленной задачи." ⁵ Рапортуя об успехах обновленцев, Тучков все же отмечает, что: "...выполнение этой задачи, т.е. когда будет сломлена и дискредитирована тихоновщина, которая до сего времени имеет еще первенствующее значение, отсюда логический вывод, что наступит период паралича единства церкви, что несомненно должно произойти на соборе, т.е. раскол на несколько церковных групп, которые будут стремиться осуществить и проводить в жизнь каждый свою реформу." ⁶ Несмотря на проблемы со связным изложением своих мыслей, Тучков с первых шагов показал себя незаурядным интриганом. Именно он настаивал на введении среди обновленцев женатого епископата. Хотя сначала ему казалось, что цель АРК - разрушение Русской Церкви, почти достигнута. Уважение к Тучкову проявлялось на этом же заседании - ему было доверено: "...в следующем заседании сделать доклад о том, в каком положении сейчас дело Тихона, какой материал имеется, нужно ли ставить процесс его и как с ним поступить в противном случае." ⁷ Боле того - на этом же заседании он получил еще одно задание - вместе с Бонч-Бруевичем подготовить доклад о сектантах. Он же вместе с Красиковым направил в Политбюро 4 ноября 1922 года доклад от имени АРК о продолженной работе, хотя к этому времени состоялось всего лишь два заседания. В этот период он был еще лишь заместителем секретаря АРК.

К концу 20-х годов Тучков стал полновластным хозяином. Полноту его власти над Русской Церковью можно сравнить лишь с той, которой на рубеже веков обладал всеильный обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Он довольно часто выступал в советской прессе со статьями, причем подписывал их псевдонимом Теляковский, по названию родного села Теляково. В его архиве сохранились наброски антисектантской статьи 1926 года с его правкой: "Сектанты, использовавая (грамотностью Тучков не блистал! - С. Б.) заграничный опыт, великолепно организовали и централизовали сверху до низу свои общины, выделили специальный кадр проповедников, поставив им задачу ведение пропаганды среди населения и наблюдение за сектантскими общинами в смысле их идеологической выдержанности и активности и выполнения директив центральных органов. Еще большую роль играют в этом отношении так называемые пресвитеры, которые пользуются среди сектантов большим доверием. В задачу пресвитеров входит "опекание" общины в "духовном отношении" примерно как роль архиерея в православной церкви." Сектанты в этот период доставляли Тучкову гораздо больше забот, нежели православные. Увлечись борьбой с сектантами, он проморгал тайные выборы патриарха осенью 1926 года.

Словив в 1927 году сопротивление митрополита Сергия Стратородского, Тучков удостоился высокой награды - ему вручили грамоту и золотые часы.

В 1928 году на Всесоюзном съезде безбожников был избран в состав Центрального Совета СВБ СССР. Наряду с работой в ОГПУ всегда оставался активным партийцем - в 1929 году был председателем Комиссии по чистке партии в Сокольниковском районе Москвы, а в 1933 году - членом той же самой Комиссии в этом же районе. Ему доверяли и позже - в 1936 году, накануне "Большой чистки", он проверял у коммунистов партийные документы в нескольких московских ВУЗах. После поданных чисток и проверок в тюрьмы и лагеря партийцы уходили сотнями. Ликвидировав Антирелигиозную комиссию в 1929 году, Сталин все же еще раз в предвоенный период вынужден был вернуться к религиозной проблеме. В апреле 1931 года Президиум ВЦИК принял решение о создании Комиссии для рассмотрения религиозных вопросов при Президиуме ВЦИК. Смидович был назначен председателем этой комиссии, Петр Красиков его заместителем. Тучков вошел в эту Комиссию как представитель ОГПУ. Однако, эта Комиссия оказалась нежизнеспособной и вскоре ее деятельность была прекращена.

Тучков болезненно ощущал недостаток образования - даже в его отчетах, когда он был ответственным секретарем Антирелигиозной комиссии, масса орфографических и синтаксических ошибок. Без отрыва от работы учился в Московском университете на этнологическом факультете. Но характер работы в ОГПУ не дал возможности завершить высшее образование. С 1935 по 1939 годы Тучков был слушателем факультета Особого Назначения НКВД СССР. В его архиве сохранилась справка, свидетельствующая о том, что выпускные экзамены по пяти предметам (русскому языку и литературе, немецкому языку, алгебре и геометрии, физике и географии, правда, по программе средней школы), им сданы на отлично. А вот по истории народов СССР по программе высшего учебного заведения выпускной экзамен не сдан. Тем не менее за год до смерти, в мае 1956 года он обращается в институт философии Академии наук СССР с просьбой принять на должность научного сотрудника. Он ссылался на то, что им написано и опубликовано более 30 статей и три брошюры: две на тему "Наука в борьбе с суевериями" и "Сектанство и его идеология". В автобиографии 1956 года он сообщает, что работает над книгой - "Церковь в первые годы Советской власти."

И все же он пришелся не ко двору в 30-е, когда вся полнота власти сосредоточилась в руках Сталина. Большие перемены произошли и в ОГПУ. Прежде всего, после смерти Дзержинского главой этого ведомства считался (вплоть до своей смерти в 1934 году) Вячеслав Менжинский. Но поскольку он был серьезно болен и почти не покидал своего кабинета, работая полужелеза, то уже при его жизни постепенно вся полнота власти стала сосредотачиваться в руках его первого заместителя Генриха Ягоды. Новая экономическая политика, введенная еще по настоянию Ленина, не могла не коснуться и чекистов. Спартаковские нравы были погребены вместе с Дзержинским. Красивая жизнь, деньги, женщины - все это не было чуждо Генриху Ягоде.

Аресты так называемых "бывших" - дворян, купцов и нэпманов, привелили

к тому, что в руках чекистов оказывались порой сказочные богатства. Большая часть припала к рукам Ягоды и его приближенных. Михаил Шрейдер, бывший заместитель НКВД Казахстана, переживший арест и лагерь, вспоминал: "Большинству оперативных работников ОГПУ конца 20-х так или иначе становилось известно об устриваемых на квартире Ягоды шикарных обедах и ужинах, где он, окруженный своими любимчиками, упивался своей всевозрастающей славой. Я никогда не бывал в ягодинском особняке, но еще в середине двадцатых слышал от начальника административно-организационного управления ОГПУ Островского, что начальник строительного отдела Лурье, бывший соседом Ягоды, несколько раз перестраивал жилище будущего шефа НКВД. В конце двадцатых в этом доме жили также семьи тогдашнего начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова, начальника секретного отдела ОГПУ Дерibasа, начальника иностранного отдела ОГПУ Триписера, а также Агранова. Позднее Ягода переехал в Кремль, где и жил вплоть до ареста."⁸

Тучков не сумел войти в близкий круг Ягоды. Фактический руководитель чекистского ведомства ждал от подчиненных похвал и восхищений. Когда в 1927 году отмечалось 10-летие ВЧК-ОГПУ - "Ягода с группой приближенных наносил эффектные 10-15 минутные визиты в лучшие рестораны, где были устроены торжественные ужины для сотрудников различных управлений и отделов ОГПУ, причем рестораны были для этого использованы действительных самых лучших: "Националь", "Гранд-Отель", "Савой" и другие. Апофеозом этих визитов в каждом случае было чтение сотрудником особого отдела ОГПУ Семенов Арнольдовым плохоньких вишей с неумным восклицанием Ягоды, где он фигурировал как "великий чекист". Последнее обстоятельство особо интересно, потому что тогда даже в отношении Сталина никто таких прилагательных не употреблял."⁹ В подобной атмосфере Тучков чувствовал себя лишним. В течение 10 лет он беззаветно трудился, разрушая Русскую Церковь - без отпусков и выходных. Конечно, повышение по службе повлияло на его благосостояние. Он жил в приличной квартире в чекистском доме в Большом Комсомольском переулке, у него была домработница. Продукты получал из спецраспределителя. Но изменение атмосферыстораживало - видимо, он чувствовал, что его звездный час позади. Спротивление Русской Церкви практически было сломлено, митрополит Сергей и его Синод стали карманными, Антирелигиозная комиссия в 1929 году была распушена Сталиным.

Почувствовав, что его забывают и оттирают, он решил в начале 1931 года напомнить о своих заслугах перед Советской властью. Руководство ОГПУ еще помнит и поддерживает его. Представление о награждении подписано тогдашним первым заместителем начальника секретного отдела ОГПУ Яковом Аграновым. Но само представление написано, согласно ненясным бюрократическим принципам, самими Тучковым. В его архиве сохранились строки, где слово в слово повторяется представление Агранова: "Тучков Евге-

ний Александрович происходит из семьи крестьянина-бедняка. Член партии с 1917 года. В органах ВЧК-ОГПУ работает с 1918 года. В настоящее время состоит в должности Начальника 3-го Отделения Секретно-Политического Отдела ОГПУ... В 1923-1925 гг. им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о полярном отношении церкви к Советам.

На протяжении ряда лет тов. Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви. Блестяще проведена работа по срыву объявленного Папой Римским в 1930 году крестового похода против СССР...¹⁰ В представлении перечисляются заслуги Тучкова деле борьбы с сектантами. Но самое откровенное в этом документе - энергичная "работа" Евгения Александровича и его подчиненных на заре "большого террора": "... Благодаря энергичной работе тов. Тучкова была раскрыта и ликвидирована в конце 1930 и 1931 гг. Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников "Истинно-православная церковь", опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов - 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие. Стоящий во главе этой организации церковно-политический центр, возглавлявшийся профессором Посевым, Новоселовым, епископом Иосифом и др. ставил своей задачей объединение под флагом церкви всех контрреволюционных сил для свержения Советской власти и реставрации монархии..."¹¹

Сегодня, когда стали доступны архивы ОГПУ-НКВД, ясно, что Тучков, повествуя о Всесоюзной контрреволюционной организации, говоря лагерным языком, "нал туфту". Ни профессор Алексей Лосев, ни тайный епископ Марк (Михаил Новоселов), ни тем более митрополит Иосиф (Петровых), не могли не только пользоваться огнестрельным или холодным оружием, но, как люди умные и достаточно трезвые, отнюдь не пытались восстановить монархический строй, вряд ли и помышляли об этом при всех симпатиях к нему. Признания на этих процессах выбивались следователями под пытками, но многие из обвиняемых не признали себя виновными. Кто-то, подобно профессору Алексею Посеву, спомался, на всю жизнь устоив "марксистскую диалектику", но болышая часть держалась стойко. Все, кто проходил по сфабрикованным Тучковым и его подчиненными делам, пошли по тюрьмам и лагерям. В представлении перечисляются разгромленные доблестными чекистами филиалы на Северном Кавказе и Центральных Черноземных областях. Даже небольшие деревенскими Святейшим Синодом "Имяславцы", скрывавшиеся на Кавказе, попали в этот черный список.

Представление завершается перечислением последних успехов Тучкова: "... Под руководством тов. Тучкова за последние 2-3 года было ликвидировано несколько сотен крупных антисоветских организаций и группировок церковников повстанческого и террористического характера. В деле борьбы с контрре-

волюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группировавшихся вокруг церкви, Тучков проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость..."¹²

Но это был последний знак признания заслуг Тучкова. В конце октября 1931 года ВЦИК награждает его орденом Трудового Красного Знамени. В сопроводительной справке к представлению перечислены прежние награды Тучкова - "револьвер, чекистский почетный знак, грамота с золотыми часами и благодарность по приказу." В начале 30-х его настигла тяжелейшая болезнь - будучи страстным курильщиком с юных лет, он получил предостережение от врачей, что может лишиться ног, если не бросит курить. Сохранились фотографии 1931 года, когда он впервые вынужден был отправиться в Кисловодск на лечение - на них Тучков запечатлен с палочкой. Однако, будучи волевым человеком, он резко бросил курить. Эта болезнь, как ни странно, помогла ему улететь в годы ежовских чисток и в 1939 году уволиться из НКВД. Последняя должность, которую он занимал в НКВД - майор, упомянутый по Уралу. Для тех лет это была практически генеральская должность. Крестьянская сметливость помогла ему выжить в страшные годы ежовско-бериевских чисток, когда из чекистского дома в Комсомольском переулке, неподалеку от Публянки, где он жил, каждую ночь уведили его соратников. После увольнения стал лектором Союза воинствующих безбожников, разъезжал по России с атеистическими лекциями. В 1941 году - ответственным секретарем Центрального Совета союза воинствующих безбожников. В одной из автобиографий сообщает: "Будучи пенсионером, в 1939 году был приглашен тов. Ярославским на идеологическую работу в Центральный Совет СВБ СССР. (Он меня хорошо знал по совместной партийной работе в Комиссии при ЦК КПСС по проведению декрета об отделении Церкви от государства, в которой я в течение почти 10 лет состоял ответственным секретарем), где с 1940 года до самой ликвидации ЦС СВБ СССР, т. е. до 1947 года работал сначала в качестве лектора, а затем ответственного секретаря Центрального Совета СВБ СССР."

Работа была благодарной и нелегкой. Во время многочисленных разъездов Тучкову пришлось столкнуться с жестокими реалиями "социалистического рая". До начала войны ему пришлось побывать не только в Иваново, Смоленске, на Урале, но и в Прибалтике. В его архиве сохранились характеристики, выданные ему в тех местах, где он читал атеистические лекции. В одном из писем зимой 1940 года он писал сыну из Ростовской области: "Нахожусь сейчас в совхозе, в 60 км от железной дороги. Это поездка не то, что первая в Ивановскую область (родина Тучкова - С. Б.) очень трудная. Мне надо обслуживать лекциями 7 совхозов, а они друг от друга находятся на расстоянии 20-40 км. Здесь все время стояли морозы и снежные бураны. И вот в такую погоду приходится ездить на подводах, т. е. быть по 4-5 часов в открытом поле. Ночевать приходится так же - где полагло. В избах холодно, столовых нет, а где проходят лекции помещения не отоплены. Словом, очень все неважно. Хорошо, что я взял с собой хлеба, а то здесь совсем его нельзя купить. Жаль,

что не взял вапенок... Через час пойдю в клуб читать лекцию "Наука и Религия." Народ антирелигиозными лекциями не особенно интересуется, все приходится звать и звать. Сейчас очень интересуются международным положением. Меня прямо закидали об этом вопросах. Меня просили даже прочесть на эту тему лекцию, но я отказался, провел беседу..."¹³

Войну Тучков встретил в Москве, проводив на фронт сына Бориса. В одной из автобиографий в мае 1944 года Тучков вспоминал: "6 июля 1941 года по призыву партии добровольно пошел в Красную Армию. До конца сентября того же года я находился на фронте: сначала в Андреевском районе Смоленской области, затем в районе озера Селигер Калининской области (деревня Красуха). 20 сентября 1941 года я тяжело заболел и 89 эвакупунктом был из армии как непригодный к военной службе освобожден совсем. Из армии я приехал к своей семье в Златоуст, где лечился поправился до января 1942 года, а потом, когда стал чувствовать себя окрепшим, поехал в Москву, где и стал работать на лекционной работе (вести антифашистскую пропаганду) в Центральном Совете СВС ССР, а потом одновременно еще и военную работу, состоя заместителем начальника военно-учетного пункта по политической Ростокского района, которую выполнял и сейчас." До ухода на фронт принимал участие в строительстве оборонительных рубежей Москвы - позже уточняет: с 6 июля по 15 сентября 1941 года. Значит, на фронте провел чуть меньше недели.

В 1946 году Союз воинствующих безбожников был ликвидирован по указанию Сталина. С этого года Тучков ушел на пенсию, однако не прекратил работать. Он числился внештатным лектором Центрального лекционного бюро Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР (и такое было! - С. Б.). В 1947 году завершил работу над книгой, которую назвал "Русская Православная Церковь и контрреволюция." Если бы она была опубликована в те годы, ее ценность трудно было бы оспорить. История 20-х годов намеренно фальсифицировалась отечественными историками. Тучков в своей книге изложил немало ценных фактов, включив в нее документы, в том числе Послания патриарха Тихона. Сегодня ее ценность невелика, поскольку внутренний цензор постоянно сдерживал Тучкова, заставляя его рисовать Русскую Церковь и ее членов лишь черной краской. Да и события доведены лишь до 1925 года - до смерти патриарха Тихона. Большая часть книги посвящена обновленцам, их лжесоборам и документам. Эти материалы Тучков знал превосходно, поскольку сам их готовил.

После войны он приобрел участок земли под Москвой и начал строить дачу, продолжая работать над книгой. Сохранился ее план. Он изменил название - новый вариант должен был называться "Октябрьская социалистическая революция и Русская Православная Церковь". Само название свидетельствует о том, как менялись взгляды автора. В черновиках сохранились записи: "Любите врагов наших (о личных, а не классовых врагах)". Для себя Тучков сделал заметки под общим заглавием: "Какие надо прочитать архивные мате-

риалы: 1. Стенограмму разговора с Тихоном Обновленцев в 1922 г. при передаче им патриаршей власти; 2. Сводки и доклады об изъятии церковных ценностей; 3. Дело патр. Тихона; 4. Дело митроп. Петроп. Вениамина; 5. Автограф. Тихона, его раскаяние и др. документы; 6. Белогв. газеты - "Руль", "Посл. Новости и др. за 1921-25 гг."; 7. Постанов. Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства; 8. Воззвание (подлинное) митр. Сергия 1929 г. против папы Римского; 9. Доклады о церковниках в правит. органы; 10. Все о церковниках после 1932 г. (дела, эвакуация, выборы патр. и т. д.). Евгений Александрович готовился к работе основательно. Скорее всего нем шла глубокая внутренняя работа, заставлявшая в чем-то переосмысливать прежние убеждения. На даче отстраивался кабинет, в котором мечтал начать капитальную работу над воспоминаниями. "Мне есть что вспомнить", - не раз говорил он вникам.

Тяжелая болезнь - **распадающийся кровотоочный рак желудка с метастазами** прервал эту работу. Весной 1957 года он был госпитализирован в Центральный госпиталь МВД СССР. Врачи признали, что опухоль неоперабельна. Тучков знал, что умирает и 15 апреля 1957 года, незадолго до смерти, пригласил в больницу патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского), которого хорошо знал еще с 20-х годов. Врачи вызвали и жену. Елена Александровна, до конца дней оставшаяся "безбожницей", волнуясь и недоумевая, вынуждена была ожидать в приемном покое несколько часов, пока Тучков беседовал с патриархом. Она страшилась, что так и не сумеет проститься с умирающим мужем. Его похоронили на Ватяновском кладбище и, казалось, забыли навсегда. Однако, уже в начале 70-х годов о нем заговорили в диссидентских кругах, когда появилась исследование церковных историков Анатолия Краснова-Левитина и Вадима Шаврова "Очерки по истории Русской Церковной смуты." Но только сегодня становится ясно, что Евгений Тучков был одной из ключевых и загадочных фигур российской истории Советского периода.

Выброшенный из лона ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ, он в течение 17 лет как бы со стороны наблюдал результаты своей разрушительной работы. Думаю, что испытал шок после встречи Сталина осенью 1943 года с тремя митрополитами. Удивительно, что чекист Георгий Карпов, сменивший Тучкова на посту "куратора" от НКВД Православия и возглавивший в 1943 году Совет по делам Русской Православной Церкви, не привлек его на работу. Второе потрясение Тучков испытал после ликвидации Сталиным Союза воинствующих безбожников в 1946 году. Он безвозвратно выгнал из чекистского гнезда. Почти все его соратники по 6-му секретному отделу ОГПУ, занимавшиеся уничтожением Русской Церкви, погибли в сталинских чистках. Но встречи с исповедниками, мучениками не прошли для него даром. В послевоенный период он пытался переосмыслить события 20-х годов. Жаль, что страх и внутренний цензор так и не позволили ему раскрыть истинных мыслей и оценок - результата его долгих наблюдений и размышлений. Атеистические брошюры, изданные им по-

сле войны, убоги и бесцветны. И только его предсмертная исповедь, так и оставшаяся тайной для историков, говорит о том, что внутренний процесс переосмысления своих деяний совершался в нем постынно.

Примечания:

1. - Васильева О. "Серый кардинал ВЧК", "Новое время", №46, 1993, с. 43. В архиве Е. А. Тучкова сохранился машинописный лист с его правкой, который свидетельствует о том, что первоначальный набросок представления к награждению был составлен им.
2. - Ярославский Е. "Против религии и церкви", М. 1933, т. II, с. 161
3. - Губонин М. Е. "Триарх Тихон и история русской церковной смуты", СПб, 1994, сс. 197-199
4. - "Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925." Новосибирск- Москва, 1998, Часть 2, сс. 355-356
5. - РГАСПИ, ф. 5, Оп.2, Д. 55, л. 43
6. - там же, л. 43
7. - там же, л. 41-42
8. - Шрейдер Михаил, "НКВД изнутри", М. 1995, с. 9
9. - Там же, с. 9
10. - Васильева О. "Серый кардинал ВЧК", с. 43
11. - там же, с. 43
12. - там же, с. 43
13. - архив Е. А. Тучкова
14. - там же.

Михаил Польский

О СОВЕТСКОЙ ЦЕРКВИ

*Когда говорит он ложь,
говорит свое, ибо он лжец
и отец лжи (Ин. 8, 44)*

1.

Россия нуждается сейчас больше всего в правде и в свободе.

И к свободе она придет только через правду. Пока будем лгать, будем рабами, ложью свидетельствуя о своем рабстве и закрепляя его. Вот почему наши исповедники и мученики последних десятилетий вели нас к свободе, а лицемеры и лжецы наших дней ведут нас в рабство.

Мы не выйдем из этой океанной смуты, пока не отделим честно и четко правду от лжи и не начнем стойко и мужественно выговаривать правду. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как нас утопили во лжи и продолжат нас унижать ложью, страхами и насилием. А ныне им удалось заразить многих из нас этой ложью; и скорбно видеть, как честные начали верить ей и повторять ее...

С самого начала большевизской революции было ясно, что Православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому, неслыханному в истории началению, со своей стороны непримлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что, пока дух Православной Церкви жив в русском человеке, - дух безбожного коммунизма не овладеет душою русского человека, не поведет Россию, не станет русским духом... А между тем - именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: "Россия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам зарезаться ею до конца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там - пусть погибнет или растворится в мировом всемирении...". Большевицкая революция никогда не была русским делом, да и не выдавала себя за такое. Она всегда была мировой затеей, начатой интернациональным сбродом людей во имя не русских и враждебных России целей.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам - последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма, готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это было с самого начала - замысел мировой тирании, замысел антихристианский, бессовестный и бесчестный. Это был план - разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнуздать их и поработить, при помощи монополии работодателя и неадекватного террора. И ныне этот план отнюдь не оставлен: он жив и действует больше, чем когда-либо. И те, кто говорят, будто он "отвергнут и забыт", - лгут и тем самым служат его осуществлению, сознательно или бессознательно...

Россия необходима большевикам для его осуществления, как плацдарм, как главное орудие, - государственное, дипломатическое, хозяйственно-финансовое и военное. Мало того: им необходима душа русского народа, его вера, его жертвенность, его живой пафос, его талантливость, вся его культура, все его естественные богатства, вся его территория, его имя, его язык, самое его существование...

И всё это выяснилось с самого начала. А теперь всё это стало ясно и многим иностранцам. Вообще после прошедших тридцати лет этого нет надобности доказывать. Это уже доказано фактами, цифрами, речами самих большевиков и их лозунгами. И еще мученичеством миллионов лучших русских людей. Это есть историческая истина, неопровержимая и окончательная. Но по-прежнему тем, кто ее забудет или станет ее отрицать...

Теперь спросим: мог ли живой дух Православной Церкви принять это? - Конечно нет. -

Могла ли Православная Церковь, духом своим создавшая и воспитывавшая Россию, провести искуственную и фальшивую грань между "церковной" сферой и "политической", и предаться двусмысленному и предательскому "невмешательству"? - Конечно нет. - Она этого и не сделала. А если бы она попыталась сделать это, то немедленно началась бы беспощадная наступле-

ние Болышевиков на нее прекратило бы эту попытку. Так и было в действительности.*

2.

Тоталитарный коммунизм с самого начала не доверял так называемым "нейтральным", хотя и соглашался пользоваться ими в первые годы. Его основное правило гласило: "кто не с нами и не за нас, тот наш враг и подлежит истреблению". Прошли первые годы - и все, все, все были потянуты к ответу. Рабочие, крестьяне, ученые, инженеры, адвокаты, чиновники, духовенство, ремесленники и уголовные, - все должны были говорить: или "да, я с вами", или же "нет, я против вас", и не то чтобы "сказать" один раз, а говорить, повторять и подтверждать это все новыми и новыми поступками, по вульгарному правилу: "коли любишь - докажи"... Надо было помогать, служить, быть полезным, исполнять все требования, даже и самые отвратительные, бесчестные, унижительные, предательские. Надо было идти на смерть героем-исповедником, или же стать на все готовым эпидеем: донести на отца и на мать, погубить целые гнезда невинных людей, выдавать друзей, гласно требовать смертной казни для почетных и храбрых патриотов (как делал, например, артист Качалов по радио), совершать провокаторские поступки, симулировать воззрения которых не имеешь и которые презираешь, пропагандировать безбожие, проповедывать с кафедры самые идиотские теории, верить в заведомую и бесстыдную ложь и лгастить, неутомимо, бесстыдно лгастить мелким "диктаторам" и большим тиранам... Словом, выбор был и ныне остался простой и недвусмысленный: героизм и научническая смерть, или же порабощение и пособничество.

Русские народные массы поняли это в первые же годы - и попытались уйти в маскировку.

И вот, всё политическое развитие революции может быть описано как систематический нажим на маскирующихся, нажим, в котором молчаливого провозгласили, на углончивого донесли, неудобного увозили, малольсташему "пришивали" небывалое, подозрительного сыскали, неосторожного ликвидировали: а с другой стороны маскирующиеся изобретали все новые способы остаться незамеченными, уйти от нажима, они изыскивали все новые жизненные маскировки, новые формулы нейтральности или полу-полярности, новые закулки быта, новые "леса", "овраги" и "тундры" - для спасения... И наконец всё это увенчалось - выработкой живой маски на лице...

Сколько раз за последние годы иностранцы спрашивали нас, почему это у русских такие "каменные лица"? Они были правы: советские все носят живую маску и молчат. На лице - ни чувства, ни мысли, ни интереса. Мертвая ту-пость, неподвижные щеки, незамечающие, хотя всё время рыщущие глаза, в них смесь из застывшего испуга, раблепия, на-всё-готовности и хитрого са-дизма. Это у советских чиновников. У простых людей - та же маска, но, конеч-

но, без раблепия и без садизма. Страшно смотреть. Защитные маски. Застывшая ложь. Какие-то трупы тоталитаризма. Работы советчины. Препараты коммунизма. А что там в душе скрыто и замолчано? Об этом скажет история впоследствии. Вот во что превращена сейчас наша простодушная и словоохотливая Русь...

3.

Понятно, что от этой дилеммы, от этой маскировки не могли уйти и деятели Православной Церкви. Одни пошли на мученичество. Другие скрылись в эмиграцию или подполье, - в леса и овраги. Третьи ушли в подполье, - личной души, научились безмолвной, наружно невидной, потайной молитве, молитве сокровенного огня...

Ныне нашлись - четвертые. Эти решились сказать болышевикам: "да, мы с вами", и не только сказать, а говорить и подтверждать поступками; помогать им, служить их делу, исполнять все их требования, лгать вместе с ними, участвовать в их обманах, работать рука об руку с их политической полицией, поднимать их авторитет в глазах народа, публично молиться за них и за их успехи, вместе с ними провоцировать и поднимать национальную русскую эмиграцию и превратить таким образом Православную Церковь в действительное и послушное орудие мировой революции и мирового безбожия...

Мы видели этих людей. Они все с типичными, каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они не стеснясь, открыто лгут и притом в самом важном и священном, - о попожении Церкви и о замученных болышевиками исповедниках. Они договорились частным образом с советской властью и, не забываясь насколько о соблудении церковных канонов, "выделили" из своей среды удобного болышевиком "Патриарха" и официально возглавили новую религиозно парадоксальную, неслыханную "советскую церковь"

Вот смысл происшедшего.

Зачем они это сделали? Оставим в стороне их личные побуждения. За них они ответят перед Богом и перед историей. Спросим об их "церковных" соображениях. Для чего они это сделали?

1. Для того, чтобы покорностью антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство и на храмы; - "купить" пере-дышку ценою содействия болышевизму в России и заграничье.

2. Из опасения, как бы антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении Православия; - чтобы в борьбе с католиками иметь антихриста за себя...

История покажет, чего этой группе удастся в действительности достигнуть, что она потеряет и что приобретет, и какова будет ее личная судьба. Не под-лежит однако никакому сомнению, что будущее Православия определится не компромиссами с антихристом, а именно тем героическим стоянием и исповедничеством, от которого эти "четвертые" так вязывающе, так предательски

отреклись...

Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что вся эта группа будет "своевременно", т. е. в подходящий момент казнена большевиками; но увидят они из жизни не в качестве верных Православия исповедников и священномучеников, на подобие митрополиту Вениамину, Петру Крутицкому и другим, их же имена Ты, Господи, знаешь, а в качестве не угодивших антихристу, хотя по мере сил и угождавших ему, рабов его...

Ибо, - установив это теперь же, - в сделке с советской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются реальными услугами и безоговорочным содействием.

4.

То соглашение, которое они заключили, не может быть названо - "конкордатом", ибо конкордат предполагает известное, хотя бы скромное, "равенство" и хотя бы минимальную свободу договаривающихся сторон. Сталин - и Сергей, Сталин и Алексей никогда не были равны: Сергей и Алексей были всегда терроризованными пленниками Сталина: они не были свободны; они не "договорились" со Сталиным, а покорились ему. При этом Сталину важно было изобразить это дело для Европы и Америки как "конкордат", и эту покорность, как "свободное соглашение равных сторон". Надо было, чтобы мир поверил: а мир по мудрой римской поговорке, и без того всегда "хочет быть обманутым"...

Алексей понимал это с самого начала и отлично знал, что делает: он мог обмануть мир, чтобы поднять в его глазах и свой авторитет (как же?... "Независимый Патриарх всей Руси"...), и авторитет советской власти (как же?.. "Огненные Церкви в советском государстве на свободе и в почете... и сама же отрицает в прошлом всякие гонения, как небывшие"...).

С этим заведомо ложным известием Алексей, а потом и его эмиссары поехали за границу. Они лучше чем кто-нибудь знали, что Церковь стала покорным учреждением советского строя: что они обязаны и смеют говорить только ту ложь, которая им предписана: они знали, что лгут и лгали о мнимой свободе Церкви.

Каждый прием Алексея на ближнем востоке давался "втроем": он сам и два, стенографирующих каждое слово агента "внутренних дел" (для взаимного контроля). Стенографировались его собственные слова и слова посетителя. При этом Алексей уверял посетителя, что "православная Церковь вполне свободна" и тем провоцировал посетителя выдавать себя с головой большевицкой тайной полицией. Он конечно понимал, что его выступления имеют смысл политической провокации - и провоцировал. "Патриарх всей Руси" в роли сознательного политического провокатора у антихриста...

Таковы же были и выступления его политических эмиссаров в Париже, этих т.н. "митрополитов" и "епископов". То же самое происходило и в Амери-

ке. Все они лгали и провоцировали; и знали, что лгут и провоцируют. И видели, что им верят - или одни "свои же агенты", или сверх того еще и отменные эмигрантские глупцы, и без того желающие быть обманутыми. А про эмигрантских не глупцов они твердо знали, что эти - только притворяются, будто верят, а на самом деле сознательно помогают им обмануть эмигрантское и мировое общественное мнение в пользу большевизма - и при том по международной директиве данной из-за мировой кулисы. Они понимали всё это - и лгали дальше. А если под шумок "провирались правдою" - то бывали за это немедленно увозимы в Москву на аэроплане (так было в Париже).

Удивительно легко, привычно и ловко катились они по этой линии лжи. Это прочем понятно: главная ложь была у них уже за плечами: у них хватило духа объявить устно и печатно, что все мученики и священномученики Православной Церкви за последние тридцать лет страдали не за веру и не за Христа, и не за Церковь, а за "политические преступления" против советской власти: у них хватило духа, - еще у Местоблюстителя митрополита Сергия, - заявить, что никаких гонений на веру, на верующих, на Церковь, на храмы и на святыхни Православия в советской стране никогда не было. **После этой вопиющей лжи - всё остальное лгание пошло легко и гладко.**

5.

Книгу Местоблюстителя Сергия, вышедшую в Москве, во второй половине 1942 года, надо было видеть и изучить, что нам и удалось сделать.

Это - сборник статей, "заявлений" и "свидетельских показаний". Участники были - сам Сергей, его ближайшие церковные помощники и длинный ряд "духовных" и светских лиц. Тезис у всех был один: советская власть никогда не вела гонений на Церковь, на веру и на верующих: гонения начались только в момент вторжения германских фашистов и ведутся только ими. Каждая статья сопровождалась портретом, ее названного автора или во всяком случае факсимиле его подписи.

Кто читал эту книгу, - зная историческую правду, - того охватывало чувство головокружения и ужаса. Это был поток заведомой, вызывающей, бесстыдной лжи: всё было написано одним и тем же, одинаковым стилем и произносилось тоном аффектированного*, наигранного негодования, с эдакими раскатами "истинно-коммунистического пафоса", и с этою, за тридцать лет всем осточертевшею подхалимской "лопльностью"... - Что было - того "не было". Церковь "цветет", народ "свободно молится", храмы - "открыты", никаких угнетений средю не бывало.

Когда же волна злодейского умысла, ненависти и свирепости действительного надвигалась из Германии - по обычаю советской пропаганды - к очевидно-бесспорной правде пристегивалась заведомая ложь... И произносилось всё это распаленным тоном заведомого лжеца, знающего, что ему никто не верит и не поверит.

И потом эти "иерархи" явились к нам, за рубеж, и предложили нам признать их "авторитет" и подчиниться их церковному водительству так, как они сами подчинились духовному водительству советов. О последнем они, впрочем, умолчали. А за рубежом сейчас же нашлись такие, которым эти люди показались носителями "истинного и свободного Православия", и которые увидели в Алексее (страшно сказать) "хранителя канонов" и великого водителя церкви". И послушили "уверовать" в него и подчиниться ему... И конечно принять "советскую церковь"...

А "светская церковь" есть на самом деле - учреждение советского противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блести тайну исповеди. По истине, только тот, кто всё забыл и ничему не научился, может вообразить, что тоталитарный коммунизм способен и склонен чтить тайну исповеди; что священник "алексеевской, советской церкви" посмеет блести эту тайну и, приняв исповедь честного патриота, (т. е. "контрреволюционера" или идейного антикоммуниста) не довести ее по линии НКВД или МВД...

По истине, только тот, кто устал бороться с **советскими рабовладельцами** и поддался их пропаганде, может думать, что "Патриарх" Алексей хранит и строит истинное Православие. Только тот может считать Алексея "хранителем канонов", кто никогда не читал их и не выкинул в их глубокий христианский смысл. Этот смысл - прежде всего в свободе от человеческого давления на "извлечение Духа Святого" и во вдохновенном повиновении Его внушениям. И потому-то, что Алексей на самом деле может "хранить", конечно в пределах угодных и удобных советской политической полиции, - это традиционная **внешность исторического Православия**, а каноны он уже попрал, взбираясь на запустевший престол Патриарха всея Руси.

В ответ таким забывчивым и утомленным мы выдвигаем тезис: **православие, подчинившееся советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна - есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанные ризы исторического Православия.**

Но этот тезис мы уже не будем доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тот, кто действительно "не видит" ложной роли нового "Патриарха", подумает только: сам порабощенный, - зачем он сплится подмять под себя и поработить вместе с собой еще и зарубежное Православие? Сам принявший компромисс с врагами Христианства и Православия, вынужденный к этому, - зачем он навязывает этот компромисс нам, которые имеем возможность, слава Богу, не молиться за дьявола и его успехи в мире. Ведь казалось бы - надо Бога благодарить за то, что зарубежное Православие может жить и молиться, не служа антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность в иерархическом подчинении, в возможности назначать, подписывать, столь

чуждая истинному Православию?

Почему это стало вдруг необходимо - лишить зарубежное Православие свободы его молитвенного и церковного дыхания? Православию ли нужно поработить все зарубежные приходы и епархии под низкую руку НКВД, чтобы всюду шныряли, подписывали, шпионили и составляли свои прокрипционные списки его бессовестные и свирепые агенты, эти исчадия зла и позора? Кто же в действительности нуждается в этой нашей зависимости - Православная Церковь или советское правительство?

Тут спросить - значит ответить. Советская церковь осуществляет во всех своих выступлениях - не волю Церкви, а волю советчины. А слепцы и лицемеры спешат ей навстречу.

6.

Мне, как жителю Италии, пришлось однажды видеть в соборе города Орвьетто замечательную фреску художника XV-XVI века Луки Синьорелли: "Пришествие Антихриста".

Впечатление было потрясающее, незабываемое. Особенно для нас, явно видевших гонения большевиков на Православную Церковь...

"Он" изображается в чертах, жутко, кошмарно напоминающих лик Христа Спасителя. Страшно смотреть на эти черты. Они сдвинуты в сторону пошлой сытости, лживости, лицемерия, аффектации и какой-то пронзительной порочности... Эти отвратительные черты не воспроизводят в деталях и фотографы... "Он" появляется на огромной фреске несколько раз.

Вот "он" делает ложные, соблазнительные чудеса, - исцеляет больного среди ликующих родственников его. Вот "он" говорит к народу, а дьявол слева, придерживая его за талию, налетывает ему на ухо свои инструкции... У ног его лежат в куче только что конфискованные священные сосуды. Агенты его раздают направо и налево золото. В слушающей толпе есть всякие: уже соблазнившиеся и еще сомневающиеся, растерянные и любопытные, резонеры и продажные, интеллигентные и черны, безразличные и неистовые. А там, справа и слева - пагачи душат протестующих, обезглавливают верных, избивают духовенство и непокорных... И агенты, одетые во всё черное, уже загладили храмами и отбирают святыни...

Страшная картина. Пророческая картина.

О ней думаешь невольно, проносясь эти противоестественные, бессмысленные слова: "советская Церковь"...

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

"Д-е-е-тушки, Антихрист!"

Святейший Патриарх Тихон анафематствовал совласть за гонение на святую Церковь. Он считал содружество с безбожниками невозможным, про-

твоя ответственность... "Заключаем всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение", а тем более в переговоры и договоры. Кто снял это проклятие? Кто решил верующими, да еще живущим в свободном мире, общаться с сатанистами?

С 1920 года Православная Церковь в России в руках большевиков, как птичка в лапах кошки. Известно, что в конце 30-х годов большевики в инных местах СССР восстановили несколько монастырей, наполнили их своими молотцами, даже некрещеными, научили общехристианскому и монашескому житию и уже во время войны 41-45 годов по всему государству распустили молотых "священнослужителей", наполнили Церковь псевдодуховенством!..

"Дьявольская ложь совласти заключается и в том, что религиозные гонения именуются политической борьбой, и исповедание веры и правды квалифицируется, как политическое преступление".

В тридцатых годах мне пришлось отбывать "пятилетку" в советских концлагерях. Во многих лагерях почти четвертая часть обитателей была тихоновское духовенство - епископы, священники и диаконы, и иные церковники. Большинство из них там и остались - в могилах. В СССР девяносто процентов храмов разрушены в 1932-35 годах. И после того, что я там видел, меня "московский Патриарх" пытается уверить, что гонения на Церковь в СССР никогда не было. Пожр, ложь!

Патриарх ли говорил это? В объяснение сего вопроса вспомним негласный указ Святейшего Патриарха Тихона, которым тихоновское духовенство руководилось до времени митрополита Серия: подтвердив свое отношение к антихристианской власти, Патриарх добавил, что "ежели будут присылаться от нас указы иные, - не верить им, ибо от нашего имени могут издаваться указы без моего ведома. Даже, по примеру Императора Петра Великого во время войны с турками, я, находясь в плену, под насилием, мало ли что могу подписать вредное для Церкви"... Поэтому письменной связи у Патриарха и у Местоблюстителя митрополита Петра с епархиальными архиереями не было, а от епархий связанными были уполномоченные представители, - самоотверженные толковые миряне.

Христова Церковь - Божественное учреждение на земле. Христос - Глава Церкви. От Главы Христа Церковь свята, непорочна, благодатна. В СССР антихристисты сосратпали фальшивую церковь, внешне похожую на Церковь Христову, но фальшивую!!

Во всяком государстве за настоящие законные деньги дают товары, продукты, - всё потребное для жизни, а за фальшивые зподеев-фальшивомонетчиков сажают тюрьму.

В свое время Христос Спаситель расправится с фальшиво-Церковниками, теперь же нам верующим надо быть сулбо осторожными: держаться истинной Матери Церкви и удаляться от фальши и лжи и от тех, кто по-

верил лжи.

Зарубежная Русская Православная Соборная Церковь промыслительно от Бога получила высокую миссию хранить основы Русского Православия и говорить свободным голосом за границей от имени Матери Церкви поработенной на Родине. Мы, православные русские зарубежники, - не еретики, не схизматики, не политиканы, как нас, недобросовестно или бессовестно, обзывают обманутые антихристом. Мы искренне хотим быть верными Христу, стараемся спасти свои души для вечности. Сатану ненавидим и сатанистов презираем. Нас русских православных зарубежников сравнительно немного, но... когда потоп омыл землю, то сохранилось всего лишь восемь душ, а погибли миллионы. И теперь также будет.

Свихнувшись напрасно обманывают себя и других словами Христа: создаду Церковь Мою и врата адовы не одолеют Ее (Мф. 16, 18). Христос это сказал, а будем ли мы в Его Церкви? Не выпадем ли из истинной Церкви, подавшись на обман и свихнувшись на сторону лжи и фальши? В предостережение нам Христос и иное сказал: Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле? (Лк. 18, 8).

О, как мы, братья христиане, должны быть рассудительны, бдительны и осторожны в делах веры, и следовать за истинными пастырями, а боятся фальшивых пастырей и убежать от них, как от огня.

К нашей скорби, в православном русском зарубежье давно выявились лжепастыри, лукавые делегаты, непокорные пустоголовы и обманщики, особенно из обрезанных (Тит. 1, 10). По Писанию: они вышли от нас, но не были наши (1Ин. 2, 19); по пословице: они суть ягоды не нашего поля, а чужого. У них есть своя цель: разрушить истинную Христову Церковь, соблазнить верующих отступить от веры, увлечь людей в "единство всех культов", - для встречи мирового владыки Антихриста. С этой целью они как лук напрягают язык свой для лжи, усиливаются неправдою. Приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости (Иер. 9, 2-5).

Православные русские зарубежники! Бодраствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды (1Кор. 16, 13). Противостаньте дьяволу и убежит от вас (Иак. 4, 7). Спасайтесь для вечности, для неба. "А в земной жизни, по словам Чехова, нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души".

*Протопресвитер Михаил Польский,
1948-50гг..*

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ОЦЕРК БЕЖАВШЕГО ИЗ РОССИИ СВЯЩЕННИКА.

(Иерусалим, 1931. Переиздано в СПб., 1995. Тир. 3000. 132 с.
как приложение к ж-лу "Возвращение" на деньги Миссион. фонда
Западно-Европ. епархии РПЦЗ)

1.

Когда глава Российской Православной Церкви Патриарх Тихон (1) весной 1923 года был выпущен большевической властью из заключения, то власть признавала свою первую победу над Церковью. Патриарх признал себя виновным перед большевиками, раскаялся в политической деятельности, за это был помилован и освобожден из заключения. Власть таким признанием Патриарха оправдывалась тогда перед миром в своих преследованиях и Патриарха, и всей возглавляемой им Церкви.

С самого начала революции большевизация власть объявляла, что она преследует церковников не за религию, а за контрреволюционную и политическую деятельность против нее. И теперь это казалось доказанным. Церковь в лице Патриарха как бы "призналась", что она имела не одни только религиозные и небесные цели, но и политические, земные, и теперь от них отказывается. Поделом было и преследование. И большевики оказались как будто бы правы...

Но все мы, православные люди, отлично понимали тогда суть дела. Казнить Патриарха большевики не могли, хотя и желали этого. Они боялись дать ему ореол мученика в глазах народа, о чем и Ленин, говорят, в свое время заявил: "Мы из него второго Гермогена сделать не будем" (1).

Однако и выпустить его из заключения по одному только требованию границы (какое как раз в это время и было предьявлено - ультиматум Керзона (2), не подорвав престижа государственной власти в глазах народа, оказавшись уже невозможным: столбов времени вести борьбу с Патриархом, и готовит ему суд и казнь, а затем выпустить ни с чем, значило потерпеть поражение от самого Патриарха. Поэтому агенты власти склонили, уговорили Патриарха признать себя виновным и этой ценой получить свободу, которая предоставлялась Патриарху необходимым для блага Церкви. Унижаясь перед властью, принеся жертву самим собою, отказываясь от славы мученика, Патриарх и вышел на свободу ради пользы Церкви... Так мы тогда рассуждали и ликовали перед нашим Патриархом, как перед победителем, устраивая ему триумфальные встречи и шествия. Хотя он и отказался от торжества, но в наших глазах оставался славным мучеником...

Аресты же духовенства и после освобождения Патриарха и всех его заведений в политической верности властям продолжались и даже усиливались. Меня на допросе в ЧК следователь спросил: "Ваши политические убеждения?" - "Я не имею права иметь их". Вслед за Патриархом я тоже очинился от политики, зная, что Церковь существовала при всякой власти и, невзирая на форму управления и отношения к ней власти, может и должна существовать. Поэтому я тогда полагал, что могу быть чист от всяких политических убеждений.

Но, конечно, такие взгляды мне нисколько не помогли. Следователю угодно было, чтобы я высказался за Патриарха и Патриаршество как форму церковного управления, а я высказался за Патриарха. "Значит, вы - монархист, коллегияльное управление вы не признаете".

На другом допросе следователь обвинил меня в пропаганде против советской власти. Я стал отрицать за собой такое преступное деяние, но признавал, что всегда говорил в церковной проповеди против безбожия. "Кого вы разумеете под безбожниками?" - "Безразлично. Все: будет ли то рабочий или ученик школы". - "Конечно, и представитель власти?" - "Да, всех". В обвинительном заключении следователя, в чтении которого я расписался, мне была поставлена статья закона, преследующая "возбуждение масс на религиозной почве против советской власти". Кроме этой, была поставлена потом и еще одна статья.

Итак, я оказался все-таки политическим виновным, несмотря на свое очищение от всякой политики.

Но я всё же настаивал на своем и рассуждал, что лучше страдать невиновно, по ложному обвинению, с чистой совестью перед Богом, перед людьми, перед самим собою, страдать за религию, за веру, за Бога, за Церковь, чем за дела политические. И действительно, всякое политическое чувство у меня было как-то атрофировано. Я не питал почему-то никакой ненависти к властям. Правда, в пору было только нести тяготу тюремного сидения. Над своими же собратями-соузниками, искренне желавшими скорейшей гибели этой власти, я шутил, говоря им, что хотя за ними и нет никаких политических преступлений, но они страдают справедливо: власть "угадала" их настроения и мысли и посадила их за дело. "Надо очиститься. Привыкли жить с властью заодно. Попробуйте пожить без нее, как жили наши предки с татарами, или греки с турками, а то, еще хуже, как первые христиане с неронами и диоклетианами, за которых умели еще и молиться! А мы вот отстали от истинного христианства и не имеем совсем духа и жизни наших отцов". Так рассуждал я.

После четырех с половиной месяцев сидения в Бутырской тюрьме, я получил вдруг полторы недели свободы и принес Патриарху приветы и поклонны от заключенных епископов и священников. Патриарх мне, между прочим, сказал: "Лучше сидеть в тюрьме. Я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу: посылаю архиерея на юг, а он попадает на север; посылаю на запад, а его привозят на восток..."

Деятельность Патриарха ЧК сводила на нет, не позволяя назначенным им архиереям даже доехать до своих епархий и направляя их в места заключения и ссылки. Архиереи, не добравшись до своих кафедр или бывшие на них по три недели, по месяцу, точно так же, как и пробывшие на них многие годы и находившиеся теперь в ссылках и лагерях, поминались на своих епархиях, и имена их возносились за богослужением, как полагается в каждом храме. Им, как и заключенным священникам, посылали бесчисленные и неограниченные по содержанию письма: вся любовь пастыря, вся благодарность за стойкость и мужество, всё преклонение перед невинными страданиями своих духовных вождей были в них излиты. Между пастырями и пасомыми завязывались такие отношения, какие могли быть только в первые века жизни Христовой Церкви. Не зная, имелась ли еще в истории Вселенской Церкви случаи тако-

го широкого и глубокого духовного подъема. Каждый христианин почитал своим долгом на записочке "о здравии" своих родных, подаваемой на литургию, записать, прежде всего, имя заключенного своего - архиерея или священника. И диакон, читая на ектении эти записки, множество раз поминал вслух всей Церкви самое слово "заключенный" и имя его. Церковь скорбела и прилежно молилась за своих страдалыцев. А когда архиерей, по отбытии срока заключения или ссылки, возвращался (правда, очень часто всего на несколько недель) в свой город, то торжество народа было неописуемым: осыпали цветами и слезами путь его и за счастье считали цепловать край его рысы...

Это было и горькое, и счастливое время. И Церковь была еще крепка. Сила и превосходство над врагами ее были очевидны.

Я, маленький священник своего прихода, за полторы недели своей свободы так был обременен ипаничными благодарности, любви, всякого почитания, которые стеснил мне принести каждый прихожанин, что когда очутился в арестантском вагоне и в пересыльных тюрьмах на пути в Соловки, то почувствовал, что отдыхану, и тяготу торемную нашел более сильной, чем перенесение незаслуженных почета и любви. Я совершенно не предполагал, что дело мое так ценно в глазах народа. Но зато ЧК страшно злобствовал. Власть большевизка оставалась бессиловой перед Церковью, хотя грубому физическому насилию противостояла одна только моральная сила Церкви.

Впрочем, большевики это создавали и вовсе не собирались бороться с Церковью одним только насилием. Имев цель уничтожить Церковь, как и всякую другую религию, большевизка власть открыто заявляла, что этой цели сразу достигнуть нельзя, так как религия имеет глубокие корни в широких народных массах. Поэтому и Патриарх, хотя и открыто встал против большевиков с самого начала революции и предал их анафеме (Церковному отлучению) всё же долго оставался безнаказанным. Не так-то просто было удалить его. За ним была верующая масса. Но и, кроме того, удалив Патриарха, ради этой же верующей массы нельзя было оставить Церковь совсем без управления. С Церковью всё время приходилось считаться, как с определенной силой не только для себя, но и для заграницы.

Поэтому, доколе Церковь не могла быть уничтожена, большевики хотели использовать ее в своих целях. А для этого им нужно было овладеть церковно-административным аппаратом, найти церковную власть, во всё послушную себе. Церковь должна была идти на поддержку и услуги новому государству. Патриарх на это не шел, не поддавался, противопоставлял всю Церковь новой власти, подстрекал народ против нее.

По мнению власти, расстреляванному в печати на разные лады, Церковь была полна контрреволюции. Только здесь сосредоточились теперь контрреволюционные силы страны, ибо везде они уже сползли. Очередь - за Церковью. Ее нужно очистить от контрреволюции.

К моменту ареста Патриарха большевики не только достаточно травлили его в печати по делу изъятия церковных ценностей, но подобрали в Петрогра-

де, а потом в Москве священников и одного-двух епископов, которые и возглавили Церковь тотчас после ареста Святейшего. Эта правящая группа духовенства сначала носила название "Живой Церкви", а потом - "обновленцев". Управление их называлось "Высшим Церковным Управлением", потом - "Священный Синод" (3).

Большевики, пока Патриарх находился в заключении, использовали новую церковную власть полностью. Обновленцы, в свою очередь, делали всё, что властям было угодно. Ими было объявлено о новом курсе церковной жизни ввиду полного мира Церкви с государственной властью; признается справедливость социальной революции, к которой Церковь идет навстречу и ее поддерживает, и себя очищает от всякой контрреволюции, и борется с контрреволюционерами. Для заграницы обновленцы объявили, что еще никогда Церковь не пользовалась такой свободой, как теперь, что гонений на религию нет, а есть только справедливое преследование контрреволюционеров церковников. К примеру, вот они, обновленцы, отказавшись от контрреволюции, пользуются полною религиозною свободою. На средства, отпущенные государством, обновленцы собрали церковный собор и на нём объявили заключенного Патриарха низложенным, лишенным своего сана и монашества(4). Государственная власть добились, чего хотела: получила удобную ей церковную власть, которая сказала все слова и совершила все дела, нужные ей.

Но союз нового церковного управления с безбожною государственною властью оказался неприемлемым для церковной народной массы. Никто не поверил, что жизнь Церкви благоустроится с подчинением ее безбожникам. Это - отдача козлу огорода. Всем было известно, что большевизка власть сама поставила и поддерживает новую церковную власть. Поэтому обновленческому управлению в Церкви никто не хотел подчиняться.

Таким образом, овладеть церковным народом, массою верующих большевикам не удавалось. Они владели каким-то церковным управлением, которому некем было управлять. Сама Церковь не оказалась в их руках. Относительная свобода обновленцев никого не соблазнила. Покровительство власти, полицейское содействие по захвату храмов у православных, личная неприкосновенность обновленцев, хотя многие из них имели контрреволюционные прошлые, - всё это было никак не в пользу "новым православным".

Союз с безбожниками окончательно позорил обновленцев. Их управление, объявившее своей целью борьбу с контрреволюцией в Церкви, являлось в глазах народа - филиальным отделением ЧК в Церкви, а сами обновленцы, эти несчастные епископы и священники, - людьми без совести и чести, безбожниками и чекистами в рясах. Невозможно описать все случаи выражения народного презрения и ненависти к ним.

Однако неподчинение обновленцам, поддерживающим государственную власть и этой властью поддержанным, означало контрреволюцию, неподчинение самой власти. Через организацию обновленчества большевикам и удалось обнаружить в Церкви такую контрреволюцию: всякий, не признающий

обновленческого управления в Церкви, являлся контрреволюционером.

Везде, во всех уголках обширной страны, происходили бурные церковные собрания, где уполномоченные обновленцев (кто-нибудь из местных священников) пытались склонить народ принять новую церковную власть. И только открытым насильем гражданской власти удавалось захватить тот или иной храм для обновленческого священника. Везде начались аресты духовенства и деятелей мирян на почве непризнания церковной власти, поставленной большевиками.

Но никто из привлекаемых к ответу не говорил, что, не признавая обновленчества, он не признает власти гражданской. Политические обвинения ставились, но их отвергали и защищались тем, что обновленцы неканоничны и церковно беззаконны: они, прежде всего, есть самочинники, захватившие церковную власть во время заключения Патриарха. При этом, конечно, намекалось, что проделали это сами обновленцы, а власти здесь ни при чём. Далее, они, обновленцы, незаконно провели реформы: разрешили второй брак вдовым клирикам и принятие епископского сана женатыми священниками, что запрещено Вселенскими Соборами Церкви и ими только может быть разрешено. Обновленцы же печатно (и, конечно, устно) уверяли большевиковую власть, что каноны - только ширма для их противников, за которую они скрывают свою контрреволюцию. Множеством неканонических примеров из церковной истории они пытались доказать свою каноничность, право на эти реформы и захват власти. Исторические примеры им показывали, что больше, чем их беззакония, не раз благополучно сходили с рук. Гражданская власть вместе с обновленцами была уверена, что это именно так, и потому аресты, политические обвинения, тюрьмы, ссылки (несмотря на ярую самозащиту обвиняемых и отречение от всякой политики) продолжались.

Так обстояло дело к моменту освобождения Патриарха из заключения, таквым оно осталось и при нём.

Хотя обновленцы и власти считали Патриарха "бывшим", Церковь с его выходом из заключения получила своего действительного главу. Положение обновленцев сразу настолько поколебалось, что не будь вмешательства власти, епе удерживающей страхом жестокой расправы часть его прежнего состава, оно бы целиком пало. Часть отпавших архиереев и множество священников имели мужество покаяться и возвратиться из обновленчества в православие. Множество храмов, из захваченных обновленцами, отбиралось православными обратно. Обновленцы уже и не ради только борьбы с "контрреволюцией", а более для сохранения самих себя, были принуждены доносить в ЧК на своих противников.

На первом же моем допросе я увидел (вернее, подсмотрел) в моем "деле" среди сводок чекистов два доноса на себя: один краткий - епископа Антонина (Грановского) (5), первого председателя обновленческого управления, другой - на двух почтовых листах, прочитанный мною потом в копии, - протоиерея Р. Меня ужаснула такая "деятельность" моих старых личных знакомых. Впро-

чем, оба они были изгнаны народом из моего прихода и храма: один - приехавши послужить, другой - как член причта обновленцев. Они не могли простить мне своего позора. Однако на допросах я должен был делать вид, что в моем сидении обновленцы не виноваты: не может же власть сажать меня за непризнание каких-то обновленцев. Какое ей дело до наших внутрицерковных проблем? Но я не сумел до конца выдержать такого вида, и сам себя наказал.

На допросе мне, между прочим, ставилось в обвинение, будто бы я говорил, что ЧК поддерживает обновленцев. "Нет, этого я не говорил, а наоборот, другое бы мог сказать: что обновленцы помогают ЧК". - "Как вы можете так говорить?" - вцепился в меня следователь. Я указал, что об этом открыто провозглашается в советской печати и назвал журнал, где это прочел (II). Следователь записал мою цитату, после чего эту тему он больше не поднимал. И хотя в истинности моих слов он, конечно, убедился, но поставил мне новую статью закона, преследующую "распространение ложных слухов против советской власти" с целью ее дискредитации. Итак, хотя "ложный слух" о том, что обновленцы помогают ЧК, и так везде был "распространен", а в проповеди я, конечно, об этом никогда не говорил и впервые "распространил" этот "слух" перед моим следователем; и, наконец, именно автор указанной мною статьи журнала и поддежал первый обвинению по закону, я не избежал своей участи и оказался контрреволюционером.

Опираясь на обновленчество, власти преследовали православных, и, чтобы освободиться от тюрьмы, нужно было объявить о своем переходе в обновленчество: по крайней мере, иногда было достаточно для некоторых только покулить Патриарха и пообщать действовать против него, хотя бы и в составе православных. Были и таковы. Выбор предоставлялся всем и соблюз тот же. Обновленчество ожидало от репрессий, и устоять было нелегко. Уже сидя в тюрьме и остро временами переживая всю трудность этого дела, я не раз простил обновленцам их падение и научился считать одною лишь милостью Божию хождение по путям правды.

Соблазн приходил с разных сторон. После месяцев тюрьмы меня вдруг освободили и, предупредив, что на этой неделе мое дело решится, намекнули, что моя дальнейшая судьба зависит только от меня. Тем, что я не пошел за эту неделю (или десять дней) к обновленцам и не искал их заступничества, но был у Патриарха и даже служил с ним, я и определил себя на годы заключения. Таков, приблизительно, путь и всех других... Каждый знал, что мог не сидеть в тюрьме, а если сидел, то по "доброй воле". Моя жена во время грустных наших тюремных свиданий говорила мне: "Почему другие не сидят, а умнеют избежать тюрьмы?" Она разумеела тех, кто побывал в обновленчестве, а когда острый момент борьбы миновал, вернулись под давлением народа в Православие и для власти ничего из себя не представляли. Я отвечал ей: "Неужели ты хочешь, чтобы я был бесчестным человеком?" - "Нет", - говорила она и замолкала по этому вопросу.

И все же некоторых священников жены увлекли в обновленчество во избе-

жание тюрьмы. Впрочем, знаю и обратный случай. Знакомый мне священник за отказ от обновленчества сидел в тюрьме. Ничего ему не стоило и освободиться. Но жена во время свиданий заявляла ему, что она больше не в силах переносить прежней жизни, и обновленцем он пусть домой не возвращается. Моя мать издаലെка прислала мне в тюрьму записочку, которую я мог получить и читать уже во время моего временного освобождения. Мать писала, что благословляет меня сидеть в тюрьме, не ослабевать духом, всё терпеть и не сдаваться. Я плакал от радости.

Так в каждом случае: одна лишь моральная сила противостояла жестокому насилию. Не было других сил и у Церкви, у всех членов ее. Она имела такое оружие, которого враг не мог выбить из ее рук и против которого был бессилен. Только самим нам оставалось его не бросить, не выпустить из рук.

Попытка большевиков через обновленцев овладеть Церковью не удалась. Церковь сопротивлялась; она не принимала власти большевиков над собою, хотя бы в лице обновленцев, их послушных во всем агентов.

Патриарх, выйдя на свободу, увидев еще раз всю нравственную силу церковного народа, говорил моему знакомому и своему близкому старому другу: "Читая в заключении газеты, я с каждым днем всё больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Если бы я знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошел, я бы не вышел из тюрьмы".

То есть никогда бы никаких показаний перед властью Патриархом не было бы принесено, и не было бы абсолютно никаких других достаточно серьезных причин побудить его к этому, если бы не обновленчество, захватившее церковную власть и бесчинствовавшее в Церкви. Но и обновленчество его бы не понудило на такой акт примирения с большевиками, знай он в заключении правду о них. Газеты действительно лгали об их значении и, конечно, нарочно подсовывались Патриарху агентами ЧК для получения от него этого акта "примирения", который власти был так нужен.

Патриарх признавался своему другу, что на помощь своему главному мотиву поиска освобождения он принимал и то соображение, что, наконец, по-явится закон, революционный же хаос всякого беззакония, по-видимому, кончился. Ему казалось, что перед ним находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душой, отказаться от своего прежнего курса.

Однако выяснилось, что отношение власти к Церкви не изменилось к лучшему, хотя Патриарх и сдал свои позиции. Власти этого оказалось мало. Патриарх управлял Церковью, и власть над Ней была в его руках. Большевикам надо было заново начинать борьбу за получение влияния на ход церковных дел, в которых Патриарх и теперь не был их послушным орудием, что они имели в обновленцах. Да и через обновленцев истинных целей не достигалось: главная церковная масса народа и духовенства выскользнула из рук обновленцев; искусственно созданное церковное управление не имело силы, влияния, авторитета и вообще значения ни для своих масс, ни для заграницы.

В этом смысле власть получила в обновленчестве немало разочарований, надежды на него оказались далеко не оправданными, что агенты ЧК не стеснялись подчас высказывать некоторым иерархам Церкви.

Правда, создав обновленчество, власть добила раскола в Церкви. Обновленцы - вторая Церковь, имеющая свой отдельный епископат, духовенство, свои храмы и ту часть народа, которой не было никакого дела до принципиальных разногласий, лишь бы богослужение оставалось старым, которыми они удовлетворялись у тех же обновленцев. В свое время, устроив раскол, большевики ликовали в печати, объявляя, что, наконец, в едином фронте церковников пробита брешь, в которую они, безбожники, и должны устремиться для уничтожения Церкви. Раскол в Церкви и помощь ЧК по борьбе с церковной контрреволюцией - вот заслуги обновленчества, признанные за ним советской печатью. Но получить влияние на церковные дела или авторитетный голос Церкви на свою сторону, пока это полезно, а также окончательно низложить Её или подорвать всякий авторитет русской Церкви, большевики могли только в лице Патриарха, через управление Патриарха, имевшие такие авторитет и значение.

Агенты власти и вели непрестанную борьбу с Патриархом, пытаясь подчинить его своему влиянию, склонить на полезные для них и вредные для Церкви поступки. Патриарха утрачивают написать ответ архиепископу Кентерберискому, что Церковь в России пользуется полною свободою, и никаких гонений нет. Несмотря на постоянные приставания, Патриарх всё время отпадает вает это дело и не пишет. Почти в то же время Патриарх уговаривают ради пользы Церкви, ради упорядочения отношений государства и Церкви отречься от власти и уже успевают склонить на эту точку зрения одного-двух ближайших к нему архиереев. Однако решением большинства архиереев Патриарх удерживается от этого паубнейшего для Церкви акта. От Патриарха требуют смещения с кафедр неудобных власти архиереев. Только в одном случае Патриарх было уступил, но вслед за этим снова восстановил лишённого кафедры архиерея. Власть требовала, чтобы он завел новый стиль в Церкви. Стиль этот не принимал народ, и у обновленцев он также не прошел, но тогда тем более стал необходим властям для дискредитации Патриарха.

Архиепископу Илариону(6), ближайшему сотруднику Патриарха, в первые месяцы после освобождения агент власти говорил: "Уговорите Патриарха завести новый стиль. Неужели он не может сделать маленькой уступки власти? Если советская власть завела этот стиль, то пусть и Церковь покажет, что Она солидарна с нею". В то же время при встрече с другим архиереем этот же агент власти говорил: "Вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? Для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с ним? Отделились от Патриарха: вас вся Москва любит и за вами пойдет. Мы вас поддержим..."

Агент власти требовал, чтобы в Управлении Патриарха был чеповек, которому власть доверяет, и предлагал принять в общение протоиерея, возглавляющего группы "Живая Церковь", отошедшего от обновленческого управления(7). От-

менишь свое постановление о принятии этого человека Патриарх мог только тогда, когда последовали протесты клира и народа. В общем-то, опираясь на мнение народа, еще можно было кое-как отклонять от себя разные предложения власти.

Мне известен один батюшка, который уклонялся от обновленчества таким доводом перед своим местным чекистом: "Я бы с удовольствием пошел в обновленчество, никакого различия не вижу, но приход меня выгонит, останусь без куска хлеба". Хорошо, что это была такая правда, и не он влипал на приход, а приход на него. ЧК это знала и оставляла его на свободе...

Но Патриарху нужно было самому руководить, влипать, направлять. Поэтому ЧК и стремилась овладеть его волей. Однако Патриарх шел добрым путем. При нем Церковь легко было нести крест свой, потому что вся тяжесть креста этого падала на его плечи. Большевицкая власть не выпускала его из атмосферы своей лжи, провокации, обмана, клеветы, сеняния раздоров, расколов, недоверия. Патриарх постоянно должен был разгадывать тайны и злые замыслы и намерения, скрывающиеся под всякими благовидными предложениями власти.

Брат действовал то посулами, то угрозами, и не ему самому - это были бы совершенные пустяки! - а Церкви. То он обещает прекратить аресты духовенства, освободить заключенных или вернуть из ссылки каких-то нужных Патриарху епископов, или дать разрешение на духовные печатать и образование, на свободу съездов и епархиального управления; то угрожает оставить все репрессии в силе и еще прибавить. Патриарх страдал. Он встречал и слушал своего врага с крайним напряжением нервов. Когда Патриарху докладывали о приезде агента власти, он был вне себя от раздражения и волнения, что, казалось, было совершенно несвойственно его характеру и темпераменту.

Я помню его в дни ареста перед заключением. В последнюю его на свободу де литургию(!!!) я сослужил ему в храме села Богородского под Москвой. Перед этим поздно ночью он вернулся из ЧК. Его только что долго и жестоко допрашивали. Дома своим приближенным, измененным ожиданием, Патриарх лишь обронил: "Уж очень строго допрашивали..." - "Что же вам будет?" - спросил кто-то с тревогой. "Обещали голову срубить", - отвечал Патриарх с обычным своим благодушием.

Литургию он сослужил - как всегда: без малейшей тени нервности или хотя бы напряжения в молитве. Глядя на него, приотвешивающегося к тюрьме, а может быть, и к казни (тогда это было серьезно), я невольно вспомнил слова Христовы: "... идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего (Ин. 14, 30). Пусть обвиняют, ничего не найдут, он будет невинен. Так я думал, и на эту тему сказал проповедь за литургиею. Благословляя меня на проповедь, Патриарх шепнул: "Их-то не затрагивай..." Знаю, что пожалел проповедника. Не за себя, а за тех, кто около него рискует собою, он боялся. Но не помню случая, чтобы кто-либо, кому выпадал случай проповедовать за патриаршено службою, утаивал в слове своем правду. Как-то всегда и всеми говорилось то, что

надо, что соответствовало лицу Патриарха.

Были дни торжества по случаю его освобождения. Народ и радовался о нем, и скорбел о Церкви. Патриарх был всё так же спокоен. Что могло случиться с Церковью или с ним самим без благой-то воли Божией? Ничего. Тайна духовного покоя и духовного здоровья истинного православного христианина и его, конечно, первого, именно в этом.

Вспоминаю одного епископа, который сидел со мною в тюрьме. На вопрос чекистов, какого он мнения о Патриархе, ответил: "Я реально ощутил его святость...". Ответ привел чекистов в бешенство, и дело о ссылке епископа было тогда решено.

Наконец, я вижу Патриарха после своего выхода из тюрьмы, когда принес ему поклоны союзников. Патриарх по-прежнему был добр и благодушен, но такой худенький, измененный, что, прощаясь с ним, я заплакал от чувства жалости. Преклонив мою голову к своей груди, Патриарх спросил: "Что же ты плачешь?" Я совершенно неожиданно для себя самого ответил: "Мне кажется, что я вас больше не увижу...". Конечно, не Патриарха я видел перед собою весьма недолговечным, а внутри меня была полная уверенность, что и я долго на свободе не прохожу... Патриарх рассмеялся и сказал: "Ну, гора с горой не сойдется, а человек с человеком сойдется. послужи завтра со мною". Кстати сказать, в беседе с Патриархом я ему показался, что, сидя в тюрьме, не раз мысленно осудил его за сдачу позиций большевикам. Патриарх благодушно прошал меня и говорил о том, что его свобода хуже тюрьмы, и сам вспомнил свое сидение, как лучшее время. На другой день я еще раз сослужил Патриарху в церкви великомученицы Анастасии, что у Бутырской Заставы. Затем был арестован и отправлен в Соловки. Больше я Патриарха не видел. Патриарх умер. Его замутила, сожгла на медленном огне своей сатанинской ненависти большевицкая власть.

В Соловецком кладбищенском храме, оставленном для местных монахов, вольнонаемных работников при лагере заключенных, духовенство служило панихиду по Патриархе. Все мы чувствовали тогда, что наступает новый тяжкий период жизни Церкви. Лица заключенных наших архиереев были не так грустны, как суровы и строги. Все мы создавали, что опасность надвигалась: а какая? в чём? - никто не знал. Счастливый период борьбы с врагом, когда перевес был на нашей стороне, во всяком случае, кончился. Это понимал каждый.

Говорят, агент власти, заправляющий церковными делами (IV), по поводу смерти Патриарха был в неописуемом восторге. Примчавшись к телу только что усопшего, он потирал руки и, с трудом сдерживая радость, говорил: "Хороший был старик... Надо похоронить поторжественней..."

После похорон он призвал к себе в ГПУ двух митрополитов и вручил им так называемое "предсмертное завещание" - послание Патриарха со всякими его обещаниями в пользу власти. Митрополитам предложено было свезти текст в редакцию газеты для напечатания, что они и сделали. Но никто из духовных

лиц, окружавших Патриарха, не был свидетелем того, чтобы Патриарх подпisyвал эту бумагу, хотя проект "завещания", предложенный властью, долго лежал на столе у Патриарха и был взят оттуда агентом власти уже после его смерти.

Недолго управлял Местоблюстителем Патриаршего Престола митр. Пётр(8). Он твердо знал, что никакие уступки с его стороны не подкупят власти. Власть всё берет и ничего не дает, как говорил это и Патриарх. Поэтому всякие предложения агента власти митр. Пётр прямо отвергал и запросто выпроваживал его из своих покоев. Митрополит Пётр, например, говорил агенту так: "Вы всё лжете. Ничего не дадите, а только обещаете. А теперь потрудитесь оставить комнату: у нас будет заседание".

Такого неподатливого главу Церкви и такое свое отстранение от церковных дел озлобленный враг долго терпеть не мог: митр. Пётр был заключен в тюрьму. Появился новый его заместитель - митр. Сергей (9). Митрополит Пётр, зная, что ему недолго быть на свободе, предусмотрительно назначил себе заместителя. Церковь не осталась без управления.

2.

В конце лета 1925 года, то есть приблизительно через полгода после смерти Патриарха (митр. Пётр уже находился в заключении), союзник наш по Соловецкому лагерю архиеп. Иларион (V) вдруг неожиданно был изъят из нашей среды и отправлен в Ярославскую тюрьму. Мы понимали, что делается это по каким-то соображениям антицерковной политики. Весною 1926 года архиеп. Иларион опять был с нами. Тюремные новости касались исключительно его разговоров с агентом власти, вершителем судеб Церкви, посещавшим его в тюрьме.

Агент склонял Архиепископа присоединиться к новому, так называемому Григорьевскому расколу, который ГПУ (VI) учинило по всем правилам обновленческого (10): нашло недовольных митр. Петром, как прежде Патриархом, и, заключив Митрополита в тюрьму, попыталось передать возглавление Церкви в руки архиеп. Григория и его Высшего Церковного Совета. Но у Церкви в тот момент оказался свой законный епископ - митр. Сергей. Видимо, агент хотел переходом в раскол такого популярного Архиерעה, как архиеп. Иларион, с одной стороны, дискредитировать его в глазах большей части масс, а с другой - усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за архиеп. Иларионом многие могли бы и пойти.

Архиепископ Иларион ответил агенту, что церковные каноны не позволяют ему признавать в Церкви самочинной захватнической власти Григория. Тогда агент сказал с угрозою: "Ну, подождите: я вам дам вашего, и если вы его не признаете, то тогда уже пощады не будет".

На всех многочисленных слушателей нашего докладчика эта фраза агента произвела большое впечатление и, конечно, встревожила нас. Что это могло

значить? Он даст нам нашего, то есть не канонического ли законного архиерעה, но такого, которому мы, может быть, тоже не пожелаем подчиниться? Тогда, естественно, пощады нам не будет от власти. Но откуда же будет такой архиерעה? И что он делает? Наши рассуждения о планах агента на этот раз нам ничего не давали, хотя мы весьма привыкли к тактике ГПУ и часто удавали события. Мы всегда отдавали должное ГПУ: свое дело там делали лучше, чем мы - свое.

Весною 1927 года, после того, как кончилось мое трехлетнее сидение в Соловецком лагере, и я продолжал отбывать свое наказание в ссылке, в Ярославском крае, мы, сыльные, получили письмо с весьма важными сообщениями. Митрополит Сергей имел многозначительную беседу с агентом ГПУ. Агент жаловался на то, что союз с обновленцами власти ничего не дал, а союз с Православной Церковью до сего дня не налажен.. Митрополит со своей стороны сетовал, что Церковь до сего времени не имеет легального центрального управления. В общем, обе стороны установили, что существующие отношения Церкви и государства невыгодны для них. Тогда агент предложил условия, с принятием и осуществлением которых церковное управление получит легализацию, свой журнал и прочие свободы. Митрополит должен организовать при себе коллегия для управления или Синод: все дела канцелярии Синода всегда должны быть открыты для агентов ГПУ; назначение архиереев на места должны происходить с ведома и согласия ГПУ; митрополит должен издать послание к Русской Церкви, соответствующее новому курсу Ее жизни, и должен обратиться к заграничной Русской Церкви с предложением прекратить противосоветскую пропаганду и дать обязательство в полноте к советской власти. Митрополит на все эти условия согласился (11).

Судя по внешности, во всех этих условиях ничего особенного не было. Требования эти вполне естественны для государства, а если еще сравнить первые пункты этого договора с практикой Церкви во времена царской власти, то ничего нового и совсем не было. Однако такова была только внешность договора, сущность же его была весьма печальна для Церкви, если не сказать сразу, ужасна. Мы эту сущность отлично понимали.

Все эти условия, так или иначе (и не раз), ставились и Патриарху, и его преемникам, но до сего времени отклонялись ими. Согласиться на эти условия - означало сдать власть над Церковью в руки ГПУ, в руки безбожников. Учреждения Синода, которого почти не было в последнее время при Патриархе и уже совсем не было при митрополитах Петре и Сергии, ГПУ добивалось теперь для того, чтобы всегда иметь в церковном управлении своего чловека, участника всех дел, донощика и проводника заданий ГПУ.

Это нам уже было известно из практики Синода при Патриархе. Частые аресты и долгое заключение архиереев не позволяли иметь правильный по закону состав Синода, а составлять его из лиц случайно пребывающих на свободе, а то и (еще хуже) далеко не случайно, заставляло митр. Петра сознательно избегать созыва Синода. Единственное управление при митр. Пет-

ре и первое время при митр. Сергии, которые советовались о текущих делах, с кем хотели, или имели возможность существовать без особого постоянного учреждения, спасало от вмешательства безбожной власти в дела Церкви.

Гарантировать себя от неожиданных выступлений первоиерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по известному руслу ГПУ могло только через Синод, состав которого сама жизнь заставляла иметь только из лиц угодных ГПУ. Далее, контроль над канцелярией патриаршего управления означал, что эта канцелярия будет служить политическому сыску, а также волей-неволей и доносу на всех и на всё, что может показаться неблагонадежным для нашей болезненно подозрительной и вечно борющейся за свое существование власти. Назначение же епископов на кафедры и лишение их таковых безраздельно попадало в руки ГПУ. Податливые, стоворичивые, слабые архиереи получали епархии, а умные, деятельные, душевно стойкие, просто проповедники и защитники религии будут их лишены. Это так очевидно. На то ГПУ и есть ГПУ, то есть Государственное Политическое Управление, чтобы и здесь выполнять политику государства в отношении к религии: ослаблять и уничтожать религию.

Что касается нашего отношения к заграничной русской Церкви, то этим вопросом не раз испытывалось наше церковное Управление, и тот же митр. Сергей уже не раз отвечал власти, что фактически заграничная русская Церковь не подчинена Москве, и представители Ее не подлежат осуждению за ту или иную свою деятельность, так как не могут и явиться на суд, что требуется по церковному закону. Но, конечно же, власть понимала это так, что церковники желают дать свободу эмигрантам заниматься контрреволюцией и этому их делу всегда искренне сочувствуют, а потому этой формулой желают отделиться от шекотливого вопроса, хотя остаются одновременно и контрреволюционерами и людьми политически благонадежными в глазах своей власти, в общем, занимаются дипломатией. Власть определенно требовала категорически осудить зарубежную контрреволюцию (12). Но на этом вопросе не только нас выявляла: мы для нее - уже ничтожество, мы - в ее руках, и нашей контрреволюции она не боится.

Власть преследовала через Церковь свои политические цели и, требуя от нас отречения от одной политики, заставляла служить другой. Для людей, желающих отречься от всякой политики, соглашаться на требования власти, хотя и под угрозой обвинения в контрреволюции, не следовало. Однако если церковное управление хотело не на словах, а на деле отстранить от себя такое обвинение, оно должно было определенно осудить зарубежную церковную контрреволюцию. Митрополит Сергей на это соглашался.

Каково будет послание митр. Сергия к Церкви, мы отлично представляли. Этих посланий столько было, и его послание будет не лучше, чем обновленческие. Впереди - ложь, стыд и позор наш. И всё это ради чего? Ради легализации. Власть соблазнила митр. Сергия легализацией. Оказываются, Церковь с многомиллионным составом членов существовала на нелегальном положе-

нии, вне закона, при советской власти в то время уже почти десять лет, и власть этому беззаконно попускала, его не только терпела, но с Церковью считалась и за Ее голосом признавала силу. Ее склоняла на свою сторону. Но что нам эта легализация? Лучше того, чем без легализации, с легализацией не будет, а хуже теперь будет: слишком велика цена, за которую легализация покупается.

Так рассуждали мы, святыные, при первых известиях о договоре между нашим Митрополитом и агентом ГПУ месяца за три-четыре раньше появления послания митр. Сергия к русской Церкви и, так сказать, явного выплнения этого тайного договора. Эти наши сведения практически нам мало помогли: мы не знали, что делать. Проявить те или иные свои отношения к митр. Сергию мы не имели права, так как он ничего еще не сделал. Надо было сидеть и ждать, что будет. Я ограничился извещением о происшедшем всех, кого можно.

Итак, ко времени такого выступления митр. Сергия слишком много уже было пережито и продумано всей Церковью, чтобы иметь к его выступлению какое-нибудь другое отношение, кроме отрицательного... Но остановимся на наших опытах и наблюдениях церковной жизни, и волей-неволей на моих лично впечатлениях, прежде всего.

Я старался быть аполитичным. Я увлечен был первохристианским идеалом. Я считал, что мы твердо должны стоять только за Церковь и веру, откалываясь от всякой политики, и страдать от гонений власти только невинно, ибо обвинения в контрреволюции, хотя и должны быть, но они должны быть всегда ложными, несправедливыми. Я считал обязательным для себя и для всех твердо всегда помнить, что враг имеет целью уничтожить Церковь, поэтому страдания за Церковь неизбежны, и всякие соглашения с властью есть попытка избежать страданий, есть измена Церкви, есть падение в сети большевистского соблазна. Твердость, непримиримость, бескомпромиссная борьба за Церковь с врагами Ее - вот наше дело.

Когда вырабатывалось так называемое "послание советских епископов", которое было написано не без надежды на какое-то соглашение с властью, но, правда, без ущерба для Церкви, с сохранением Ее достоинства, вслед за прочтением проекта этого послания читал и я свой проект. Советское послание предусматривает отказ власти идти на указанные ею условия примирения с Церковью и приемлет дальнейший путь страданий.

В моем проекте послания от лица Первоиерарха к власти всесторонне уснанавливаются перед властью факт ее открытого гонения на Церковь; факт, ею отрицаемый всегда. Церковный же народ, поставленный об этом в полную известность, благословляется принять невинные страдания свои за веру даже до смерти. То есть открываются глаза всех на правду положения, на бесполезность всех попыток примирения, на всю работу власти по уничтожению религии. Всё уже так ясно, что довольно играть в прятки с властью. Надо предупредить народ, разоблачить обман власти о какой-то свободе религии в

России и, сделав свое дело, страдать, идти прямо на страдания. Мне казалось, что такой твердый, независимый голос епископов только и может повлиять на самую власть, ибо она совершенно не выносит моральной силы и ей только одной еще может сделать уступки, хотя и временные; власть боится делать из вратов своих героев духа, мучеников.

Конечно, мне рисовались и такие последствия от этого послания: большевики пришли бы в ярость, подняли бы шум вокруг какого-то контрреволюционного заговора епископов, и дело могло бы дойти до крови. Но как иначе в этих обстоятельствах выполняется долг, лежащий таким бременем на плечах у каждого пастыря, я не представлял. Хотя и не мое дело заботиться о целом народе, с меня довольно и маленького прихода, который мне поручен, но если меня не поставят на верный путь мой Первоиерарх и мои епископы, как и куда я пойду? Они меня своей линией поведения могут тревожить. Разве молчали о своих мнениях простые священники и монахи в тяжелые моменты борьбы церковной? Если автор "соловецкого послания" и не имел той ответственности перед Церковью, какую имел я, то дерзнул и я говорить высокому и авторитетному, хотя и немногочисленному, собранию заключенных архипастырей.

Когда чтение проекта послания было мною окончено, один епископ сказал мне: "По-вашему, умирать - так с музыкой... видна казачья кровь... при том же это не обращение к правительству, а обращение через голову правительства к народу".

Должен признать, что суждение это было по существу моего доклада, с полным пониманием его содержания, смысла духа, даже результатов. Возражения же всех прочих моих слушателей были по форме, вроде того, что "это не послание, а журнальная статья", "для послания слишком длинно" и прочие. Архиепископ Иларион сказал слово о том, что в этой "энциклопедии церковных вопросов", как он мой проект назвал, "нет ничего нового". Нужно заметить, что сам Владыка Иларион никаких проектов не сочинял. Только что прочитанный проект соловецкого послания он рассматривает как апологию (подобно первоэковскому), предназначенную для распространения в народе, как литературное произведение, не имеющее того практического значения, какое предполагалось его содержанием: установить нормальные отношения Церкви с властью. В то, что таковые отношения будут установлены, он совершенно не верил. На мой проект он тоже посмотрел, как на какое-то исследование положения церковных дел в советской России, в котором для него, конечно, ничего нового не было. Всё было верно и ясно, но не ново.

Итак, мой проект был не только не принят, но оказался совсем не нужным и излишним. Суть моего доклада совершенно была чужда сознанию всех моих слушателей, разве за исключением одного, который хотя и понял в чём дело, но не принял и не согласился. Самый тон, решительность выступления для них невозможны. Никто к таким выступлениям нравственно не готовился. Мой проект не соответствовал потребностям момента. Большинство располо-

жено вести переговоры с властью в надежде на благополучный исход их. Они полагают, что умирать не придется, этого никто и не требует, обойдется и без этого. Вообще, по поводу смертельной борьбы за веру они ничего не полагают. По-моему, это был сон в момент надвигающейся на Церковь опасности. Неужели они уверены, что будет толк от их переговоров с властью? Власть требует от нас безусловной сдачи всех наших позиций на ее волю и милость, она не потерпит с нашей стороны никаких условий и договоров. Что сама вздумает дать, то и будет наше, а вернее, всё возьмет и ничего не даст. Это - такая азбука! Мой проект не подошел, непрактичен, а надежда на соглашение - практична?!

Так я размышлял и раскрывал свое огорченное сердце пред Богом, идя из соловецкого монастырского кремля (где расположен главный лагерь заключенных и где проходили наши беседы) на Филимонову тону, находившуюся в семи верстах от лагеря, на берегу одного залива Белого моря. Здесь я был вместе с архиеп. Иларионом, еще двумя епископами, несколькими священниками, сетевязальщиком и рыбаком.

Кстати сказать, об этой нашей работе архиеп. Иларион часто говорил переложением слов стихир на Троицын день: "Все подает Дух Святой"; прежде - "рыбаков - богословами показал", а теперь наоборот - "богословов - рыбаками показал".

Конечно, уверенность в правильности собственных мыслей приходила не сразу, но без колебаний и сомнений. Может быть, я ошибаюсь. Пожалуй, от моего послания "музыка" или шума было бы много. Но если крики толпы - "распни Его!" - есть тоже своего рода музыка, то не плохо умирать под такую музыку. Но мы спим, мы не готовимся к Голгофе, а когда станут отнимать у нас Господа, то, может быть, сами разбежимся от страха Его креста.

Если моего послания власти не надо предлагать - оно не годится и по форме, и как вызов, бросаемый в лицо власти, - то как же сбросить этот сон и как разбудить народ церковный, который тоже надеется, что еще можно договориться с властью, и она даст Церкви свободу? Если этого нельзя сказать, то тогда надо совсем замолчать, демонстративно прекратить всякие переговоры с властью, не отвечать на вопросы, подчеркнуть бесполезность всяких разговоров, как Христос на суде: разговоры - проформа, участь predetermined, пусть делают, что хотят (VII).

О своих союзниках, церковных людях, я должен заметить, что подавляющее большинство из них были люди, безусловно, честные, самоотверженные и не случайно попавшие в тюрьму, каковые тоже иногда бывали. Никто из них не думал что-либо сдавать врагу. В этом смысле отражает общее настроение и соловецкое послание. Если бы нужно было для пользы Церкви сидеть в лагере принудительных работ еще и еще, то думаю, что никто бы из них не откасался. Но враг, делая свою политику, вступал в беседу, звал на соглашения и уступки; все, хотя и знали, что враг - обманщик, но увлекались игрой в политику и вместо готовых прямых ответов "да" и "нет" пытались оттянуть вре-

мы и придумать что-либо такое, что бы было ни "да", ни "нет". Решительного шага боялись сделать в отношении к власти, а это - на руку власти, ибо власть сама всегда избегала решительных шагов в отношении Церкви и веда дело ликвидации Ее исподволь.

В общем, такое настроение было даже у лучших людей. Итак, опасность подкрадывалась в виде игры в политику с властью, которая этого и хотела.

Архиепископ Иларион, например, в Ярославской тюрьме, прямо укоряя агента власти за нелепый союз власти с обновленцами, в то же время, можно сказать, бессознательно подавал ему мысль, что не лучше ли заключить союз с Православной Церковью и поддержать Ее. Тогда-де, мол, и настоящая, по крайней мере, авторитетная Церковь поддержит советскую власть.

Таковы наблюдения, связанные с личными моими отношениями к той среде, которую можно считать лучшею в Церкви.

Все мы правду нашего положения знали, но практических выводов из нее сделать не умели, и всё думали, что как-то само собой всё выйдет, как надо. Но, безусловно, и коварство врага путало наши выводы, лишало их решимости.

Враг много раз соблазнял. Он уверял, что и при советской власти Церковь существовать может. Это как будто даже обеспечено советским государственным законом. Всё зависит от нас самих. Кажется, уступил только, сделал то немногое, что власть требует от тебя, и Церковь начнет спокойное и свободное существование, как это было прежде. И как было в начале не пойматься на этот обман?! Через какие печальные опыты надо было убедиться, что государственная власть не только может не исполнять своих обещаний, но что ложь и обман входят в систему, в постоянный порядок государственного управления?! Никогда не предполагалось, что такими хитростями власть добивается своих целей. Власть лгала и обманывала, требовала от Церкви уступок, много за это обещала и не только ничего не давала, но и преследовала Ее, веда к уничтожению.

Как было не поверить закону, охранявшему права религии?! И Патриарх подкреплял сдачу своих позиций мыслью, что у власти есть закон. И все мы сначала надеялись, что будем жить, предостерег какие-то наши недоразумения с властью. Но потом поняли, что советский закон есть форма, за коей власть скрывает такие цели, которые всё приносится в жертву. Власть никогда не считает своим долгом исполнять свой закон, когда находит его неудобным (VIII). Для нее он - вовсе не святыня. Она себя никаким законом не связывает. Но нужно было долгое время, чтобы предрассудок всякой веры в советскую власть отпал. Даже в словесных наших беседах нужно было вести борьбу с верою в советскую власть среди своих собратий, хотя подавляющее большинство давно "прозрело".

Архиепископ Иларион говорил: "Я человек неверующий (разумеется, в советскую власть)". И на всякие доводы ученых юристов любил декламировать басню Крылова "Волк и ягненок"... Характеристика отношений церковников и

большевицкой власти в этой басне дана верная. Власти не верят никаким нашим заверениям о верноподданнических чувствах. У власти своя логика - "религия нам вредна, она по существу контрреволюционна, и вас, поддерживающих религию в народе, мы ненавидим и тесним, и желаем вас уничтожить; поэтому, конечно, и вы нас ненавидите и всегда желаете нашего падения, и при всяком удобном случае будете - против нас". Говоря словами Волка из басни:

*Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите.*

И если можете, то мне всегда вредите;

Но я с тобой за их разбегалюсь арху...

За контрреволюционную сущность религии и за контрреволюционные грехи наших собратьев он и "разбегалывается" с нами...

Всё это было бы смешно, если бы не было так горько.

Но мало было не верить в закон и правду власти. Из этого надо было бы делать и выводы. У врага достаточно духовной стойкости и определенности - точно то же нужно и в борьбе с ним. Коллеbanия и дипломатия он оставляет в удел нам и даже вызывает на них, и содействует им, а сам твердо стремится к цели. И, в конце концов, с таким врагом не останешься между двух стульев: непременно посадит или на то, или на другое. Враг всё время вынуждает на решительные поступки по отношению к нему.

Любопытно, например, то, что нас, церковников, советская власть наделяет всех равными сроками наказания. Архиепископу Илариону, потрудившемуся около Патриарха в Москве и наносившему тяжелые удары безбожии и обновленческому расколу, безусловно, ставшему величиною в общероссийском масштабе, и почти юноше, маленькому иеромонаху из Казани, у которого всё преступление состояло в том, что он с диакона-обновленца снял орарь и не позволил ему с собою служить, были даны равные сроки наказания - три года. Архиепископ Иларион находился в этом факте предмет для своего духовно-го веселья. Большевицкая власть, по его мнению, по-своему подражала Богу. "Ибо щедрый Владыка, - говорил он, прекрасно на память, пасхальными словами свт. Иоанна Златоуста, - принимает и последнего как первого; дает покой пришедшему в одиннадцатый час так же, как и работавшему с первого часа; и последнего милует, и о первом заботится, и тому дает, и этому дарует; и дела принимает, и намерение целует, и деяние почитает, и расположение хвалит".

Воистину так. Для большевицкой власти важны не только деяния; она ищет контрреволюцию в намерениях, в мыслях. Сидели в заключении с теми же сроками священники и архиереи-дипломаты, которые не пошли в обновленчество, но ни одного слова и не сказали против него, не промясли на него решительного суда пред народом, не помогли ни в чём колеблющимся, не защищали от него паствы. Признаться, совесть была удовлетворена карою тем, кто уклонился под разными предлогами от исполнения своего долга быть светом и стоять на подвечнике, чтобы светить всем... Но зато батюшки, ма-

по сделавшие, искренне жалели об этом. Можно было сделать больше. Ведь всё равно сидеть три года. Счастлив казался тот, кто погрудился во всю меру своих сил, со всею решительностью. Больше других он не пострадал, пользы принес много, и нравственное удовлетворение и покой имел в самой тюрьме.

Итак, в этом заключался и вывод для нас относительно нашего поведения в борьбе с таким врагом Церкви, как большевицкая власть. Если всякий, кто не с нею хотя бы только в мыслях, тот уже против нее, так чего же скрывать свои мысли и обнаруживать их в деяниях совсем не политический, а в наших, церковных?!

Из опыта обновленцев было очевидно, что компромииссы были напрасны, бесполезны, гибельны. Единственно, за что обновленцы, может быть, заслуживают некоторого снисхождения, так это за то, что они вначале искренно хотели достигнуть свободы Церкви в советских условиях. Они "спасали Церковь", которую, по их мнению, Патриарх Тихон своими разрывом и борьбой с властью завел в тупик, поставил в безвыходное положение. Так страдать Церкви дальше, как Она страдала до мая 1922 года, когда возникло обновленчество, по их мнению, нельзя было. Они, великие и умные люди, как они тогда о себе думали, пошли на мир, на соглашение с властью.

Но им пришлось открыто заявить, что, отрекаясь от политики, они должны будут бороться с контрреволюцией в Церкви и братья. Такою дорогою ценою предательства и продажи своих братьев, принесением в жертву самого Патриарха, они принуждены были покупать право существования Церкви. Не было таких слов лжи и обмана, которых бы они не сказали своим и чужим в угоду власти. Но всё оказалось напрасным. Страдать Церковь не перестала, из тупика Она не вышла.

Обновленцы имели временную относительную свободу, которая была дана им для обмана братьев, что будто бы и в самом деле Церковь может существовать в советских условиях (X). Свобода была дана такая, чтобы ни в какой мере не затормозить всех антирелигиозных мероприятий власти. Иметь некоторое время видимость свободы, а затем потерять всё с теми, кто оставался верным Церкви, не изменил ей! Чего добились? Стоило ли такую ценою искать таких результатов? Такие тяжкие раны Церкви, и такое бесчестие, такой позор себе самим! Обновленчество своей историей испровергло, осудило себя и оправдало честный и прямой путь. Союз с властью принес и обновленцам полное разочарование. Они лишились всего, чего лишились и православные: у них храмы отбираются, их епископам и священникам негде жить. И так, напрасные жертвы и напрасные потери.

Но этого мало. Власть издевается, глумится над нами. Тайно она нас ставляет и научает говорить и делать то, что ей угодно и дает свои обещания, а получив желаемое, явно и открыто, вслух всем, заявляет, что советская власть не только ни в какой Церкви не нуждается, ни в "живой", ни в "мертвой", но она и "по векселям не платит", выдаваемым ей церковниками (X).

Власть делает вид, что вы сами, добровольно, по собственному почину сделали этот шаг в отношении к ней, который ей вовсе не нужен, и она вам за это ничего не заплатит. Так большевицкая власть кривляется перед своим народом и целым миром, разыгрывая комедию, в которой действующим лицом является Церковь на позор и унижение Ее. Обладает Церковь в карикатурные, смешные одежды и смеется над нею вдосталь и тем сильнее бьет Ее. Но при этом, как вам ни больно, власть заставляет вас улыбаться...

Власть больше всего боится моральной силы, и хотя делает мучеников, но делать-то их никак не хочет, потому что они возбуждают и питают контрреволюцию, противление власти в народе, потому что они есть лучшая пропаганда против нее. Надо было убивать людей не физически только, но и морально, прежде всего. Склонить на примирение и соглашение с собою, безбожниками, было лучшим средством у власти, чтобы уронить в глазах народа, дискредитировать известного героя и мученика, человека, сидевшего в тюрьме, ничего не уступавшего и авторитетного в глазах народа.

Склоняя в раскол архиеп. Илариона в Ярославской тюрьме, агент ГПУ говорил ему: "Вас Москва любит, вас Москва ждет..." Но когда архиеп. Иларион остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент изменился: "А сколько Вы имеет срока в Соловках? Три года? Для Илариона - три года! Так мало?!"

Однако архиеп. Иларион в последнем случае не был ни соблазнен агентом власти поехать из тюрьмы к "любящим" и "ждушим", ни испуган новым сроком лагерных принудительных работ. Пусть там "любят" и "ждут". Но если власть хочет вас отпустить к любящим, то, значит, там с этого времени перестанут вас любить. В таком скверном виде вас власть выпускает. Не ищет же она вам и всей Церкви добра! В самом деле, нужно ли ей, чтобы епископ встретился снова со своими народом, и народ бы получил полностью утешения и подкрепления в своей борьбе за веру? Это же в корне противоречит целям власти, стремящейся не созидать, а уничтожать Церковь и религию. Зачем вернуть лжи и лицемерию нашей власти? Нужно только понимать ее замыслы.

Пусть ГПУ совершенно не выносит большого понимания вещей у своих подследственных, тем более нельзя отказываться от этого понимания. На допросах ведутся разговоры на общие темы и даже затеваются религиозные диспуты. Если обнаружатся ваши ум и познания, уже не говоря о расуждении, о действительных властей, то вы оказываетесь определенно вредным человеком. Счастлив только тот, кто умеет притвориться глупеньким, не умеет ни на что ответить, не так, как я, несчастный, который сразу не выдержал и всступил со следователем в религиозный диспут. Митрополит Каанский Кирилл (13) за годы своей бесконечной ссылки имел недели две свободы в самой Москве. Агент ГПУ требовал от него повлиять на Патриарха или по вопросу об ответе архиеп. Кентерберийскому, или еще по какому-то поводу, не помню. Митрополит несколько раз отмагничивался на пристававшего агента, но, наконец, сказал ему: "Ну и умный же вы человек!..."

Забешенный агент дал митр. Кириллу только полчаса на сборы. Митрополита отправили сначала в Усть-Сысольск, а затем, весной 1925 года, в лесные дебри, причем две недели продолжалось путешествие по реке в лодке. Митрополиту не давали есть, оставляли спать на холме, вне лесных избу, в которых чекисты сами ночевали, дергали его за бороду и издевались над ним так, что Митрополит стал просить себе смерти. Более года прожил он под властью дичьем коммуниста в лесу, где было только две охотничьи избу.

Итак, горе и митр. Кириллу, и архиеп. Илариону, да и всякому, кто понимал замыслы власти и от этого понимания не мог и не умел отказать.

Архиепископ Иларион, передав нам свой разговор с чекистом, выразил уверенность, что ему освобождения не придется увидеть, хотя время окончания срока его заключения приближалось. Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще добавление, или "довесок", как выражаются в советских тюрьмах, в три года, причем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для проформы, - "разглашение государственных тайн", то есть разглашение всего многозначительного разговора его с агентом в Ярославской тюрьме. ГПУ подслушало все его рассказы в лагере, а Иларион, правда, и не стеснялся не только говорить об этом, но даже описать для всего свободного, внелагерного мира, в виде диалога двух каких-то лиц, часть своего разговора с агентом. Обвинение, конечно, нелепое, потому что архиеп. Иларион - не сотрудник ГПУ, никакие служебные тайны ему не могли доверяться и, наконец, подписку не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

Обычно, если в ГПУ вам предлагается секретное сотрудничество, а вы его отклоняете, то берется подписка о неразглашении сделанного вам предложения. Вы таким уклонением характеризуете себя "неисправимым" и осуждаете себя на дальнейшее преследование власти без всякого снисхождения. По поводу этих гнусных предложений власти среди своей братии заключенных и сыльных всегда ведутся шуточные разговоры, потому что редко кому эти предложения не делались. Если дано согласие на сотрудничество, то тоже берется подписка о принятии на себя этих обязанностей, и как-нибудь наедине вы или хороший знакомый с ужасом признается вам, что под давлением разных обстоятельств он дал подписку в том, что он "как честный гражданин советской республики" (так эта записка начинается) объявляется доносчиком обо всяком случае контрреволюции, где его ни встретит. Но каково же бывало увидеть на Соловках, например, батюшку, отбывающего наказание по очень странной церковной статье Уголовного Кодекса: "Невыполнение договора"! Подумаешь, что он взялся за поставку дров для какого-нибудь советского учреждения, но их не поставил и авансы расстратил. Нет. Оказывается, он, по честности своей, за несколько месяцев своего секретного сотрудничества в ГПУ не дал ни одного доноса и тюрьмы не избежал, хотя ради этого в свое время и подписывал договор с ГПУ.

Итак, опять-таки напрашивается естественный простой вывод: честный и

прямой путь был единственно правильным путем нашим. Решимость сидеть в тюрьмах и сылках и ничего не уступать власти - в наших силах и возможностях. И это, кажется, всё, что от нас в данный момент требовалось. Власть только манит нас из тюрем, но на свободе готовит нам смерть, ибо преследует свою конечную цель - уничтожить Церковь нашу, как и всякую религию. Власть добивается, чтобы мы, прежде чем умереть, быть уничтоженными, потеряли бы собственное достоинство, стали бесчестными людьми и умирали уже с презрением к себе. Разумно смерть нашу, смерть людей, оставленных жить, в конечном итоге, без храма, без богослужения, без народа, без общественной молитвы.

Мы должны сопротивляться власти, ее обещаниям не верить и умирять в борьбе с ней. Так я полагал. Таковы, в общем, опыты и наблюдения, определявшие отрицательное отношение к соглашению митр. Сергия с властью и других многих.

В Центральном ГПУ в Москве, в так называемом "собачнике", то есть маленькой комнатке, куда бросают только что арестованных впрямь до сортировки и где бывает так тесно, что я ровно сутки простоял, не сдвигаясь с места, я прочитал на стене выцарапанные кем-то "золотые правила для заключенных", где, между прочим, было и такое: "не верь своему следователю". Правило золотое. Большевикская власть - всегда в роли следователя, и митр. Сергий, vstupавшему в переговоры с властью и в свое время прошедшему тюремную школу, надо было бы это правило знать.

Если в игре в политику духовенства с большевизской властью опасность для Церкви раньше только надвигалась, то теперь эта опасность пришла. Духовенство вместо прямого и открытого разрыва с богоборной властью ради своей веры, как это было в древности, во времена гонений, попыталось теперь с властью договориться на почве обоюдного соглашения и уступок со своей стороны. Игра в политику оказалась нам не по плечу. Политика как искусство - не нашего духа дело. Власть в этой игре выиграла, а мы сдались полностью.

Кто-то однажды при мне, в присутствии одного архиерея сказал, что, может быть, удастся и перехитрить власть, и мы дождемся, что власть сдастся и принуждена будет дать нам религиозную свободу. Епископ на это ответил: "Беса не перехитришь...".

Действительно связаться в хитрости с людьми тьмы, старыми подпольщиками-партизанами уж никак не наше искусство. Надо было повязать всякую связь с ними, а если не повязали своевременно, то кончили тем, что связались с ней. Еще давно, в начале соловецкого сидения, архиеп. Иларион читал нам одно письмо, в котором женщины (по принятию у нас естественному и ординальному шифру) рассказывали, как агент власти хвастал перед ними, что он "обведет всех наших архиереев вокруг своего пальца".

Агенты ГПУ от души хохотали, когда митр. Сергий хотел устроить свидание с митр. Агафангелом (14) вне стен ГПУ, где это свидание было назначено. Оба

Митрополита были на свободе, в Москве, но раньше, чем увидятся в ГПУ и в присутствии чекистов вести переговоры о правах своих на власть в Церкви (в связи с григорьевским расколом), встретиться не сумели. Над епископом, пытавшимся устроить эту встречу, они вдосталь смеялись, восклицая: "Ну и могодец! нас хотел перехитрить!" И дали ему три года ссылки. В общем, наши хитрости для них были забавны.

Но та хитрость, которая теперь была проделана ГПУ над нами, по своему масштабу превосходила все доселе бывшие опыты его над Церковью. Без преувеличения теперь можно было сказать, что вся Поместная Российская Православная Церковь оказалась пойманной в большевицкие сети. Как теперь выпрыгнуть из этих сетей? То обстоятельство, что митр. Сергий не только допустил ГПУ к контролю над Церковью, но именно к управлению Ею, не служит ли основанием для непризнания власти в Церкви самого митр. Сергия, как мы не признали власти обновленцев, за которыми стояло ГПУ. Да, но там были основания канонические, а здесь?.. Митрополит Сергий - законный наш архиерей, хранящий пока что в целостности церковные каноны и догматы.

То, что ГПУ управляет Церковью и митр. Сергий ему подчинился, не будет официально объявлено, как не было объявлено и об обновленцах: хотя это было для всех вполне осозательно. В чём будем обвинять митр. Сергия? Официально ведь никто, кроме него, не будет управлять Церковью.

Но обновленцев не признавать было легко: они совершили преступление против канонов. Это очень мешало ГПУ овладеть всею Церковью, португиле его злую работу. Власть тогда отсыживала в нас контрреволюцию, но мы были неуязвимы: мы объявляли, что страдаем за Церковь, за Ее каноны, поправные обновленчеством. Теперь ничего этого нет. Никаких оснований, кроме политических, кроме соглашения с властью митр. Сергия, для отдаления от него не оставалось. Да и те надо иметь в явном виде: да и имев в явном виде, попробуйте теперь не признать митр. Сергия!

Оказывается, при обновленчестве быть контрреволюционером было легко, ибо само же обновленчество своими противощерковными деяниями позволило нам скрывать эту контрреволюцию, если можно назвать непризнание власти безбожников в Церкви контрреволюцией, а не борьбой за свою веру. Однако если власть была убеждена, что ссылкой на каноны церковники прикрывали свою контрреволюцию и не желали признать обновленцев только как ставленников ГПУ, то теперь она сделала новый опыт обнаружения церковной контрреволюции: она "дала нам нашего", канонического, который и будет работать целым властью, и будет наш. Пусть теперь кто-либо попытается его не послушать. Канонических причин для этого больше нет. Неповинующийся ему будут доказанные, явные контрреволюционеры. Конечно, пощады таким не будет.

Теперь мы все поняли: загадка, давно данная агентом власти, отгадана. Нас вывели, как говорится на чистую воду. Всею контрреволюцию нашу враг обещал вскрыть, обнаружить, когда поставит нам нашего, канонического.

И вот теперь это время настало. Бог видит, как мы искренно не желали быть контрреволюционерами, но как же помириться с властью безбожников в Церкви? Мы пойманы, накрыты, попали как птицы в западню, ловко на нас расставленную.

Все наши бесконечные беседы и рассуждения на эту тему были нам бесполезны. Никто не знал, как мы выйдем из положения. Нас обогли, окружили. И мы были так сконфужены, как будто нас поймали на месте преступления.

Когда появилось послание митр. Сергия (15), в нашем Зырянском ГПУ один чекист не удержал в себе злорадства и архиерею, пришедшему, по обычаю, расписаться в своем явочном листе, сказал: "А здорово подковырнул вас Сергий!.."

Это было его буквальное выражение.

ГПУ накрыло нас и ликovalo, и ожидало обнаружения неповиновения митр. Сергию, то есть чистой воды контрреволюции.

Наше положение было до крайности тяжелым. При мысли о делах церковных ум был в недоумении, воля - в расслаблении, чувства - в стыде и скорби.

3.

Еще до послания первые шаги митр. Сергия в подчинении у ГПУ проявились в перемещении архиереев с их насиженных кафедр на другие. Большинство архиереев, если и не были на своих кафедрах по много лет, то так много пережили вместе со своим народом тяжелых скорбей, столько пострадали за его веру, что сроднились и соединились с ним неразрывными узами любви.

Вообще же, перемещение с одного места на другое и устройство на новом месте не только для епископа, но и для священника представляет в советских условиях такие трудности, что все дорожат своим уголком, каков он ни есть, в ожидании более удобных времен, и только крайняя необходимость заставляет покидать эти свои углы.

Из интересов же Церкви перевод архиерея с одной кафедры на другую в такое время, кажется, никак не вытекал, и всякие соображения по этому поводу были доступны только одному митр. Сергию. Никто объяснить его действий не умел. Одно только очевидно было для всех, что сплоченность и любовь народа и пастыря совершенно невыносимы для ГПУ. Как их разъединить - для ГПУ всегда была задача, ибо через торьму и ссылку это совсем не достигалось. Теперь чисто законным церковным порядком эта связь порывалась.

Распоряжения митр. Сергия о перемещениях проказали не малое волнение в Церкви. И паства, и архиереи протестовали. Митрополит выражал удивление, почему прежде, в старые времена, при перемещениях по приказу Синода никто не протестовал, а теперь вдруг такое неповиновение. Он пригрозил непокорным запрещением в священнослужении. Многие повиновались и

поехали на новые кафедры, некоторые попросились за штат, на покой. Везде-ма немногие оставлены на своих прежних местах. Это - счастливый удел безвредных для ГПУ людей.

Но никто не осмелился сказать Митрополиту правду о причине нежелания повиноваться его приказу: "Ты действуешь по указке ГПУ и на полбазу безбожникам". Да и не было достаточных оснований выступать с таким обвинением. Формально Митрополит был прав. Все молчали и ждали дальнейшего. Митрополит же на этом деле произвел пробу сил своих и проверку епископата: кто окажется послушанием сейчас, тот принужден будет послушаться его и потом, в дальнейших его требованиях.

Вскоре за этим последовало учреждение Синода при Митрополите (16) и, наконец, появилось послание его к народу.

Теперь можно было ожидать каких-либо выступлений против Митрополита. Митрополит продолжал делать то, что приказывала власть: запретил поминовение по церквам заключенного духовенства (17), потому что власть может заключать в тюрьмы, разумеется, только контрреволюционеров, и поминовение их за богослужением есть политическая демонстрация; по тем же соображениям стали лишать кафедр заключенных архиереев, назначая на их места других, тогда как до сего времени на места заключенных посылались временные заместители, если не было в епархии своих викарных, которые несли обычно обязанности управления за отсутствующего; далее Митрополит приказал возносить за богослужением моление о властях, и, наконец, распорядился поминать за богослужением и себя после имени митр. Петра, которого, хотя и заключенного, нельзя было лишить его кафедры, чтобы не потерять всей Церкви из своего ведения.

Поминованием же имени митр. Сергия каждая приходская Церковь показывала, что она приняла его за главу и подчинилась всем его приказаниям... Поминование означало обратное. Как в свое время поминование имени Патриарха за богослужением было знаком контрреволюционности данной церкви, так теперь, наоборот, поминование имени митр. Сергия могло означать контрреволюцию. Испытать Церковь можно было только этой последнею мерою. Вот такая произошла перемена. Вот что означала легализация.

Вся Церковь почувствовала, что митр. Сергий совершил преступление, что он сдал управление Церковью власти безбожников и действует, и будет продолжать действовать впредь под диктовку ГПУ.

Митрополит получил огромное количество анонимных писем с протестами, обвинениями и оскорблениями. Вопрос о признании митр. Сергия был поставлен в православных приходах всей страны. От Белого моря и зырянских деревень и до Черного моря - на всем пути, который я в общем проехал перед побегом своим за границу и лично сам в этом убедился. В Москве народ при встрече с Митрополитом не давал ему покая.

Один из ближайших сотрудников Митрополита писал мне в Зырянский край: "Каждая баба считает своим долгом бросать митр. Сергию оскорбле-

ния". Я ему отвечал: "Ведь у нас, у православных, так: если и архиерей гнет, то и баба ему об этом в глаза скажет".

Некоторые священники и многие епископы явились сами к Митрополиту и высказывали ему в глаза резкие обвинения. Другие епископы написали ему очень смелые протесты, в которых не только перечисляли пагубные для Церкви мероприятия его, но указали на вредность и бессмысленность самого союза Церкви с такою гражданскою властью. Однако в конечном результате весьма немногие архиереи решились выйти из подчинения Митрополиту Сергию и создать новый раскол. Митрополит угрозою запрещения в священнослужении, по праву законного главы Церкви, привел большинство протестующих к повиновению.

Хотя сладкому самообману наступающего мира с властью предались весьма немногие епископы (в каких обстоятельствах не найдешь таких оптимистов!), а подавляющее большинство, раз подчинившись Митрополиту, принуждено было тотчас защищать его от нападков протестующих собратий и народной массы, которая готова была вся, целиком, отойти от Митрополита, появились для этого общий для всей Церкви вождь. Но такового вождя не было, согласно с волею епископов и отдельных священников выходили из подчинения митр. Сергия епархии и отдельные приходы.

Епископы, защитники Митрополита, решили продолжать борьбу за каноны, полагая, что подчинение законному архиерею - выше всего. За это боролись от начала с обновленцами, и теперь уже нечего было отступать. Надо уж стоять до конца на своем пути. Они рассуждали так: надо сохранять единство Церкви. Новый раскол недопустим, и то, что он уже возник в лице отделившихся от митр. Сергия, есть новое великое горе. Деяниями Митрополита доматы и церковные каноны не повреждены, и нет достаточных оснований ему не подчиняться. Пусть Митрополит принимает грех на себя, это его дело, он будет отвечать за всё на суде церковного Собора, который когда-нибудь будет, а мы его судить не можем. Мы должны исполнять то, что он приказывает, хотя это нам и не нравится.

"Пусть героический период борьбы Церкви за Себя кончился, а начался период унижения, который должно тоже принять, - писал мне какую-то странную новую теорию один из ближайших сотрудников митр. Сергия. - Хотя это унижение возложил на нас наш первоиерарх, но идти на раскол с ним мы не можем".

Вот рассуждения, высказывающиеся везде: и устно, и письменно епископами, а за ними и священниками, решившими остаться с Митрополитом. Конечно, для укрепления веры в Церковь, в оправдание разных деяний Митрополита и в успокоение совести свое и чужой, привелись не только каноны, но и тексты Священного Писания: "Церкви врата ада не одолеют", "Нет власти не от Бога", "Надо молиться за властей" и прочее тому подобное.

Большим приобретением для митр. Сергия было то, что на поддержку ему стал архиеп. Иларион. Как человек авторитетный, он повлиял на многих и не-

которых епископов успел возвратить к митр. Сергию. Главный свидетель планднов ГПУ по уловлению Церкви в большевистские сети, он менее всех был склонен осудить первоиерарха за неполезные для Церкви поступки. Слишком хорошо известны ему были условия, в которых церковное управление работает, чтобы осудить его за ошибки.

Характеризовать как-нибудь подробнее все обманы, ложь, наглее бесстыдство, омерзительное притворство и лицемерие, провокационные выходы и прочие подлости агентов власти даже архиеп. Иларион не умел. Когда касался разговор отношений власти и церковного управления, то он говорил так: "Нет, друзья мои, ведь надо побыть в этой обстановке, хотя немного, а так не опишешь..." Посмотрев на нас слушателей и, как бы спрашивая нас, поверим ли мы ему или нет, он добавлял: "Это, воочию, сам сатана..."

Архиепископ Иларион делал и сам ошибки; он тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедовал против них в церквях, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отъятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посулов и угроз (когда столько в такой обстановке пали, сдались). И вот он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. Настолько кратко, хотя и остро, занимал этот вопрос Церковное Управление и настолько быстро и сам архиеп. Иларион сознал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточным в Русской Церкви новый стиль. Наконец, в той же ярославской тюрьме, агент ГПУ всё-таки сумел получить от него письмо к Митрополиту Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу немало ликовали, а архиеп. Иларион, возвратившись в Соловки, горько поскорбел. Часто прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух: "Вот, григорьевцы говорят, что "Иларион за нас", а Иларион опять в Соловках... вот как".

Если он сам попадал под влияние ГПУ и делал ошибки (XI), о которых ему тяжело было потом и вспоминать, то не стал он и вообще производить какую-либо оценку действительным митр. Сергия, настаивая только на том, чтобы от него не отделились. В Зрянском крае я получил от него письмо из Соловков, в котором он писал мне, что в соглашении митроп. Сергия с властью не видит ничего особенного. Я понял его, потому что мне хорошо был известен и его принципиальный взгляд. К моему глубокому сожалению, архиеп. Иларион расценил так, что отношения Церкви с властью регулируются практическим расчетом: как во времена татарского ига представители Церкви были послушны и покорны ханам, а когда нужно было, благословили и на свержение их ига, так и теперь. Слышал это из уст Архиепископа не я один, но я немало возражал ему, полагая, что возводить в закон разные случаи истории не следует. У нас могут быть более принципиальные взгляды для руководства. Таким об-

разом, ошибался ли митр. Сергий или поступал с практическим расчетом, архиеп. Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью. И он был не прочь, для вида хотя, очиститься от политики. Самому архиеп. Илариону приходилось читать лекции о совместности христианства и социализма, когда агент ГПУ требовал от него доказать этим, что он не контрреволюционер. Правда, потом чекист ему говорил: "На любимые темы вы легко говорите, а вот здесь-то, как будто кто клещами вытягивал у вас слова..."

Что же такое - соглашение митр. Сергия с властями: ошибка или практический расчет? Конечно, не ошибка. Ошибиться после стольких опытов было бы безумием. А если практический расчет, то почти что в смысле архиеп. Илариона. Нельзя же сколько-нибудь верующему человеку желать искренно укрепления безбожной власти навсегда.

Митрополит Сергий у себя в покоях спрашивал обычно протестовавших против его деяний архиереев: "Скажите, что делать?". И архиереи, его собеседники, молчали. Положение трагическое. Они в его положении ничего не умели ему посоветовать. Сильное место митр. Сергия против всех, критиковавших и просто ругавших его, было то, что ничего положительного посоветовать ему никто не мог, ибо никто не знал, как жить и действовать в Церкви дальше. Сам Митрополит тоже знал только одно, что жить как-то надо и в советских условиях.

Чтобы не сидеть дальше в отношениях к власти между двух стульев и сказать, наконец, определенное "да" или "нет", нужно было или снова повернуть к первой анафеме на большевиков Патриарха Тихона, или идти на полное подчинение им. О первом он и попыслить теперь не мог, оно сдано в архив и забыто бесследно, осуждено самим Патриархом, который оставил ему другой путь. Соловецкого же послания митр. Сергий не читал. При обыске, в бытность его в Нижнем Новгороде, чекисты у него это послание нашли и митр. Сергий должен был признать, что видал, что оно длинное отложил его в сторону (XII). Конечно, после он его читал и на него, видимо, ответил в своем послании фразой, что "только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всею Ее организацией, может существовать спокойно, закрывшись от власти". Он - не мечтатель, он - человек жизни, практики, стелкивающийся непосредственно с нуждами Церкви в каждый момент.

Настоятельная необходимость момента была - сохранить центральное церковное Управление. Благодаря неуступчивости первоиерарха, такое управление, в сущности, не существовало. Пока он сам сидел в тюрьме, будучи заместителем митр. Петра, то переменялись еще несколько его заместителей, которые по очереди, один за другим, садились в тюрьму. Временное отсутствие центрального Управления породило расколы, которые фабриковало то же ГПУ, и уже сделало их два (обновленческий и григорьевский) именно в такие моменты безвластия. ГПУ возглавляло Церковь епископами, которые, сами обманутые, обманывали церковный народ и драбили его на части.

Самому митр. Сергию пришлось выдерживать борьбу с григорьевским Управлением, попытавшимся возглавить Церковь вместо него после ареста митр. Петра. Конечно, он знал, что безбожники не прекратят своего дела гонения на религию и борьбы с Церковью, но пусть хотя временно, доколе существует Поместная Российская Православная Церковь, будет у Нее и центральное Управление, сохраняющее Ее внутреннее единство. А там, авось, произойдет какая-либо перемена.

Об этом главным приобретении Митрополит и извещает в своем послании, говоря, что "теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление... Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом, в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений" (XIII). Вот какое значение придает своему приобретению сам митр. Сергий.

Конечно, для нас, подавляющего большинства членов церковного клира, было совершенно очевидным, что никаких таких перемен не произойдет, а что центральное церковное Управление существовать теперь будет. - этому мы верим, оно нужно ГПУ. Это будет единственное, первое и последнее наше приобретение. На свободу же Церкви надежды напрасны.

Итак, главная цель, ради которой принесены были митр. Сергием все жертвы, - получение легального прочного церковного Управления - была достигнута. Кажется, удовлетворили великую насущную нужду Церкви. Но когда добилась этой цели, то она оказалась такою пустою, ненужною и ничтожною, что не стоила совсем принесенных жертв.

Церковное Управление, бовышеяся безвластия в Церкви и ради спасения Церкви от самочиний и расколов попытавшаяся сохранить себя, не только не спасло Церковь от нового раскола, но и само породило его, тогда как до сего времени расколы создавало ГПУ. Митрополит принужден был вновь спасать Церковь от раскола и бороться за Ее единство. Всею властью канонического Первоиерарха он стал запрещать в священнослужении протестующих против его деяний епископов и священников. Он пользуется безвыходностью положения своего епископата, который, идя всё время честным путем, не мог с ним согласиться, но, в то ж время, и не знал теперь, куда от него уйти.

Митрополит Сергий первый из первоиерархов проявляет теперь всю силу своей власти. Он не только законный архиерей, но особенно законный, до него еще не было такого законного, он - безошибочный папа, ему нельзя возражать под страхом прещения. Он спасает теперь единство Церкви своими правами насилия.

Казалось, не лучше ли всем дать возможность выйти из-под своего владычества и показать гражданской власти, что советь всего клира и народа не мирится с таким положением? Но, подавляя эту советь правами законного, он думает, что спасает Церковь он, а не Церковь спасает его. Однако, как он мог поступить иначе? Могло ли ГПУ позволить ему не исползовать своих

прав законного архиерея, когда оно на горьком опыте обновленцев узнало, что через беззаконников в Церкви ничего не сделаешь.

Овладеение волей законного - не было ли главной целью ГПУ?

Бедное церковное Управление под этим насилием законных своих прав скрывало, конечно, внутреннее моральное бессилие. Управление принуждено было от авторитетных архиереев собирать письменные признания себя и распространять их. Кажется, права на власть так бесспорны, что снова докзывать их не стоило. Что было несомненно, и в чём Патриаршее Управление раньше не нуждалось, то теперь вдруг стало сомнительным, и ему пришлось поступать по образцу обновленцев и григорьевцев. Патриаршее Управление не боялось слов врагов, ибо они были клевета и ложь, а теперь оно заколебалось, что-то такое надлежало, от чего потеряло уверенность в себе.

Результаты соглашения митр. Сергия с ГПУ, как и следовало ожидать, были до крайности печальны. Всё произошло так, как предполагалось. Синод митр. Сергия включил в свой состав, прежде всего, митр. Тверского, ныне Саратовского, Серафима (Александрова), который и остается бесценным членом этого Синода поныне. Это был злой гений Патриаршего Управления.

Однажды в его отсутствие Патриарх устроил заседание епископов, на котором был восстановлен на своей кафедре один лишённый ее епископ (XIV). Прибывший митр. Серафим взял протокол этого постановления и снес его в ГПУ, отчего у Патриарха было много неприятных разговоров с агентом ГПУ. Одно дело о награждении одесских священников также через него стало известно ГПУ раньше, чем следовало. Архиепископ Иларион за неделю до своего ареста получил от него предупреждение в том смысле, что раз власть ему не доверяет, то нужно самому уйти от службы. ГПУ иногда рекомендует это тем, чей арест для него неудобен почему-то. Архиепископ Иларион своим отказом митр. Серафиму определил себя на заключение, которое за тем и последовало.

Кстати сказать, такую ужасную роль - посредника в делах ГПУ - выполняли обычно впавшие в раскол епископы. Архиепископ Евдоким (Мещерский) (18), обновленческий митрополит, в стенах ГПУ, понуждал митр. Новгородского Арсения перейти в обновленчество. Митрополит Арсений сказал ему, своему бывшему сослуживцу по Московской Академии: "Но ведь вы же знаете, что обновленчество беззаконно". - "Что подлапашь, если они требуют", - ответил архиеп. Евдоким, кивая головой на дверь чекиста. Когда митр. Арсений остался непреклонен, архиеп. Евдоким с гневом сказал ему: "Ну и снимайте в торьме!" И с этим покинул узника.

Другой епископ, Борис (Ружин) (19), склонял заключенного еп. Амвросия (Смирнова) (20) в григорьевский раскол. Разговор происходил почти в тех же выражениях и окончился злобою и угрозами несчастного раскольника.

Митрополит Серафим, много знающий и умный человек, избежал расколов, но избегал и торьмы, чтобы послужить, в конце концов, целям ГПУ, находясь в среде православных. Пребывания его под арестом были чрезвычайно крат-

ки. Причины этого всем были понятны. Еще во времена полной свободы Патриарха, однажды, после службы в Церкви св. Тихона Амафунтского на Арбате в Москве, в которой я сослужил митр. Серафиму, мне пришлось в разговоре с ним слышать из его уст порицания Патриарху за то, что тот не идет на соглашение с властью. Если это говорилось среди нас, среди своих, то что же говорилось перед чекистами и следователями?

Помню, когда Борис (Ружин), еще в сане архимандрита, сидел со мною в Московском ГПУ и осуждал Патриарха вслух нас заключенных, то один из "светских" моих союзников сказал мне: "этот долго не просидит". Конечно, он быстро освобождился, но оставался около Патриарха и даже вскоре сделался викарием Московским.

Роль митр. Серафима - на глазах всей Москвы. Ни одна московская Церковь не приглашает его на богослужение. Народ его не выносит. За ним слава "митрополита Лубянского" (ХУ), заведатая ГПУ. И без этого человека ничто не делается в Синоде митр. Сергия. За его политическую линию митр. Сергий обьявил его человеком "дальновидным". Этот человек, наконец, восторжествовал, достиг того, за что боролся, и нашел средю для приложениа всех своих сил в Синоде митр. Сергия.

ГПУ получило желательный для себя Синод. Недаром митр. Пётр его боится: он знал, кто ходил на свободе, и кто попадет в его Синод.

Уже будучи в бегстве с места ссылки и проежая по России в поисках выхода к границе, я был у одного епархиального архиерея, старого знакомого по одному из мест моего заключения. Не желая тревожить его страхом за меня и за себя, хотя на несколько часов нашего общения, я ничего не сказал ему о своем положении беглеца, уже разыскиваемого ГПУ. Поэтому, узнав, что я не хочу занимать своего места в Москве, архиерей предложил мне у себя в епархии священническое место, предупредив по-дружески, что он мою кандидатуру должен представить в ГПУ. Уже не говорю, как это было нестати для моего положения, но и противно моей душе до омерзения. "Нет, из таких рук я священнического места никогда не приму", - сказал я.

Оказывается, всякий раз списки кандидатов на вакантные места подаются архиереем в ГПУ, а оно уже избирает удобных для себя лиц. Эта новость сергиевского режима в Церкви, может быть, покажется сразу не так предосудительною, но надо же знать, каким принципом руководится ГПУ в выборе лиц на священнические места.

Бесчестного, порочного, недостойного своего звания священника, того, который отгоняет народ от Церкви, убивает в нём религиозное чувство, архиерей бесслепен удалит из прихода, потому что он имеет поддержку ГПУ, будучи и заведомым чекистом. ГПУ же осмелевается не только защищать такого от архиерея, но и требовать его назначения, если он без места. Всех сколько-нибудь деятельных, умных, честных, поддерживающих религиозные настроения в массах, ГПУ неумолимо продолжает устраниать, будь они даже сергиевской ориентации. Большевики твердо помнят, чего они хотят, и добиваются

своего.

Положение сотрудника ГПУ (ведь безобидная подписка быть "честным" гражданином и им, моим епископом, дана) совершенно невыносимо для моего епископа и доставляет ему тяжкие нравственные страдания. Нервная система его расшатана, ночи он не спит, вызовы в ГПУ и разговоры там, хотя и являются весьма любезными и чуть ли не дружескими, совершенно убивают его, и он чувствует себя развалиною в многодые свои годы.

Я доказываю ему необходимость отделиться от митр. Сергия и, конечно, идти опять в тюрьму. Он говорит мне, что этим дела уже не поправишь. Ничего не изменится в создавшемся порядке. Бросить кафедру невозможно: народа жалко, народ у него еще есть, и этот народ не знает, куда идти; остались храмы под знаком православных только сергиевские. Может быть, он увидит заштат и заменит себя кем-либо, потому что далее исполнять распоряжения ГПУ у него нет уже сил.

Прежде епископы (кроме обновленческих и григорьевских) в ГПУ - чужие люди. Теперь они - свои там и почти что заведатаяи. В некоторых местах сергиевские епископы пользуются полным доверием ГПУ. Так, например, в одном месте касса кафедрального собора по предложению ГПУ целиком находится в руках архиерея, вопреки всем светским правилам и обычаям, и приходской совет без его разрешения не может истратить ни одной копейки, его боится и с ним считается, зная, кто стоит за его спиной.

От одного архиерея, имя которого, как и многих других, не называю, ГПУ потребовало подать списки на всех монахов и монахинь города и епархии. Он подал такие списки, и тогда все они поголовно были арестованы и сосланы в места ссылки. При этом само же ГПУ не постеснялось распространить слух, что оно здесь ни при чем, а виноват во всем архиерей, который подал на них списки. Конечно, это - клевета, но пособничество было действительно и со стороны архиерея.

Зачем играть такую позорную роль? Но как быть иначе сергиевскому епископату? Тихоновские епископы не имели нужды в такой работе. Их дело было сидеть по тюрьмам. А этим надо быть на свободе, чего никак ГПУ даром не может предоставить духовенству.

Один епископ получил от митр. Сергия назначение на епархию. Агент ГПУ поздравил его с назначением и добавил: "Теперь придите ко мне (разумеется, на Лубянку): договоримся".

Нужно заметить, агент ГПУ бывает дважды в неделю (а один раз непременно) в Управлении митр. Сергия. Важно обидя всех посетителей и спросив каждого - откуда он и зачем явился сюда, чекист уединяется с митр. Сергием. Но большей частью, вместо себя в канцелярию сергиевского Синода старший агент посылает своих помощников.

Указанный мною епископ отказался от кафедры и на Лубянку не пошел. Но если кто не имел мужества отказаться от кафедры вовремя, тот обязан был получать напутствия от ГПУ, если ГПУ находит нужным их дать. В провинци-

альном же ГПУ, вновь прибывшему епископу, немало поддавашему в приемной, начальник наставительно и серьезно говорит: "советую вам твердо держаться митр. Сергия, в этом ваше спасение (разумеется, от репрессий ГПУ). Таковы факты.

Конечно, как предполагалось, талантливейшие и деятельнейшие архиереи, хотя и признали митр. Сергия, не получили своих кафедр. ГПУ не позволило.

Вспоминается Патриарх. Тот давал свои назначения. И пусть архиереи, отправляясь в одну сторону, попадали в противоположную. ГПУ делало что хотело и могло, но и Патриарх исполнял свой долг перед Богом и Его Церковью по совести. А теперь ГПУ наносило нам удары нашими руками.

Пойдя за митр. Сергием, повинуюсь ему, как законному иерарху, при великих компромиссах совести своей, лучшая часть епископата зачеркнула годы своего сидения в тюрьмах и ссылках, честного пути и борьбы. Митрополит Сергий сдал свой епископат врагу. Моральные силы епископата, согласившегося работать с ним, низложены им.

Что сказать о прочем духовенстве? Если сказать о большинстве, то, конечно, оно со дней борьбы с обновленчеством пошло по линии наименьшего сопротивления. **Легкий и удобный путь, конечно, склоняет на свою сторону большинство. Обновленчество сулило покой, освобождало от тюрьмы, - почти все пошло в него.** Прошел острый период первой борьбы, когда все деятели были арестованы, - они возвратились обратно в Православие, поскольку народ этого потребовал.

При митр. Сергии - снова испытание. Конечно, большинство духовенства охотно последовало за митр. Сергием: лишь бы подальше от тюрьмы. Народ, поднявший ропот против митр. Сергия, осаждал свое духовенство, желая знать его отношение к Митрополиту. Слушая всякие хитросплетения в защиту его из уст своих духовных отцов, народ с великим оторочением понимал, что всё это говорится ими "для спасения собственной шкуры". Это и выражалось часто в глаза отцам. Слишком знакома была всем эта психология. Не знаю, какие моральные силы мог подорвать митр. Сергий у большинства рядового духовенства, но что психология этого большинства могла подорвать моральные силы самого митр. Сергия, это я допускаю.

Какую дальнейшую борьбу можно возложить на плечи духовенства? Обновленчество не есть ли бунт рядового духовенства против Патриарха, возложившего дело борьбы с властью на всю Церковь и не шедшего с властью на примирение? Я, маленький священник, не был ли одинок в борьбе с обновленчеством в своем трехштатном причте и не скорбел ли в моей ссылке, что приход мой уходит к митр. Сергию без борьбы, которой я, отсутствуя сам, ни на кого не могу возложить? Но и что могло быть, если бы митр. Сергий объявил борьбу со властью? Не то же ли, что при изъятии церковных ценностей, когда, невзирая на послание Патриарха, все от страха репрессий взяли сами решать вопрос об отдаче ценностей?

Обозревая настроение подавляющей массы духовенства, той массы, которой надлежит выдерживать всю тяжесть борьбы и принять главные удары врага, митр. Сергий и мог склониться дать этой массе безболезненную кончину. Пусть имеют центральное Управление и его держатся, пока всё само собой не кончится в общем порядке ликвидации всякой религии и Церкви в России. Итак, если теперь сам митр. Сергий пошел по линии наименьшего сопротивления, то кому он угодил, как не массе духовенства?

Повторяю, что разговор идет о большинстве духовенства. Меньшинство оказало сопротивление митр. Сергию. Нашлись священники в той же Москве, как и в провинции, которые не признали митр. Сергия. Народ бросился к ним. Но на этот раз сопротивление продолжалось недолго, меньше, чем при обновленцах. Известными доводами о каноничности митр. Сергия и о будущем Соброре, который будет судить его, уполномоченные митр. Сергия "уговорили" подчиниться, если не всех восставших против него, то большую часть их. (Как не подчиниться, если за непризнание митр. Сергия начали арестовывать!) Во всяком случае, так сдались наиболее самоотверженные и честнейшие пастыри.

Следует подчеркнуть любопытный факт: и сторонники митр. Сергия у тверждают, что его непременно надо судить. Поистине, преступления не скроешь и напрасно трудиться, подавляя голос совести своей и чужой.

Итак, народ в заключение остался с храмами только митр. Сергия. Других не осталось. Пастыри завели народ туда, куда сами пошли. Со дней обновленчества и далее народ смущали и разбивали на части вожди его, но, наконец, настала такая пора при митр. Сергии, когда и православные христиане не знают, куда голову приклонить. Ходить в храмы митр. Сергия, где поминается его имя и возносятся молитвы за советскую власть, ни у кого душа не лежит, но идти больше некуда. Не ходить в эти храмы, значит, остаться совсем без храмов, без богослужения, без религии. Решиться на это большинство верующих совершенно не может. Остается с тяжким компромиссом совести идти за митр. Сергием (XVI).

Архиерей, у которого я кратко гостил в дни моего бегства, умолял меня не обмолвиться ни одним словом против митр. Сергия в присутствии пасомых. Надо хранить покой народа. Но я потом многократно убеждался в своих скитаниях, что, действительно ничего не надо говорить: все сами всё знают. Только не говори, чтобы не причинить скорби, отнимая последние святыни. А молчишь, избегаешь разговора на эту тему, потому что когда начинают ужасаться и спрашивать: "Что же делать, куда идти?" - то ты ничего посоветовать не можешь.

Борясь с обновленцами, мы говорили народу: "Оставьте их, пусть храмы их будут пусты". И народ слушался: храмы обновленцев оставались без людей, потому что людям было еще куда идти. Народ мог отстоять путь Истины. Теперь же он бессилен, он оставлен пастырями, ему не за кем идти.

Теперь с народом случилось то же, что с лучшими частью епископата и ду-

ховенства: вопреки совети идти за своим вождем; не свободно и радостно, а как пленник или проданный раб. В силу этого с народом случилось большое духовное несчастье: у него отнята душа, всякое воодушевление в борьбе за веру, ревность, усердие к служению Истине.

Сначала отняты вожди, любимые архиереи и священники, в которых имели радость и духовную поддержку, потом случилось худшее: не только все оставишься, но и любимые изменили Истине, папи, принесли пасомым тяжкие разочарования. Ни на кого нельзя надеяться. Если архиереи и священники сами не знают Истины или знают, но сознательно гнут, у них нет правды и чистости, то на что же надеяться? Так говорят люди. Поэтому: ... поражу пастыря, и рассеются овцы (Мк. 14, 27).

Прежде, при Патриархе, моральная сила всей Церкви противостояла гробому физическому насилию власти. Теперь этой силы не стало ни в духовенстве, ни в церковном народе вслед за их вождем. Таковы результаты соглашения митр. Сергия с ГПУ. Для врага самое главное было - низложить моральные силы церковного народа, ибо он боялся героизма, протеста, единодушия. И этого он, наконец, дождался.

Что такое закрытие и разрушение храмов в России? Для врага Церкви это было дело второе и последнее. Главное для него было - уничтожить нас нравственно и духовно. Чего он сам не мог сделать, в том ему помогли, ведь овладеть духом - не то, что телом. Первое всегда, до смерти в нашей власти. Только здесь мы независимы. Ослабив силы духа, сломив его сопротивляемость, он уже делает далее всё, что хочет. Постепенно он своей цели добивался, и поскольку ослабевало нравственное сопротивление Церкви, постольку не стеснялся физического насилия над Неою. Неужели это не факт? Чем объяснить, что без протеста масс уничтожаются на их глазах их святыни? Конечно, общим моральным упадком.

А от людей самоотверженных и глубоко верующих я слышал и такое суждение: "Раз все исподличались, и между духовенством нет честных людей, то уничтожай, Господи, всё!" Конечно, это - отчаяние, но моральное состояние людей Церкви привело в отчаяние и таких людей. Пастыри и народ связаны неразрывно.

Церковь митр. Сергия отказалась быть мученицей, страдалницей за веру. Прежняя тихоновская Церковь была бельмом на глазу у большевицкой власти: Она своим упорством стесняла свободу действий власти над Неою, мешала поскорее с Неою расправиться. На эту Церковь могла опираться и указывать заграница, как на голос Истины, подлинного положения правды в той же России. Она была свидетельницей гонения на религию. Поэтому большевикам Она казалась моральным оплотом зарубежной контрреволюции: она поддерживала и внутреннюю контрреволюцию. Нужно было, чтобы вся Церковь отказалась от мученичества, как в свое время отказался Патриарх, который принес этим большое разочарование загранице и радость большевикам.

Кто же теперь окончательно развязал руки врагу для расправы с Церко-

вью, как не митр. Сергий? Не этого ли хотела большевицкая власть? Словом своим он снял всякое обвинение против советской власти и делом допустил ее к власти над Церковью. Теперь погибай без поддержки и сожаления. Кто тебе будет сострадать после этой лжи? Кому ты нужен? Кто на тебя будет опираться в борьбе с большевиками? Кто будет к твоему голосу прислушиваться? Для кого ты авторитетен?

Митрополит Сергий и его Церковь - не величина. Они - как ничто. Большевики низложили, насколько могли всякий авторитет и значение Русской Церкви. И дело физической ликвидации Церкви пошло легко, без всякой помехи. Понятно, почему выступление митр. Сергия большевицкая печать встретила как событие большой важности: "Тихоновцы долго упорствовали. И тихоновцам пришлось перекашиваться в советские цвета". Так ликвидала официальная газета по поводу падения тихоновщины.

Сдавалась та самая Церковь, которая считалась гонимой, которая страдала. **Тихоновцев просто не стало. Появились сергиевцы**, за которыми укрепилось это имя; а имя "тихоновцев" к ним не пристало, и оно почти совсем исчезло в советской России. Некого стало этим именем называть. Если Патриарх берет Церковь и власть над Неою не уступал ГПУ, правил Ею сам, а митр. Сергий поступил наоборот, то **Управляемая митр. Сергием Церковь не есть Патриаршая или Тихоновская Церковь, как называли Ее в отличие от обновленцев, а именно сергиевская.**

Митрополит Сергий уверял и письменно, и устно, что он преемник власти Патриарха, выполняет только то, что Патриарх обещал сделать и не сделал, т.е., иначе сказать, митр. Сергий считал своей заслугой то, что является именно его преступлением. Патриарх действительно давал обещания власти и не выполнял их. Делав невольную ошибку своим выходом из заключения и покаянием перед властью, Патриарх, с одной стороны, обязал себя хранить мир с властью, выполняя ее задания; а с другой стороны, встал перед долгом своим в отношении к Церкви, против которой власть боролась. Поэтому, стараясь ничего не возложить на Церковь, он грех своих обещаний принимал на себя и сам страдал. А этот взялся выполнять обещания Патриарха и задания власти и на Церковь возложил всю тяжесть обязательств перед властью.

Из деятельности Патриарха его преемники - митрополиты Пётр и Сергий сделали разные выводы: первый усвоил дух и смысл этой деятельности - моральную стойкость в исполнении долга своего к Церкви, а второй рассудил по внешности и стал выполнять обещания и слова Патриарха, которые тот вынужден был давать.

У митр. Сергия своя последовательность. Старый член Синода счастливых царских времен России и всегда покорный слуга его обер-прокурора, государственного чиновника, хорошо знакомый с требованиями власти в отношении к Церкви, может быть, он ничего нового и не мог заметить в своем договоре с ГПУ. По внешности, конечно, ничего. Если обер-прокурорам можно было подчиняться, то почему этим нельзя? По логике так, а по правде, кото-

рою живет Церковь, не так.

Нельзя прогнать маленькую сущность: если на обязанности обер-прокуроров всегда были - защита, соиздание и укрепление Церкви, то у этих - разрушение и уничтожение Ее. Не логика ума, а совесть, чувство правды руководили душою церковного народа, который протестовал против союза церковной власти с властью безбожников. Но что поделаешь? Богу, видимо, угодно было через кого-то отдать Церковь в руки этой безбожной власти.

Митрополиту Сергию, конечно, самому же первому пришлось пожинать результаты своего союза с властью. Перед одною своею литургиею он получил телеграмму из Петрограда о смерти в тюрьме архиеп. Илариона. Митрополит заплакал. Но когда после литургии его попросили о панихиде по усопшем, Митрополит ответил: "Распоряжения еще не получено".

Так, он не служил панихиды и по архиеп. Воронежском Петре (Звереве) (21), умершем в Соловках. Конечно, кто запретил поминовение в церквях заключенных как контрреволюционеров, тот и сам не мог служить по ним панихиды. Он стеснил себя в праве молитвы за умерших своих друзей, передав это право безбожной власти. Уж в этом его предшественники себя не стесняли и на молитву со своим народом распоряжения от власти не ждали.

Будучи так робок перед властями, он чрезвычайно смел и мужественен перед своими беспомощными собратьями архиереями и подчиненными, тогда как у предшественников его было наоборот. Вслед за смертью архиеп. Илариона, по которому Митрополит не осмелился служить панихиды, он (в январе 1930 г.) посылает запрещение в священнослужению митр. Казанскому Кириллу, который изсылки своей заявил, что он принять участия в грехах митр. Сергия не может и причащаться Святых Таин с ним бы не стал.

Митрополит Сергий сам себя ценит по достоинству. В Прощеное Воскресенье в 1929 г. (как мне писали всылку) митр. Сергий в своем храме просил прощения у народа. Он говорил так грустно, так печально, так признавал свои проступки перед народом, и просьба о прощении носила такой искренний характер, что всем стало его жаль до крайности, и даже те, кто у него и его клира не причащались, подошли к нему под благословение. Итак, выход из положения у митр. Сергия всегда есть. Он каяться может и знает свои грехи. Не в закулке, а вслух всей Российской Церкви он бы мог сказать, что попытки примирения с властью и уступки ей напрасны, что Церковь ведется к уничтожению, что церковные люди страдают без всяких политических преступлений против власти, а за одну только свою ревность по вере; мог бы сказать всё - сказать и умереть.

Отказаться от союза с властью, покаяться перед народом, объявить о закрытии своего Синода, объявить самостоятельность управления в каждой епархии (как это было предусмотрено и Патриархом) - сделать это и идти на Голгофу он бы мог. Лучше честно умереть, чем подло жить. Меня эта мысль воодушевляла в борьбе с обновленцами. Так откровенно мне показалось лгать и обманывать перед своим приходом. Да я ли один так думал? Кем бы-

ли забыты места заключения исылки?

Одному из ближайших сотрудников митр. Сергия я писал изсылки: "Закрывайте вашу лавочку, сделайте великое, святое дело..." Мне он отвечал: "Ты с ума сошел..."

Ну, конечно, ведь они не фантазеры, а здравые практичные люди. Они стоят на почве фактов жизни. Надо жить, и они решили жить. А христианство? **Уж не оставляют ли они его в удел "кабинетным мечтателям"?**

Если митр. Сергий подтвердил ложь власти, что духовенство преследуется и сидит в тюрьмах за политические преступления и что закрытие и разрушение храмов, т.е. гонение на религию есть дело самого народа, то, конечно, по его мнению, ложь и клевета есть прекрасное практическое средство для доброй цели - сохранения его церковного Управления. Свое положение законного архиерея Церкви, свой епископат и духовенство, и свой народ, всю Церковь Русскую он принес в жертву власти. Для оправдания последней он всех оклеветал...

Конечно, единственным утешением для него могло быть то, что никто ни где не поверил его лжи. В самом деле, какую нужно иметь голову, чтобы думать, что он находится вне влияния ГПУ и что слово и дело его свободны? Кто присоединится к его обвинениям своего народа, зная, что виновник и наследитель безбожия, инициатор всех преступлений против веры, развратитель молодёжи, есть сама власть большевицкая? Кто не знает, что политически виновное перед большевиками духовенство частью перебито, частью ушло за границу, и если бы за заключенным ныне духовенством было хотя малейшее политическое преступление, оно бы давно не было в живых.

Власть доньше не боится убивать священников, будь на то малейший повод. Напротив, пользуется всяким удобным случаем для этого (XVII). Всё это знает митр. Сергий: он знает, что в его заявленях ради власти нет ни малейшей доли правды. Ведь в последнее время в Москве была арестована та часть московского духовенства, признавшая при том митр. Сергия, которая ничем другим не отличалась, как только особенным усердием к богослужению, собравшему много людей. Признание митр. Сергия, явно выраженная политическая благонадежность им нисколько не помогла. Хотя всё это знает митр. Сергий, но выйти из положения не может и остается в своей ужасной роли - идет вместе с ГПУ против своего епископата и народа; авторитетом закононопо главы Русской Церкви прикрывает, оправдывает в глазах всего мира преступления власти, защищает ее беззакония.

Однако мы должны быть твердо убеждены, что из всего, что было напечатано от имени митроп. Сергия, не всё принадлежит ему. В обычаях ГПУ делать от себя вставки, искажения и чистые подлоги в разные декларации и так их печатать. А потом попробуй-ка их опровергать!

Сектантский съезд постановил, что вопрос об отбывании воинской повинности должен решаться каждым по своей совести. Появившись в печати, это постановление определено объявляло всех к отбыванию воинской повинно-

сти. На местах поднялся бунт против президиума съезда, искажившего его решения. Президиум стал рассыпать опровержения газетного сообщения и за эту свою "контрреволюцию" сел в тюрьму (XVIII).

Митрополит Сергей, конечно, мог бы опровергать то, что ему не принадлежало исполнять задания ГПУ в главнейшем, существенном, нужно было волею-неволею принимать и остальные неприятные мелочи, которые может без конца доставлять такой бесстыдный друг как ГПУ. Надо уже было принимать на себя всё и давать свое имя на всё, что он хочет. Верблюд был проглочен, а от комара бежать уже нечего. Словом меньше, словом больше, не всё ли равно? Никаких опровержений и отказа от своих дел митр. Сергей уже делать не хочет. Ведь он честный путь уже прошел и сам не раз сидел в тюрьме. Он ведь сдал свои позиции после сражения. Преступный образ его мыслей был одобряем всею Церковью. А теперь, если он сдался, то не для того, чтобы поворачивать назад и снова бороться.

Как хорошо было бы, если бы мы в этом своем последнем выводе ошиблись!

4.

Соглашению митр. Сергея с большевицкой властью необходимо вынести решительное осуждение, не говоря уже о том, что и сами христиане должны стать, прежде всего, на суд перед требованиями христианства и от последнего получить беспристрастную оценку.

Но поспешим оговориться, что это же беспристрастие выносит и прощение, в котором выражается всё наше сочувствие к немощи человека, понимание трудности его положения. Однако в прощении греха наличие греха утверждается, в прощении есть то самое, что надо простить. Поэтому простить преступление никак не значит одобрить его или сделаться соучастником его, в доказательство своего прощения еще и начать вместе с согрешившим грешить. Спасши блудницу от побоев камнями со стороны жестоких обвинителей, Сам Господь Христос говорит ей: "Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?" Она ответила: "Никто, Господи". Иисус сказал ей: "И я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши" (XIX).

Грешница не осуждена, помилована, но грех осужден. Не надо было грешить, не надо и впредь.

Какой грех совершил митр. Сергей?

Грех обновленческий, с которым Церковь так боролась.

В чем состоял этот грех?

В соглашении с большевицкой властью, которая имеет цель (открыто исповедуемую ею) - уничтожить религию.

Грех этот, таким образом, состоит в измене своим собственным целям, своей сущности, своему призванию, как религии как Церкви, грех против себя

самого, как блуд - против собственного тела.

Соглашение Христовой Церкви с безбожной властью - факт, глубоко, по сущности, безнравственный.

Не будь ранее священноисторического примера, мы бы не умели оценить его по достоинству.

Народ еврейский за свой союз с язычниками назван был блудницею, ибо изменял Богу, своему союзу с Ним.

Конечно, несмотря на тяжесть преступления, народ этот всё же остался избранныком Бога. Его женою, невестою. Жена неверна, Бог верен ей, верен народу своему, хотя бы ради того остатка верных Ему, который еще хранится в народе. Во времена всеобщей измены евреев Богу, семь тысяч из народа не преклоняло колен своих пред Ваалом.

Итак, мы не останемся без веры и утешения при всей глубине нашего падения. Но и падения нашего не скроем, не станем оправдывать его, но осудим его сами, чтобы и впредь не грешить и прощение получить.

По поводу выступления митр. Сергея обновленцы торжествовали. Затрудняюсь описать это торжество. Это был не смех, - да простится мне грубость сравнения! - а лошадиное ржание: громкое, грубое, откровенное до цинизма, необузданное веселье.

В лице митр. Сергея так называемые православные усвоили, наконец, ту форму отношения к власти, которой они, обновленцы, держались от начала; православные, наконец, "кое-чему у них научились" и "перешли из приготовительного класса в первый", как выражался по этому поводу вождь обновленчества (XX). Спешим добавить: и **презошли своих учителей-обновленцев**; последние принуждены были завести в своих храмах моление о властях только благодаря почину митр. Сергея, тогда как до него даже у них этого не было.

Обновленцы оправдались, если можно вообще оправдать свои грехи чужими грехами. Они оказались правы. Они претерпели столько позора, оплевания, народной ненависти за свое соглашение с властью, но вот те, которые боролись за независимость Церкви от власти, не кончили ли тем же, чем и они? Пройти через тюрьму и ссылку, так много пострадать и, наконец, отказаться от своего пути, найти его несостоятельными! Зачем были эти труды и страдания? Не правы ли обновленцы? Не "дальновидны" ли они?

Итак, торжествуя по поводу нашего падения, обновленцы полагали, что мы с ними сравнялись в существенном. Отказ от всяких политических убеждений или аполитичность, которой я держался от начала нашей церковной борьбы с большевицкой властью, оказалась моей фантазией, несбыточной мечтою.

"Существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти", - говоря словами митр. Сергея, - Церковь, действительно не сумела. Уж какое там спокойствие! Хотя бы не спокойно она жила, но только бы закрывшись от власти, сохраняя от нее свое внутреннее царство, и то было бы хорошо. Но вот сколько ни очищались от политики, а политической деятельности не избежали. Если ли не против большевицкой власти, то за нее, на поддержку ее должны стать.

А такая поддержка есть работа против себя, самоубийство, измена Церкви, своему долгу и призванию.

Первые обновленцы стали на службу большевицкой политике. Они же заставили Патриарха выйти из заключения и сделать какие-то услуги власти. Обновленцы вместе с большевиками обвиняли Патриарха в политических преступлениих против власти; а когда Патриарх признал себя виновным в этом перед властью, то обновленцы громкогласно объявили, что они были прараженны, полученными ими от Патриарха и всех православных. Но на обновленческий путь соглашения с властью, чтобы служить политике ее, Патриарх не встал. Он отрезка от прежней политики и вообще от всякой политики. Еще в 1919 году, через год после анафематствования большевиков, Патриарх особым посланием предложил духовенству, конечно, ради облегчения участи его в советских условиях, прекратить политическую борьбу с большевиками. Это был первый отказ его от политики. И теперь, при выходе его из тюрьмы, в моменте весьма торжественном, Патриарх повторил, в сущности, то же самое, но в форме своего личного покаяния. Дальше этого он не пошел. Никаких новых услуг власти он не сделал. Церковь хранила свою внутреннюю независимость от большевицкой власти и служить целям ее не стала. И положение Церкви было всё таким же, как и до ареста Патриарха: нелегальное, среди насилы.

Я, который по мысли Патриарха очутился от всякой политики, с каким недонованием думал в те времена об обновленцах, наших же священниках! "Отцы, отцы! Не всё ли равно вам кому служить? Православному ли Царю или кучке недождяев-безбожников? Не могут очиститься от политики. Из одних обьятий спешат в другие, готовые на все услуги! Не блуд ли это?!"

С таким сознанием нашего превосходства думали и все мы, православные христиане, об обновленцах. Но вот и наш православный иерарх пошел по стопам "мудрых" его предшественников. Эти предшественники - не Патриарх и не митр. Пётр. Последний держался духовного, неписаного завещания Патриарха - моральной стойкости против физического насилия власти.

Легализация церковного Управления на условиях союза с властью и отдачи Церкви на услуги ей, есть дело обновленцев и григорьевцев. Митрополит Сергей соблазнилися легализацией церковного Управления и с ним всей огромной Церкви, которая жила до него десять лет на нелегальном положении. Он первым в Церкви достиг "великой" цели, которой до него никто не мог достичь, хотя на глазах у этой Церкви уже получила легализацию чисто мовшенническая организация обновленцев (XXI). Но возможна ли она была для Церкви?

Если митр. Сергей - не "кабинетный мечтатель", а практик, который через соглашение с властью должен был дать законное и свободное существование Церкви и в советских условиях, то "практический" расчет его, как мы уже видели, оказался совсем не практичным. Добавим только то, что та самая мас-

са духовенства, которой митр. Сергей наиболее угодил, не миновала немзбежной участи.

Нарочно, в видах той же ликвидации религии и Церкви, власть накладывает такие налоги на духовенство, каких оно не в силах платить, и сажает его целыми партиями в тюрьму, и закрывает приходы: часть духовенства стоит с протянутой рукой около храмов (в Москве, например), прося милостыню; с других целых групп духовенства больших городов вата подписка о невыезде, чтобы, таким образом, сохранить готовые кадры для сылки на принудительные работы (XXII); духовных лиц лишают квартир, и в то же время их никто не хочет брать на квартиры из-за боязни репрессий, которые за это тотчас и следуют; им не дают хлебных карточек; их не убивают, но и жить им не позволяют. Но эти страдания, пришедшие, главным образом, после соглашения митр. Сергея с властью легли на плечи духовенства без всякого утешения, когда смысл борьбы потерян: власти всё сдано.

Так, не желавшие бороться за Церковь, усиленно избежавшие тюрьмы ее не миновали. Избегавшие сидеть в ней за Истину церковную сели за неуплату налогов. Враг неумоглим, нашим соглашением не подкуплен и смеется над нашим практическим расчетом, непрестанно готовя нам уничтожение. Нам, церковникам, и прежде, и в настоящем в удел дана тюрьма. Единственное освобождение от тюрьмы и надежный практический расчет - в переходе в безбожие, в публичном отречении от Церкви, от Христа, от Бога. И это своеобразно многие поняли, и поспешили на сей путь (XXIII). Как же иначе? Или с ними, или против них, "да" или "нет", и ничего посредине, никаких соглашений, обоюдных компромиссов, ибо враг вам ничего не уступит.

Сидение в тюрьме мы получили от врата за свою твердость и этою твердостью хранили себя в Церкви. Тюрьма была по силам, к ней уже привыкли, храни только терпение и веруй в то, что Бог выведет правду твою, как солнце. Сделай только свое дело. За центральное Управление или за Церковь, что она останется без центрального Управления, не надо было боятся, потому что Церковь уже научилась бороться и разбираться во всё, и успехи расколов были невелики. ГПУ уже действовало по трафарету, выдумки его уже стали всем понятны и не оригинальны. И в борьбе с Церковью ГПУ уже было в тупике.

В момент сдачи митр. Сергея, как полагали некоторые виднейшие архиереи, ГПУ уже не знало, что делать дальше с упорством православного епископата. В случае неудачи плана ГПУ относительно митр. Сергея у ГПУ оставалось только одно голое, ничем не смягченное и неприкрытое насилие, которое было такой же голой пропагандой против самих себя. А этого ГПУ не хотело в отношении к Церкви. И вот, у вождя Церкви ни веры, ни терпения не хватило. Почему бы ни повести ему своих людей верным путем? Пусть бы многие отреклись от его страданий, но не для того ли, чтобы увидеть потом, как он был прав?

Идя путем правды, вождь многих бы воодушевил и подкрепил, и дальней-

шие скорби дал бы возможность принять не в расслаблении, как сейчас, а в силе духа.

На вопрос митр. Сергия: "Скажите, что делать?" - был ведь определенный ответ: сидеть в тюрьме. Вот где практический расчет. Но у тех, у кого спрашивал митр. Сергий, как и у него самого, это совершенно не считалось выходом из положения, а казалось тупиком, бесконечно долгим и беспросветным. А между тем это был единственный естественный выход из положения, который подсказывала сама жизнь. Об этом говорил и Патриарх, принужденный в начале же своей свободы рассматривать выход свой из тюрьмы, как ошибку. Своей свободой не нужно было соблазняться. Свобода, конечно, была тяжелой тюрьмой.

Какая может быть свобода для верующих людей в богоборном государстве? Потому в тюрьме легче, чем на свободе, что **тюрьма (или подполье, как такомбы, нелегальное положение - всё равно) есть, вообще, нормальная форма существования Церкви в безбожном государстве**. Напрасно было думать иначе.

Настали теперь такие времена в России, что священник, пробывший всего неделю в тюрьме и вдруг освобожденный, вызывает большое смущение в народе. Почему он так быстро освобожден? Какою ценою? Неприятно всем за него. А он не меньше прихорожан смущен и путается в своих объяснениях, потому что дал подписку "честного" гражданина и в этом не смеет никому признаться. Вот какою ценою, **ценою предательства ближних покупается церковным человеком свобода в советских условиях** (XXIV).

Для сергиевского Синода смешон один из петроградских епископов, смело отделившийся в свое время от митр. Сергия и не только не арестованный за это, но и донныне пользующийся, не в пример другим, полною свободою. Он смешон сергиевцам потому, что существует на тех же условиях договора с ГПУ, на каких и их Синод, и обновленческий. "Стоило ли отород городить", - по русской поговорке. А ГПУ этим епископом демонстрирует свободу Церкви: и не признающие, мол, митр. Сергия имеют свободу. Мол, в России так: веруй, как хочешь.

Вот что такое свобода и легализация церковников в большевицком государстве. Да и может ли быть иначе? Ради каких это пользы Церкви и добродетелей духовенства будет дана им легализация? Всякая свобода или легализация Церкви в таком государстве есть и обман власти, и измена церковников своей Церкви, своему назначению. Потому-то **легализация** Православной Церкви так долго и не давалась (а мы утверждаем, что то, что может быть названо Православной Церковью в России, оставшаяся верной своей сущности, живет и по сей час на нелегальном положении), что она противостоитenna для нее. **Ее мог получить только тот, кто изменил Церкви и предал Ее в руки врага**.

Если партийная власть в России преследует цель (о которой она говорит официально в своей программе) - уничтожение религии и Церкви, то никаких

других условий, кроме тюрьмы или нелегального положения для жизни религии и Церкви в России нет. Если Церковь и верующие существуют в России до сего дня, то так, как существует в тюрьме приговоренный к смертной казни. Без преувеличения можно сказать, что уже редкий день в России для каждого оставшихся и приходов, и отдельных верующих проходит не в тревоге, не в ожидании своей духовной смерти: отнятия храма, священника, праздника, домашних святых, даже домашней молитвы. Надеться же на улучшение, на перелом отношений власти к Церкви в обратную, лучшую сторону, значит надеяться, что большевики отрекутся от самих себя, изменят своей сущности, перестанут быть большевиками. Надеться на улучшение положения Церкви, значит надеяться на падение власти большевиков.

Легализация Церкви в безбожном, богоборном государстве - несбыточная мечта. Хорошо было бы получить эту легализацию в результате обращения безбожной власти в христианство, в результате нашей победы, как это было при святом царе Константине в IV веке. А теперь - в результате чего? Не нашего ли поражения и нашего обращения? В самом деле, из какого источника вытек этот прагматизм обновленцев, григорьевцев, митр. Серафима, митр. Сергия? Это люди здравого ума, практической сметки, полагающие, что Церкви надо не умирать, а жить здесь, на земле, в этих (советских) условиях, и к ним применятся (XXV): они - враги "кабинетных мечтаний".

А не отречением ли от жизни здесь на земле приобретена именно эта жизнь? Уже не говоря о том, что иного выхода из положения, как христианского, для Церкви Христовой быть не может, христианство, конечно, оказалось и жизненным, и практическим, и разумным. Самым этим отступлением от христианства не доказана ли его правда и необходимость? Ведь всякий другой выход - нелепость.

Что же, **если в древности жили верою и побеждали, то теперь в сердца христиан закрапилось неверие в христианство, и вот оно обнаружилось. Не страшно ли сознаться в этом практическом атеизме?** (XXVI) Легализация пришла не в результате обращения неверующих в веру, а верующих - в неверие.

Они - политики, мудрецы. Для них тюрьма беспросветна, они хотят свободы религиозной в богоборном государстве! И как они осмеляны, эти практики, дальновидные, разумные люди! Поистине, они-то и есть бедные мечтатели! И кто же они? Все люди прославленного ума. В сознании этого еп. Антонин и прочие вожди обновленческого раскола не стеснялись открыто в своих посланиях в самых грубых оскорбительных выражениях позорить Патриарха как человека крайне недалекого.

Епископы Григорий и Борис - вожди другого раскола, люди признанных способностей презирали митр. Петра как совершенное ничтожество перед ними. Эти люди в сознании своих достоинств не имели сил подчиниться своим первоиерархам и прямо спорали от досады - как это не им принадлежат

власть в Церкви? - и потому поочередно потянулись к власти и поспешили получить ее из рук ГПУ, которое льстило им, как умело, чтобы только устроить расколы.

Наконец, за кем же слава первых мудрецов в современном составе епископата в России, как не за митр. Серафимом и Сергием? Появление у власти таких людей в наши времена, с одной стороны, - явление и психологически понятное, а с другой - и объяснимое только Промыслом Божиим.

Из всей этой компании церковных деятелей только митр. Сергий не домогался власти и не украл ее, но она ему вручена законно, и, видимо, для того, чтобы и законности этой дать истинные оценки и понятие, и еще раз православию народа проверить и возвысить, и добыть Богу чистый остаток, показав всем, наконец, что не мудрость чисто чеповеческая, а нравственные характеристики христианские и Богу были угодны, и Церкви нужны. Умственных и теоретических управлений у деятелей Церкви было достаточно, жизнь теперь экзаменовала сердце, нравственные устои, и оказалось, что многие люди имели действительно золотые головы, но глиняные ноги: ходить путем правды им не под силу.

Народ и понял, что сущность беззакония обновленческого, которая и сделала их неправославными, и в которой митр. Сергий с ними сравнялся, в нарушении закона нравственного, а не догматов и канонов.

После соглашения митр. Сергия с ГПУ и всех его распоряжений по Церкви, часто и всюду слышался в среде православных вопрос: "В чём же теперь наше различие с обновленцами?".

Странный вопрос. Не ясно ли, что мы храним церковные законы, а обновленцы их нарушили! захватом церковной власти, брачностью своего епископата, второбрачием вдовых клириков! Но напрасно мы пытаемся отнести мысль от главного. Народ не знает канонов, хотя как хранитель предания и противник нововведений, он - хранитель и канонов. Но не только из-за реформ обновленческих, а главным образом, по чувству нравственного отвращения, он с негодованием отверг союзников безбожной власти - обновленцев.

В тяжкое время борьбы Церкви с безбожием, когда безбожники преследовали Ее, глумились над верою народа, обновленчество явилось как предательство и по существу - тем, что заключило союз и перешло на сторону врагов Церкви: по форме деятельности - когда, взявшись очищаться от политики, занялось политическими обвинениями, оклеветанием и доносами на своих собратьев. Они предали Церковь в руки безбожников, стали в число гонителей Ее, и в то же время сохранили звание церковных людей.

Всё это есть, конечно, нравственное безобразие, вызвавшее естественное возмущение людей. Но то же вызвало и возмущение против митр. Сергия? Его союз с властью безбожников, против которого Церковь боролась, отвергая обновленчество. Самые тяжкие удары наносятся изнутри предательством. Тогда совершили его свои же священники, но самочинники, захватчики власти. Теперь же произошло худшее и тягчайшее: свой законный иерарх

предал Церковь в руки этой власти, каковых рук она так избегала... Предательство полное и совершенное, от которого ни скрыться, ни уйти...

Митрополит Сергий и его епископы отличаются от обновленцев тем, что они держатся во что бы то ни стало за каноны, их сохраняют прежде всего. Они - не нарушители канонов, как обновленцы. Но получается грубая несообразность. Когда обновленцы лгали, клеветали, обманывали, - это было плохо потому, что они неканоничны. А когда клеветает и лжет митр. Сергий, то это хорошо потому, что он каноничен. **Оказывается, каноническому всё можно. Это насмешка и над канонами, и над нравственностью и искажение их смысла.**

Наши законники разорвали с нравственностью, разорвали закон и правду, разорвали и душу человека надвое. В этом и сущность последней трагедии православного народа и церковного клира в советской России. Закон повелевает одно - следовать за законным архиереем Церкви, а советь обратное. Или с законом против правды, или с правдой против закона. Но что это за Православие у тех, кто разорвал закон и правду?

Тем, что Первоиерарх по праву законного понуждает себе подчиняться, хотя и поступает безнравственно и преступно по отношению к Церкви, не утверждает ли он этот разрыв, не ставит ли право выше нравственности и ради каких-то высших целей, как легализация его церковного Управления, не возводит ли уступки нравственности в принцип? **Что это за Православие? И Православие ли это?**

Пусть в прошлом не раз поступались нравственностью ради каких-то, по-нашему расчёту, польз Церкви и, не смотря на это, не теряли Православия. Но не доказались ли мы теперь этим путем до предательства Церкви, до полной измены Ей? Не пора остановиться и сказать, что дальше будет не только не православно христианство, но и не вера в Бога, не религия.

Обновленцы почитали каноны за ничто перед лицом настоящей пользы Церкви; они также полагали, что если прежде нарушения канонов сходили с рук безнаказанно, то теперь смело можно нарушать их и сознательно, и так пытались беззакония возвести в закон и действовали безнравственно (XXVI).

Митрополит Сергий и сергиевцы, почитав каноны за самое существование в жизни Церкви, ради пользы Церкви, также поступались нравственностью. Но **нравственность и каноны связаны неразрывно, и в гармонии того и другого - Православие.** Крайности одинаково погрешают против Истины, против Православия.

Обновленцы до безнравственности попрали каноны, сергиевцы держатся их так, что закрепляют за собой право на безнравственность. Для них безнравственность ничтоже, лишь бы канонов держаться. Те и другие в одинаковой мере попрали нравственность и нравственное чувство в себе и в церковном народе. Вот почему и подчинившиеся митр. Сергию не без борьбы и нравственного страдания подчинились, и сказать, что подвластные ему до-

вольны и создано, что идут верным и добрым путем, значит оклеветать народ наш. Тяжкая нужда, теснота отовсюду, предательство интутри сломили и поработили людей.

Митрополит Сергей чувствует суть дела, и сам не может не подчеркнуть ее, хотя и пытается извратить православное чувство народа. Он писал в своем послании: "Пояльными к советской власти могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как Истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время созавать Советский Союз нашей гражданской Родиной... Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза... изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизблемы" (XXVIII).

Так, объявляя, что теперь "наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь полярности", митр. Сергей спешит уверить свою паству, что заключение союза Церкви с безбожной властью не есть безнравственный поступок, не грех против Православия. Он отрицает словами то, что на самом деле чувствует.

Патриарх отрекся от политики, но не стал служить другой. На этом остановился. Обновленцы пошли ей на службу. За ними и митр. Сергей. Последние очутились в лагере врага своего, в числе его защитников и сторонников. Очищая от политики против большевиков, попали в политику за них; спасаясь от обвинений в контрреволюции, стали за нее, за революцию.

Враг не позволял остаться посредине, быть аполитичным. Старый союз Церкви с властью вместе с падением этой власти отпал. Но уже новый союз с новой властью заключен с условием вмешательства в новую политику, с обязательством служить ей. Ужасная логика, и только логика, без всякой правды.

Мы уже видели, что отказ от политики и всякая полярность практически бесплодны. Сколько ни очищайся от политики и как ни будь безупречен в этом смысле, обвинения в контрреволюции не избежишь.

Большевицкая ложь, в которой запутались прежде всего обновленцы и которой много послужили, заключалась в том, что будто церковники преследуются не за веру, а за контрреволюцию. Но так как большевики самой программой своей заявляют, что никакой религии не признают и с нею борются, то попробуйте доказать, что идеинной борьбе с религией не содействует физическое насилие над нею и обвинение в контрреволюции не есть просто способ борьбы с религией! (XXIX) Когда и как здесь очиститься от политики? Если ты хочешь остаться религиозным человеком, то никогда и никак. Единственное условие очищения от контрреволюции (как и спасения от турмы и всякого гонения) - отказ от религии, от веры в Бога.

Но, всё же будем политически безупречны. Пусть обвинения в контрреволюции остаются клеветой на нас, как слова - "Он запрещает давать подать

кесарю", были клеветой на Господа Иисуса Христа, велено давать ее кесарю. Только обвинением в политической неблагонадежности перед римлянами можно было бы расправиться правоверным евреям со своим религиозным врагом Иисусом, "повинным смерти" за свое "богохульство", ибо "Он назвал Себя Сыном Божиим". И мы воздадим кесарю кесарево, и только кесарево, хотя кесари часто требовали себе и Божие, как и сейчас требуют, и не приносящих жертв богам, кесаря объявляли противниками самого кесаря. Пусть будет так, а Божьею власти не отдадим и против власти не восстанем. Религия отделена от политики. Таков принцип, таков закон Божий. Против него не может быть никаких возражений, он остается в силе, раз условия наши ныне те же, что и при конце жизни Господа Иисуса Христа, и в первые века христианства.

Казалось, что это так. Но только время, жизнь, история объясняют нам Евангелие шире и полнее.

Оказывается, что древние правоверные евреи, римские воины - распинатели Христа, Нерон и Диоклетиан - гонители христиан, сравнительно с большевиками - святые люди. О них-то можно было молиться Богу словами Распятого: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают". Ведь эти власти были религиозны и христиан считали безбожной и безнравственной сектой. Если еще до Христа Помпей, войдя в Иерусалимский храм евреев, и, не найдя там ни одного идола, сказал: "это безбожники", то что могли язычники сказать о христианах? И как они ревностны были в борьбе за своих богов! Сбылось слово Христова, сказанное Им Своим последователям: "Всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу".

Сколько нужно было любви, терпения, снисходительности, осторожности, внимания, прощения со стороны христиан к таким врагам? Поистине, счастливая борьба, прекрасные враги! Ведь не было принципиального расхождения с врагом. Враг не отвергал идеи Бога, а даже, скорее, утверждал ее со всею силою, как умел. И как только свет истинного познания Божества возсиял в их очах, языческие Савлы, не говоря о еврейских, обращались в Павлов, познание Бога для них было возможно и всегда открыто.

Большевицкое безбожие сознательно отвергает идею Бога, как вредную. Если прежний, еще недавний атеист, создавая хотя бы практическую полезность идеи Бога, говорил: "если бы Бога не было, то Его надо бы было выдумать", то большевик-безбожник полагает, что если бы Бог и был, то Его надо уничтожить. Большевики рассматривают религию, как общий единый дух брошеного с ними многочленного тела (капитала). Если социалистическая идеология большевиков объединяет и двигает, то только христианская и вообще религиозная идеология также организует, объединяет, оживляет, убеждает, по-своему дисциплинирует и направляет людей.

Противоположная большевикам духовная сила только в религии. Поэтому они, ведя борьбу с религией, "борются за душу человека", чтобы отвоевать у религии это поле (XXX). И только две идеологии по-настоящему борются за

власть над душою человека, за обладание ею. Поэтому для себя большевики не отделяют религии от политики. Борьба с религией есть необходимая часть и является необходимым пунктом их программы. Только дух безбожия мог создать эту революцию, и только безбожник может строить большевистское социалистическое государство.

Не вдаваясь в дальнейшее раскрытие этого последнего положения, мы должны принять то основное, что религия целиком противна плану жизни и желаниям большевиков. Они желают, например, быть безответственными за свои преступления; им противна сама религиозная идея греха и преступления, ибо дух революции - нет грехам нет преступлений! Идею Бога они понимают и объясняют, но и отвергают во что бы то ни стало. Большевики есть прежде всего богоотступники, люди, познавшие Бога и противоставшие Ему всю силу своего сознания, разума и воли.

Власть большевистская никак не отделяет себя от безбожия. Пусть ее. Но как я отделию их?

Я, например, боролся с властью за Церковь, за веру и хотел не быть политическим врагом ее, как-то признавать ее. Это было возможно по отношению к языческим и магометанским и вообще признающим Бога властям. У язычников и магометан религия была связана с политикой и с общим строем государственной жизни, но всякая другая религия и, в частности, христианская, всегда находила среди них условия для своего существования, хотя и весьма трудные подчас.

Власть иногда не терпела иноверных и преследовала их, а то и терпела и даже просила их молиться за себя. И христиане терпели иноверную власть и отделяли политику от религии.

Но, естественно, что в государстве безбожном никаких условий существования ни для какой религии нет. Безбожие и вера в Бога взаимно исключают друг друга. Одна сторона должна вытеснить другую; вместе они не уживутся. В безбожном и богоборном государстве принципиально исключается бытие религии на земле. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Как я, верующий человек, могу признать безбожную власть? Что значит - не быть политическим врагом ее? В совместной жизни с язычниками я мог кесаря признавать, а богов кесаря отвергать. Теперь же, будучи верующим, я неизбежно, необходимо борюсь против власти, хочу ли этого или не хочу, - подталкиваю ее основы, уничтожаю дух революции, препятствую социалистическому построению государства (XXXI).

Если религия по существу контрреволюционна, то я - контрреволюционер. Моя контрреволюция есть моя борьба за веру. Если я за религию, то я органически уже против большевистской власти. И как я отделию безбожие от большевистской власти?

Если человечество впервые имеет в большевиках совершенно безбожную власть, то не есть ли это первый и единственный случай в истории, когда и для верующего человека религия неотделима от политики?

Для себя большевистская власть ни в каком случае не различает политики от безбожия (безбожие ее есть и политика, и политика ее есть безбожие), а от нас хитро требует этого различения: мы должны очищаться от политики ради того, чтобы она тем легче нас уничтожила. Вот каковы замыслы врага.

Когда власть сочиняла статью закона - "возбуждение масс на религиозной почве против советской власти", то она знала, на что восставала и спешила охранить себя законом. Она будет бороться с религией, а ты не смей защищаться, отделяй политику от религии, изгоняй политику из своих убеждений, признавай только ее права, а от своих самых священных прав отказывайся. Нет, сознательно позволять власти обманывать себя нельзя. У меня остается право - не признавать такую власть. Ибо, что значит - признавать такую власть и подчиняться ей? Не значит ли это - содействовать ей в нашем уничтожении, стать изменником и предателем своей веры? Признание по существу безбожной власти не есть ли отказ от исповедания моей веры? Если я верую в Бога, то я противник этой власти. Если же я говорю, что я не против нее, то я за нее; отрекаюсь от борьбы против нее, я поддерживаю ее и борюсь против себя, против своей веры. Чем я тогда отличаюсь от безбожника? Разве только на словах, а не на деле.

Мы пытались очиститься от политики, и вот попали в большевистские сети, дошли до измены Церкви, до предательства, до пособничества врагам в борьбе с нашей верою. Отказ от политики не только практически бесполозен, когда мы пытались приспособиться к советским условиям и спастись от обвинений в контрреволюции, но и принципиально неверен, неверен перед Богом и совестью, перед моим народом и русской историей.

Разве мы, христиане, не имеем представления о нормальной государственной власти, которая "не напрасно меч носит" и во все времена была "страшна не для добрых дел, а для злых?". А теперь не видим ли перед собою принципиального беззаконника и по происхождению, когда власть пришла насильем и обманом людей, и по способу управления, когда до нынешнего дня каждый человек в этом государстве, как лодка без руля и весел в открытом море на произволе стихии. Никто (даже часто большевик-партиец) никогда не знает, в чем он окажется виновным перед властью и за что заплатит в конце концов. Эта же власть и страшна не для злых дел, а для добрых (XXXII).

Ни одна из заповедей Закона Божия - чти Бога, храни праздник, почитай отца и мать, не убивай, не прелюбодействуй, не желай ничего чужого, - не только не оградена большевистской властью, но ею же принципиально нарушена. Сама она выступает безбожником и богохульником, управителем праздников, учителем презрения к родителям, незаконным убийцей и преступником, узаконителем и покровителем прелюбодеяния, воров и грабителей, лжесвидетелем-клеветником, хищником, вечно сжигаемым желанием все, что есть у кого-либо.

Христианство же нас освобождает от подчинения такой власти, ибо оно

указывает, что "всякая власть от Бога" и достойна подчинения, если, разумеется, она такова, какою христианство ее как нормальную, описывает. И таковыми, по существу христианскими, даже нехристианские власти и бывали.

Большевики же, безусловно, есть исключение из общего правила, и отношение к ним исключительное. В отношении к большевизской власти всякий, кто, в свое время во имя своей веры в Бога не признал ее, пострадал не за политику, а за Бога, за Христа, за Церковь. Они оправданы вполне всей дальнейшей историей отношения большевиков к верующим. Анафематствование большевиков и призыв к борьбе с ними Патриарха Тихона были правильны.

Если святой Патриарх Гермоген говорит: "Слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть", то не странно ли было для другого Патриарха терпеть в Кремле богохульное пение большевиков? Но если святитель Филлип, митрополит Московский(22), себя не пожалел и, скорбя о своем народе, поднял голос свой против беззаконий грозного Царя, то новым Московским митрополитам чужды скорби и страдания своего народа, и они не хотят быть печальниками и заступниками его, "очищаются от политики" и лгут себе, своему народу и всему миру.

Какое оправдание им отыщем? Какую новую мораль придумаем? Какие могут быть "возвышенные" мотивы для лжи этой? И могут ли быть у первоиздателя две морали: одна для себя, а другая для народа? - как мы думали оправдать, таким образом, ошибку Патриарха, когда он "для пользы Церкви" выходил из своего заклочения и, "принюся жертвы самим собою", отказывался от "политики" своей и от славы мученика, как будто есть дела выше этой славы, и мученичество не полезно для Церкви.

Пастырь и народ его связаны неразрывно. Кроме скорбей, такое ложное положение что принесло ему? Бог, желая иметь такого чистого и безупречно-го человека святым, взял его к себе вовремя, и не позволил ему нанести вреда Церкви. Так взят вовремя и архиеп. Иларион. Дальнейшие ошибки и грехи, и преступления против Церкви Бог предоставил делать тем, кто к этому был готов и ранее (XXXIII).

Только действительность митр. Сергия, доведшая "очищение от политики" до своих результатов, отрезвила меня. То, что я давно как будто бы знал, вернулось ко мне: большевизский обман и пути ложных мыслей об отделении политики от религии, в отношении к большевикам, паги. Правы были мои друзья-союзники, которые когда-то искренне желали скорейшего падения этой власти.

Не чудовишно ли для верующего желать укрепления этой власти? Если не этого желать, то о чём же молиться относительно ее? Конечно, можно было бы молиться не о гибели и уничтожении этой безбожной власти, а об обращении ее к вере. Но ведь с обращением к вере она перестанет быть властью совсем.

Потому она и большевизская, и революционная власть, что она безбожна. Безбожием своим она возникла, безбожием и держится. О чём же я могу мо-

литься, как не об уничтожении ее? Желать скорого падения этой власти и молиться об этом - мое право законное и долг мой перед Богом и перед людьми. Народ считает за кощунство моление церковное об этой власти. Власть тайно потребовала такую молитву, но только ради своего явного издевательства над этим: она ведь ни в каких молитвах не нуждается. "Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он (кто-либо) молился" (XXXIV).

Такой власти еще не было. Надо же предоставить ее самой себе, пусть останется без помощи Божией, которой она и так не желает иметь.

Итак, не желая молиться за наших властей и отвергая союз с безбожниками, я уже не подчинялся моему Первоиздатель, законному архиерею. Если он исполняет задания безбожной власти, то я не хочу их исполнять и участвовать в его грехах, наносить своей Церкви и вере удары своими руками.

Говорят, признанием этой власти вера моя не отнимается. Это самобман. Я уже изменил ей и предал ее. Как легко мы смотрим на исповедание своей веры! В том, в чём, кажется нам, мы немножко уступили, мы уступили всё, и всё, наконец, потеряем.

Митрополит Сергей всеми своими посланиями и прещенными архиереям твердит: "Что бы я ни сделал, а всё-таки я законный, не можете меня ослуживать". Законники, которые и в обnoxiousности не увидели сути преступления, а только нарушение канонов, поспешили скорее повиноваться закону. И остались с ложью и обманом, стали работать им. Они боролись за канонического, канонического их и посрамил, чтобы показать им, что не в том была сущность, в чём они ее полагали.

Народ, не подчиняясь обновленцам, не хотел подчиняться большевикам-безбожникам. Власть понимала эту политическую сущность борьбы с обновленчеством и хотела ее вскрыть. Мы боялись правды и прикрывались канонами. Пришла пора с митр. Сергием, когда нужно было говорить правду, и мы испугались ее, не порвали с властью, а сказали то, что говорили раньше: боремся только за каноны, очищаемся от политики. Ну, раз только за каноны, то и работайте на ГПУ, на большевиков. Для последних борьба с церковниками кончилась благополучно. Церковная контрреволюция, не подняв головы, сдаётся полностью на милость победителя.

Вот что ясно мне стало, наконец, и "законный", утверждающий за собой право на всякое беззаконие, стал мне не страшен. Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. "Законный" сделал то самое церковному народу, чего народ боялся, когда боролся с обновленцами: он заключил союз между Церковью и безбожниками. Это - предательство.

Мне оставался месяц до освобождения из ссылки в Зырянском крае. Долгожданное освобождение приближалось и устрасало меня. Если я должен был освободиться, то только сергиевцем. Если я не сергиевец, то или очень мало прохожу на свободе, или совсем ее не увижу, ибо имею данные, что перред самым освобождением меня испытывают и без гарантий не выпустят. Перехваченны мои противосергиевские письма.

Некоторые мои друзья, побывавшие на свободе, получили вторую ссылку в Соловки, и уже с пятилетним сроком. Но я на свободе сергиевцем быть не могу. Уже не говорю о принципах. При одной мысли, что моим бедным приходам я, появившись среди них, принесу разочарование, что они скажут: "И Михаил наш после шести лет заключения сдался, не устоял", я приходил к крайнему возбуждению моих сил и упорству на своем пути. Настроение церковного народа вообще всегда поддерживало дух, который временами и падал, и ослабевал.

Однако, хотя тюрьма, лагерь и ссылка были слишком знакомы, чтобы их много бояться, но и сидеть в заключении дальше я не соглашался. Прихода своего я не увижу, докопте властвуют большевики, и я останусь тем, что я есть; приход мой в руках сергиевских, из которых я его бесилен освободить; жена и мать умерли за годы моей разлуки с ними, унеся к Престолу Всевышнего свою тоску по мне; я имею сил и, кажется, кое-какие материалы, которые не найдут себе никакого места в России, кроме тюрьмы или могилы.

Впрочем, всё это были не доводы, чтобы бежать мне за границу: Я просто спасал душу свою, не жизнь, а душу. Препятствий к побегу из ссылки и переходу через границу никаких не было, кроме риска своей жизнью. Но я решил рискнуть и ею, ибо я человек слабый. Я боялся уступить, пасть, изменить Истине, за которую боролся.

На мои письма относительно митр. Сергия от ряда епископов и священников я получил увещания: меня все обращали в Православие, ибо я отступлю от законного. Я оказывался одиноким. Потерял почти всех старых друзей. Единомышленники есть, но где они? Они, как и я, в одиночестве - мы разброшены.

Чувство гнева и горького презрения к чеповеческой бесчестности охватило мою душу, когда я читал оправдания лжи. Всюду проникла эта ложь, всех опутала и низложила. Но когда утихает гнев, я рассуждаю: их большинство, они с законным, ты бесилен, ничего впереди, кроме одиночества и травмы от недавних самых дорогих друзей. А как же помириться с ложью и предательством?.. В таком круговороте блуждала мысль и расслабляла волю.

Зачатки новых нравственных теорий, неслыханных доселе в Православии, появились среди части епископата и духовенства России в связи с их жестоким падением. Хочется как-то оправдаться и ложь, и клевету, и трусость, и немощь или сознательную подлость, заблуждение и ошибку представить в виде тяжкой жертвы ради блага и пользы Церкви, а все скорби и страдания (особенно от проявлений презрения со стороны народа) за эти ложь и трусость считаются крестом, страдальчеством ради Христа. Не хотят вспоминать слова апостольского: ... то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? (1Пет.2, 19-20) (XXXV).

Еще в Соловках одному униатскому священнику (они называют себя ныне католиками восточного обряда) я заметил, что его голодовка в ГПУ, которую

он объявил с требованием - дать ему Евангелие, есть демонстрация, невозможная для православного чеповека по его духу. Православные люди таким обстоятельством покоряются, как воле Божией, и навязают к внутренней голодовке. Надо приобрести то, что не отнимается. Католик мне ответил: "Это не голодовка. Я объявил пост и в награду получил за это от Бога Евангелие".

Толстовская мораль. Кого же он обманывал - Бога или людей, когда объявлял голодовку? Нам, православным, совершенно чужды эти католические методы, - "подмена намерений" или "умственные оговорки". Что перед Богом, то и перед людьми. И внутри нас, и вовне да будет одно. Если митр. Сергий перед Богом имеет добрые намерения, а перед людьми скверные дела, то, во всяком случае, он не православный герой, если и не католический (XXXVI).

Но как бы мне не была чужда такая мораль, мне от увещаний моих друзей, от моего одиночества среди них было так тяжело, что при мысли - если пройдет год два, а, может быть, и меньше, и я не выдержу, паду, сдамся, стану на их путь единения с безбожниками - я решил бежать во что бы то ни стало, из этого общества, для спасения своей собственной души.

Я не пророк, а худший из православных русских священников Божиих, но понимал в те дни и переживал слова пророка, говорившего Богу: ... сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее. (ЗЦар. 19, 10) (XXXVII).

Я был не один. Я был один только в моей обстановке и бежал от нее, как слабейший из моих единомышленников, разбросанных и также одиноких, но оставшихся в России. Понимал, Господь оставил между Израильянами семь тысяч [мужей]: всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его (ЗЦар. 19-18).

Православная Церковь в России есть, осталась. Она не с митр. Сергием, как и он не с Неоу. Тихоновская патриаршая Церковь в России, как ранее, до митр. Сергия, существовала, так и ныне существует, на нелегальном положении. Она стала невелика по своему составу. Число Ее членов и нельзя твердо установить, оно колеблется, за него нельзя ручаться ни сегодня, ни завтра, ибо одни падают, отступают, не могут устоять по множеству причин, другие приходят, разочарованные путем лжи и прозревшие.

Кто вожди этой Церкви Христовой? Сколько их и где они? Мало. Считают по пальцам. Они в лагерьх, тюрьмах, ссылках и неизвестно где. У остатка верных всегда тревога за них: устоят ли эти? не сдадутся ли? не падут? не поорамтся ли надежды и на них? подкрепи их Господи! Один лишь только Бог сохранил может. У врага столько искусства в обмане и лжи, что при слабости чеповеческих сил и пасть не трудно. Ни у кого в себе уверенности нет, как бы ты поступил в положении так искушенных. Многим кажется, что скоро под напором противника все сплосшь падут, сделаются бесчестными людьми. Уж и так, как будто, нет кругом честных и твердых в христианстве людей.

Так власть сожгла, переплавляла, испытала на огне своей безбожной поли-

тики нашу Православную Российскую Церковь и создала чистый остаток. И Церковь православная и святая в России есть. Но Она уже теперь без официального представителя, без определенного места, ибо и храмов у Нее почти нигде нет, не известно и число членов. И власть уже сбросила эту Церковь со своих счетов; она опирается на бывшего официального представителя Ее и снова владеет церковно-административным аппаратом, но опять не Церковью, если еще помнить, что даже весь тот народ, который ходил в храмы митр. Сергия, ему духовно не принадлежат и со вздохом просят прощения у Бога, что ходит, ибо некуда ему больше ходить (XXXVIII).

Церковь эта Своим бытием раздражает и укоряет митр. Сергия, как и некогда она раздражала обновленцев. Она - бельмо на глазу у сергиевцев, болезнь их совести, назойливое напоминание о честном, нравственном христианском пути. Действительно, героический период для сергиевской Церкви кончился, но для Православной Церкви он продолжается с неслабевающим напряжением, что и вполне естественно для усиления борьбы с религией в России.

Верно и то, что Церковь может жить во всяких условиях, при всякой власти, но не путем соглашения каждой раз с властью и сдачи ей своих позиций, чтобы легализация ее, например, пришла через победу безбожия над христианством, а не через победу христианства над безбожием. Поэтому Церковь может жить и в торьямах, сылках и катакомбах. Православные священники тайно теперь посещают пасомых и исполняют для них церковные требы. И к ним ездят за сотни верст, когда прослышат о них.

Как прежде, когда был Патриарх, так, тем более, теперь с Православной Церковью в России не состоят в общении восточные Патриархи. Прежде они подали руку общению обновленцам (XXXIX), теперь - и обновленцам, и митр. Сергию. Для них самое важное - кого признает и с кем в общении гражданская власть.

Принужден, кстати, сказать и о том, какой тяжкий удар нанесен был Православной Церкви в России восточными Патриархами их общением с обновленцами. Даже до нынешнего дня обновленцы спекулируют их именами, афишируют свое общение с Патриархами и этим единственно сильно поддерживают свой раскол и свои беззаконные реформы. Лишись они этой поддержки, их положение было бы смертельным.

Поэтому предложение Патриархов - самими обновленцам и православным в России "примириться", когда Патриархи поддержали и продолжают поддерживать обновленцев, явных беззаконников, не только практически несбыточно, но и просто странно. Какой же возможен мир между законом и беззаконием? Если для кого здесь разница невелика, то для Православной России такой мир невысшим. Даже митр. Сергий, бывший обновленец, зная свой народ, это понимает.

Обновленцы подлежат осуждению и должны покаяться. И как горько и больно было среди издевательств и глумлений обновленцев, этих палачей

Церкви и мошеников, лишиться нравственной поддержки восточных Патриархов, пережить и их измену! Бог свидетель этой русской православной скорби, доселе ничем не смягченной. Ему одному приносим ее. Он да зачет ее для милостей Своих нами!

Если входить в общение с легальными религиозными обществами в России невозможно, то входить в общение с легализованными совершенно бессмысленно, как прежде, так и теперь, и именно потому, что они легализованы, что их признает гражданская власть. Придавать какое бы то ни было значение голосу митр. Сергия (как и обновленцев), с ним сколько-нибудь считаться, даже вообще входить с ним в беседу, отсюда просто нелепо. Это - голос из ГПУ.

Никакое слово и уст митр. Сергия без инициативы даже, а не только без цензуры и редакции ГПУ, за границу выйти не может. Нельзя делаться орудием политики ГПУ, Государственного Политического Управления большевиков. Я сам себе сейчас удивляюсь: неужели мне надо это кому-то доказывать? Если Патриарх был связан, то что же с теми, кто сдал свои позиции большевикам? Неужели не понятно? Не знаю, чем объяснить общение ограниченных церковных объединений с русскими обновленцами и сергиевцами. Будем пока думать, что всему виной - неведение, без подсчетов в разуме и совести.

Когда митр. Сергий послал свое обращение к ограниченным русским церквям с предложением - дать подписку о лояльности в отношении к большевистской власти, наши заключенные и сылковые епископы и священники задавали вопрос: "Неужели кто-нибудь клянется на эту удочку?"

И вот один архиерей отозвался, "клянуся", другой даже приехал и вел, как полагаются, и о чём нам тотчас сообщили, длинную беседу с агентом ГПУ.

"Боже мой! - говорили мы, - им-то что надо? Куда они лезут? Какая нужда? Нам не под силу. Неужели они не понимают, что митр. Сергию менее всего нужно общение с ними? Зачем затруднять человека, которому и так трудно? Своим отказом от него они бы освободили его от неприятных дальнейших обязанностей - исполнять в отношении к ним распоряжения ГПУ".

Так рассуздали мы тогда. Особенно казалось нелепым завести эту связь с ограницией, когда столько уже усилий было сделано, чтобы отделиться от этой связи. Неужели ограничные об этом не знали? А теперь под лозунгом - долгой политике из Церкви! - будете, по подобию нашему, пособниками большевиков по разрушению ваших собственных основ, способствуя распространению большевистского влияния.

Настанет момент, когда будете поставлены перед необходимостью протестовать против войны с СССР. Да еще не раз, в разных видах ГПУ испытает вашу благонадежность и потребует доказательств верности вашей "каноническому" иерарху, и вы пожнете плоды своего законничества. Готовьтесь к этому, бедные законники, фарисеи нового завета, которые в покое за законностью утеряли смысл и дух вашего призвания!

Уже здесь, за границей, я вижу "Журнал Московской Патриархии", только

что изданный митр. Сергием. Знакомое название. Еще в 1926 году митр. Сергий подавал просьбу позволить ему издавать журнал с таким названием. И вот теперь только он издан.

"Наши Достигновения!" - говорю я по-советски, глядя на этот журнал.

Значит заслуги митр. Сергия перед ГПУ велики. Через него ГПУ многого добилося, сделало свое дело. Он доказал самим делом свою верность своему начальству и за это получил такую награду.

Журнал разрешен постолуку, поскольку он никому в России не нужен и ни на кого, и ни на что, там влиять не может. Но зато он полезен для власти, как некий вид и знак религиозной свободы и независимости. В свое время мы говорили: "Зачем митр. Сергию журнал? Воображаем, что это за журнал будет при таких условиях! Только позорить себя и обманывать людей!"

И вот теперь здесь, за границей, слышу: "Вот видите! Можно же издавать религиозный журнал и в России и даже говорить в нём о способах обратного приёма отпавших в безбожие священников! Значит, и это возможно?!"

"Господи, ничего не понимаю!" - восклицаю я со сгорью сердца. Именно на вас-то, на таких, журнал и рассчитан.

Но не будем уже более распространяться о том, как далеко пошел, кого и сколько увлек на свой путь обновленческий блуд, безнравственный и пагубный для тела Церкви союз с безбожною, богоборною властью.

Безусловно, что то, что называют по официальному виду Церковью в России, есть блудница, как это ни тяжко признавать нашему русскому национальному самолюбию.

Но мы спешим заявить, что никто из посторонних, из иностранцев, не смеет свысока судить о нашей Церкви. Что с вами бы стало, если бы вас искусили таким огнем, как искусили Русскую Церковь? И не искушенные так вы сумели пасты, вступая по худшим и низшим побуждениям в союз с безбожной властью... Вам остается только каяться в своем блуде, а не судить блудницу...

Но Бог нас судит, и мы сами себя судим, прежде всего. Мы должны признать, что авторитет Русской Церкви низложен, с официальным голосом Ее из России нелзя считать. Это ли долг Русской Церкви - поддерживать советские ложь, обман, насилие, сеемье везде? Сама, подчиненная целям и задачам большевиков. Она стремится подчинить им и других. Несчастная участница в мировой лжи большевильской власти! Она потакает злодеям, поддерживает их руки, не говорит правды, лжет, путает умы и запутала их немало в большевильские сети. Ей ли содействовать большевильскому оболыщению? На-ша ли Церковь должна держать у себя и за рубежом волю христиан в рас-слаблении перед лицом врата-богоненавистника? Не она ли подкашивает мо-ральные силы у всех, и не она ли могла бы их поддерживать?

Нам надо выпить до дна еще одну горькую чашу - в сознании нашего по-ражения и на церковном фронте. Христова войско, всю жизнь готовившееся к войне, потепело поражение, паго в борьбе. Моральных, духовных сил до-

статочно не оказалось, чтобы выдержать натиск врага. Силы эти низложены, позиции сданы, главнокомандующий с прочим командным составом сдались в плен. И положение этих пленных известно.

Когда ближайшего сотрудника митр. Сергия мои знакомые спросили, како-во их положение вообще, он ответил: "Уперлись в стенку лбом..."

Иначе быть не может. Чего ожидать впереди, кроме уничтожения? Какие просветы, какая деятельность? Никаких.

Вот последняя и точная характеристика положения так называемого Патриаршето Синода, возглавляющего будто бы Православную Церковь в России, характеристика, исходящая из кабинета митр. Сергия. Там идет сложная работа. В последние дни ГПУ вместе с митр. Сергием делило Россию на епархии, согласно с новым административным делением государства на округа и районы. Нелзя же окружных и районных чеккистов отделить от епархиальных и викарных архиереев.

Не знаем, сколько еще митр. Сергием продепано будет опытов очищения Церкви своей и зарубежной от политики и сколько еще приведено будет им доказательств, что Церковь не против безбожной власти, прежде чем больше-вильская власть, использовав Церковь в своих целях. Ее уничтожит(Хл.).

Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее; (Мф. 16, 18). Да, Все-ленской Церкви. Поместные же Церкви умирали, пережив славные и счастли-вые дни своего расцвета, дав для Царства Божия достаточно членов, оставив для Вселенской Церкви огромное духовное богатство.

И теперь, если отношение всего мира к большевикам останется таким, ка-ково оно сейчас есть, и если, вообще, всё будет в мире продолжаться в таком духе, как сейчас, без изменения к лучшему, и если, главное, Бог нас оставил совсем, то в исчезновении целой Поместной Церкви, составляющей девятно-сто процентов всего православного мира, сомневаться нелзя.

Самый широкий и возможно полный и беспристрастный анализ современ-ного религиозно-нравственного состояния нашей страны и методов антирели-гиозной работы большевиков подтвердил бы этот вывод. Признаться, не гово-рить о том, что здесь, за границей, так любят слушать (о завтрашнем падении большевиков, о религиозно-нравственном подъеме России), а говорить то, что есть горькая правда, видит Бог, так трудно. Еле-еле хранишь независи-мость своих взглядов от новых влияний.

Надо же помнить, что верующие и вообще старой закваски люди просто вымирают, а средний возраст сильно ассимилировался, и потому менее чем через десять лет Россия по-своему людскому составу будет совсем "новая". Я хочу сказать, что положение Русской Церкви катастрофическое. Оно гораздо печальнее, чем здесь думают.

Писать о пытках и муках тамошних умирающих верующих - отдельная за-дача.

Но говорю это не для того, чтобы отнять всякую надежду. Напротив. Все обстоятельства складываются так, что опорю нашу не остается ничего на

белом свете, кроме одного Бога. Это-то и знаменует наступление благоприятного кризиса. Только такая глубокая бездонная пучина нищеты нашей будет и началом нашего восстания. Блажен, кто не теряет веры до конца в безысходных обстоятельствах - он получит выход из них.

Пусть враги веры нашей, глядя на нас, покидают головами своими, полагая лишний раз, что они правы и что не сегодня-завтра мы сделаемся их плещо, и они проглотят нас. Пусть слабые отрекаются от своей веры Православной и даже национальности. Пусть даже Вселенское Православие заколебалось. Мы не боимся за Истину. Бог не оставил нас.

Не для утешения своих это говорим, а ради Истины. В самом деле, для кого же сейчас не очевидно, что решение всех вопросов жизни происходит и произойдет в России. Там произошла переоценка всех ценностей. И там, на почве святого апостольского Православия просмотрены и пережиты проблемы огромной важности.

И вопросы политические, экономические, бытовые, нравственные, канонические, даже догматические (прошедшие через огонь полемики с безбожием и полувившие, часто, новое разумное обоснование и раскрытие) находят уже свое гармоничное сочетание в христианстве православном. Я утверждаю это, ибо я был в этой лаборатории, где происходит такая работа. Ведь Православие в своей истории никогда не решало вопросы одним умом и не сочиняло теории, оно жило вместе с жизнью и только борьбою и страданием решало вопросы жизни.

Россия оплотом Вселенского Православия была и останется. Пусть налицо - падение. Бог отдал Церковь Свою в руки своего же врага. Значит, падение нужно. Пусть раскроются недостатки, чтобы утвердился, уяснился, оправдался путь Истины. Каким бы путем мы ни пошли, мы докажем и раскроем только Истину. Это мы знаем твердо. Конечно, оправдать путь лжи этим кощунным торжеством Истины мы не можем. Так и Иуда скажет, что он предательством содействовал искуплению. Нет, кто разумел делать добро и не делал, тому грех (XLI).

Бог же Свое строит - по русской пословице - и что бы ни делали люди, Он строит добро всегда. Поколебалось Православие, чтобы утвердиться. После поражения подготавливается победа. Вскрылись все недостатки и пороки. Выблегли всеми болезнями. Имено основание сказать: что бы ни было далее с нашим народом, Истина Православия уже утверждена им; все, что уже сделано им, не останется бесследным, бесплодным или невыясненным. Православие и сохранилось, и созреет, и достигнет своих вершин.

Если чаша русской церковной скорби и здесь, заграницей, еще не допита до дна, как пьют ее в России, где почти каждый часто думает об окончателю-ной своей духовной гибели, то всё же не будем страшиться ее и увивать. Господь помилует нас, поддержит, подкрепит.

Богу угодно только одно, чтобы мы поняли волю Его, чего Он хочет от нас во всех этих обстоятельствах. Как только это понимание придет, придут и по-

беда, и избавление. Это так хорошо известно личному опыту каждого верующего!

Что нужно здесь, прежде всего, перед лицом такого врага, и что нужно там, какими миссионерами и святыми людьми мы должны явиться туда, - когда поймем это и сделаем, что нужно, то и будем готовы, принять новый великий дар Божией любви к нам. Примечания о. Михаила.

I. Святой Патриарх Гермоген был заморен поляками голодной смертью в тюрьме в 1612 г. за то, что противился власти католиков над Россией и возбуждал к тому же народ.

II. Журнал "Молодая Гвардия", № 7-8, 1923 г., статья Бонч-Бруевича. Цитирую по памяти.

III. 24 апреля старого стиля 1922 года. Еще раз он потом служил у себя на Троицком подворье е.

IV. Имя Е. А. Тучкова мне противно часто упоминать на этих страницах.

V. Архиепископ Иларийон - vicарий Московский, временно управляющий Московской епархией, магистр богословия, автор нескольких ученых богословских работ, профессор Московской Духовной Академии до дня ее закрытия большевиками и бывший ее инспектор, и временный ректор. Молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный человек, прекрасными церковными проповедник - оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый человек: везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остался в памяти у всех, кто встречался с ним. За годы совместного заключения мы все стали свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Умер 15/28 декабря 1929 г. в Петроградской тюрьме на пути из Соловецкого лагеря в Туркестанскую ссылку.

VI. В это время ЧК уже переименовалось в ГПУ.

VII. Я и это и предполагал, и записка об этом осталась у одного из епископов. Если бы такие взгляды разделялись, то о них, по крайней мере, хотя бы оведомляли Первоиерарха. Но этого не было.

VIII. К примеру сказать, я должен был крепко помнить, что хотя за побег изпод стражи полагается по закону два года заключения, но практикуется постоянно расстрел, и меня за побег с места ссылки, в случае помилки, он и ожидал. Впрочем, бывали случаи, что власть во что бы то ни стало "исполняла" свой закон. Один батюшка имел 69 лет от роду, но так как по советскому закону на лиц, достигших 60 лет, никакие наказания не налагаются, то ГПУ поставило батюшке в его "депе" 59 лет и отправило его на Соловки. На 71-ом году жизни батюшка оттуда и освобождился благополучно.

IX. Самих не арестовывали, позволяли немного кое-что печатать, иметь кое-какие учебные заведения. Правда, ненависть большинства населения к обновленцам обеспечивала от усиления их религиозного влияния, и свободы им можно было давать без особого риска. Им дозволена была и такая рос-

кошь, как развездное миссионерство, и то на время некоторые, причём и им быстро урезывали крылья, как только замечали их влияние на массы.

X. См. И. Степанов. "О Живой Церкви" и "Методы антирелигиозной пропаганды". Цитирую по памяти.

XI. Что касается нового стиля, то он и сам полагал, что введение его есть такое же простое дело, как и перевод часовой стрелки. Не знаю, чтобы кто-либо из епископов был сторонником его взгляда.

XII. Вот поистине, не пришлось мне пожалеть, что мой проект не был принят и не пошел из рук моих к нашему Первоиерарху. А когда я увидел после, что из сторонников "соловецкого послания" ни один не остался ему верен, но все, начиная с автора его, подчинились митр. Сергию, то получил, грешный, и полное удовлетворение своему погранному самолюбию.

XIII. См. "Послание временного Патриаршего Синода" от 16/29 июля 1927 г.

XIV. Хотя мне очень бы хотелось обо всём, что касается заграницы, рассказать в отдельном очерке, но и сейчас не смею скрыть факта (о котором упомянуто мною в 1-й части этого очерка), что дело касалось восстановления на кафедре Северо-Американской митр. Платона, который был лишен ее по настоянию ГПУ, и - при скандальных обстоятельствах обнаружения бесстыдной чекистской деятельности митр. Серафима, - был восстановлен на этой кафедре. В этом - яркий пример, как Патриарх на деле (хотя на словах было у него иначе) боролся за независимость Церкви от ГПУ и не желал даже заградить в чем-либо стеснять(23). Стоит ли это, последнее доказывать? Но отсюда и вообще вывод: стоит ли здесь, заграницей, останавливаться только на одних формальных основаниях, бумажках и приказах из России, и стараться не понимать правды, сути дела? Но если Патриарх не без борьбы с ГПУ оставил в силе свое постановление о восстановлении митр. Платона на его кафедре, то, конечно, не для того, чтобы последний, в конце концов, обьявил автокефалию (24). Белорусская автокефалия, провозглашенная в самой России и поддерживаемая ГПУ, так и не нашла признания Патриарха и ее "митрополит" вынужден был во имя церковной дисциплины снять с себя свои незаконные должности(25). Любовь к почившему Патриарху, любовь к истине и мужество, которое сопровождает любовь, надеюсь, приведет митр. Платона на дело исправления своей ошибки.

XV. Центральное ГПУ находится в Москве на Лубянской площади.

XVI. Приход мой (церковь св. ап. Петра и Павла, что у Преображенской заставы в Москве) роптал, не давал покоя моим сослуживцам и забросал меня письмами в Зырянский край, желая знать мое отношение к митр. Сергию. Мое положение было до крайности грустное. Если бы я был дома, то противоположно бы приход митр. Сергия, постирал бы за это сам: мои сослуживцы опять бы остались в покое. А теперь, что другое я мог посоветовать, как только какому в отделимости прихожанину отойти от общения с митр. Сергием. Но знаю, что это будет многим не по силам ввиду оставления своего храма, порекомендовал это некоторым, сильнейшим, да и то не сразу, а убедившись в

твердости их духа.

XVII. В Тверской губернии, при закрытии одного храма, народ собрался и зашумел. Священник взялся успокаивать. Ему кричали, что и он пособник власти. На процессе священника обвинили в возбуждении масс против власти и расстреляли, а прочих помиловали. В Воронежской губернии священника арестовали за неуплату непосильного налога. К зданию сельского управления собралась толпа крестьян с протестом против его ареста. Одна женщина бросила камень в окно управления. На суде женщину и прочих обвиняемых оправдали, а священника за возбуждение масс против власти приговорили к смерти и расстреляли. Власть без конца льстит народу и всякую его вину против себя сваливает на головы тех, кого боится и ненавидит.

XVIII. Однажды в журнале "Красный огонек" появилась фотография с объявления, вывешенного будто бы на дверях канцелярии Патриарха, в котором посетителям предлагается не вести в приемной контрольно-революционных разговоров. Подпись - архиеп. Илариона. Уже не говоря о том, что такого объявления совсем не было, но даже подпись архиеп. Илариона, к его удивлению, была сделана без всякого сходства с его почерком. Но последнее для ГПУ не важно. Кто там будет сверять подписи в таком пустяке?! Лишь бы дискредитировать архиеп. Илариона, заправляющего делами Патриарха. И действительного, кому из читателей распространяемого журнала и почитателем архиеп. Илариона не стало бы стыдно за него, узнав такой факт?!

В свое время постановление благочинных Московской епархии гласило, что признание обновленческого управления считается необходимостью момента: в газетах было напечатано - "канонической необходимостью". Если в подлинной резолюции была подчеркнута вынужденность признания, то в подлоге это вышло совсем иначе. С полной уверенностью можно сказать, что в день смерти своей Патриарх не подписывал своего "завещания", как это обозначено датой на нём.

XIX. Ин. гл., 8, 3-11.

XX. См. речь А. Введенского в одном из номеров "Вестника" обновленческого синода за 1927 год. Цитирую по памяти.

Александр Введенский - вождь обновленчества. В свое время, окончив Петербургский университет, стал священником. Удачно вел полемические дискуссии с безбожниками в Петрограде и был популярен. Такая роль велла его к тюрьме. Однажды, в разговоре с митр. Петроградским Вениамином, когда последний говорил, что он каждый день готов к аресту, Введенский признался, что он не может без ужаса подумывать о своем возможном аресте и тюрьме. Некто, священник Белков, ныне снявший рясу активный безбожник, свел Введенского с ЧК и они договорились. Введенский (вместе с Белковым, Калининским и Красницким) взялся за дело возглавления Церкви вместо заключенного Патриарха. Будучи лишенным сана за это своими Митрополитом, который так долго его пестовал как дорогого сына, Введенский подвинул дело ареста Митрополита, каковой арест кончился судом и смертной казнью последнего.

Введенский умен, много знает, говорит красиво, но напыщенно, с деланным пафосом; в богослужении - отвратительный фальсификатор религиозного чувства, скверный актер, истерик, пошляк; более омерзительного кощунства над святынею трудно представить: он ломается, кричит, позирует без конца. Вообще человек с ярко подчеркнутым тщеславием во всем своем облике. Будучи, можно сказать, заслуженным сотрудником ГПУ (в свое время он и жил в доме ГПУ, на Шлагерной, и пользовался столовой его сотрудников), он живет свободно во всех смыслах. У обновленцев он - всё, хотя и не является официальным представителем их Управления. Его боится, перед ним заискивают. Он - женатый священник в сане "митрополита" без кафедры, по какому случаю архиеп. Иларион его называл "митрополитом Содомским и Гоморрским". Вполне точная характеристика.

XXI. Нужно заметить, обновленцы пережили два периода отношений с ГПУ. Первый - когда все уполномоченные обновленцев на местах дали подписку просто "честного" гражданина. Второй - когда затребована была от всех вторая подписка: обязательство исполнять все распоряжения ГПУ. Последнее привело обновленцев в замешательство: многие побоялись сделаться настоящими сотрудниками ГПУ, чтобы не пришлось выполнять всех заданий его по разрушению Церкви. Но мне лично известен всего один случай отказа дать вторую подписку. Этот обновленец, конечно, сел в тюрьму. Так ГПУ проверило свои ряды. Договор митр. Сергия с ГПУ прямо возводит митр. Сергия во вторую "высшую" стадию его отношений с ГПУ. На обновленцах ГПУ проделало только грубые опыты, с митр. Сергием проявило уже большое искусство.

XXII. Монашествующие обоех полов после массовых арестов уже почти поголовно отправлены в места ссылки и принудительных работ.

XXIII. Таковые избежали только тюрьмы и повседневного глумления власти над собою. Но то, что они суть "бывшие" "служители религиозного культа", явилось несмысленным пятном. Их лишают работы и вместе с нею куска хлеба. Преимущество везде - незапятнанным ничем в прошлом пролетариям.

XXIV. Число павших таким образом священнослужителей чрезвычайно велико. Из всех сколько-нибудь знакомых мне городов Севера и Юга России не знаю ни одного, где бы ни было батюшки, своего человека для ГПУ. Роль их почти у всех на глазах. Даже в селах многие батюшки роли этой не избежали. XXV. Об осуществлении царства Божия на земле обновленцы разводили в своих журналах целые теории. Но у них-то и были очевидны и омерзительный страх тюрьмы, и забота о спасении собственной шкуры. В этом-то и был корень искания условий для жизни Церкви в безбожном государстве. Сами искали хотели и веру сохранить, и с безбожными гонителями веры поладить так, чтобы за свою веру не пострадать. Вспомним психологию А. Введенского перед перспективою ареста. Это характерно для всего личного состава обновленчества, который вербовался страхом насилия властей.

XXVI. Кто будет сомневаться в теоретической силе убеждений вождей Церкви христианской? Они у них в любой момент на кончике языка.

XXVII. Почитайте их литературу и убедитесь, как они доказывают "нравственность" своей безнравственности: самочинный захват власти, право на реформы, союз с безбожниками.

XXVIII. См. Послание от 16/29июля 1927 г.

XXIX. О том, что именно так, что "комбинация средств" насилия и пропаганды у большевиков теоретически обоснована, как и самые провокация, ложь, обман, применяемые ГПУ в отношении к Церковному Управлению, есть только частное приложение теоретически обоснованного общего метода, что суть официальной большевизской философии, диалектического материализма, понимается как - "нет ничего святого", что большевизская власть бесчестна, бессовестна, абсолютно аморальна не как-то случайно, а принципиально, о том, наконец, кого мы вообще в лице большевиков имеем перед собою во всем вооружении, надо бы рассказать отдельно, ибо это имеет прямое и существенное отношение и к настоящей теме.

XXX. Буквальное выражение А. В. Дунчаевского в одной из напечатанных его антирелигиозных лекций, заголовок которой не помню.

XXXI. Разве всякий религиозный человек в советской России не есть, на самом деле контрреволюционер и по своим взглядам вообще и по отношению своему к новому экономическому строю: пятидневке, колллективу, лишашащему его праздника и молитвы? Власть и новая советская общественность презирают его. Верующие во всех учрежденных и службах, и работах рассматриваются как политически неблагонадежные.

XXXII. Если управляет марксистская теория и социалистический идеал, то это и понятно, потому что владеет этими теорией и идеалом и управляет страшно "тонкий слой старых большевиков" (по выражению Ленина), а остальные не знают, чем они являются или окажутся в осуществлении этой теории. Всё нравственно и хорошо, что осуществляет эту теорию. Эта теория и вырабатывает в России "новых людей", "сверхчеловеков", живущих "по ту сторону добра и зла", для которых "нет ничего святого". Общечеловеческая мораль и сама природа человека перевернуты вверх дном и этой теорией и большевизской практикой.

Предвосхищаю другую тему.

XXXIII. Митрополит Сергий чрезвычайно легко переходил в свое время в обновленчество. Так же легко и просто, сняв клобук и мантию, он публично казался в этом перед Патриархом. Теперь он - сотрудник ГПУ. Завтра, будь на то возможность, он легко и просто покажется бы и перед заграничными иерархами всех направлений за причиненные неприятности. Эластичный человек, всегда удобный, бывший бесценный член Святейшего Синода, в отношении к обер-прокурору типа - "чего изволите". Его первоначальный честный путь в борьбе с ГПУ за Церковь есть невольное движение по линии, данной Патриархом и митр. Петром, пока, наконец, он не стал опять самим собой. 1

XXXIV. Ин. 5, 16.

XXXV. 1Петр. 2, 20.

XXXXVI. Я слышал, что будто в католической печати митр. Сергию распыляют похвалы. Не имел возможности этого проверить. Но если так, то тем более я прав в этой оценке.

XXXVII. ЦДар. 19: 1 0, 14.

XXXVIII. Должен сказать, что признание митр. Сергия выгляделось частью и в такие формы. Священники находят возможным получать от него и его епископов назначение в места, но поминование имени митр. Сергия за богослужением, а также и властей, считают принципиально недопустимым и поминают имя одного митр. Петра. Митрополит Сергий для них только администратор, архиерея они в нём не видят. И эта позиция, конечно, - рискованная.

XXXIX. За исключением Антиохийского.

XI. Использовать даже врага своего в своих целях и потом его уничтожить - общий метод большевиков, широко применяемый ими всегда и везде.

XII. Иак. 4, 17. Комментарий редакции.

* Отец Михаил /Польский/ родился 6 ноября 1891 г. в Новотроицкой станции Кубанской обл., окончил Ставропольскую духовную семинарию (1914), где получил подготовку к миссионерской деятельности и еще до получения священства был назначен уездным противосектантским миссионером Ставропольской епархии (1918). В 1920 году рукоположен в священника и назначен клириком Петропавловской церкви у Преображенской заставы в Москве. Во время своего служения в Москве часто сослужил Патриарху Тихону, находясь с ним в близких отношениях. В 1921 г. поступил в Московскую Духовную Академию. В 1923 г. арестован и после торжественного заключения был сослан в Соловецкий лагерь. После пребывания в лагере "принудительных работ" в Спасо-Преображенском Соловецком монастыре (1923-1926) был сослан в Усть-Сысольск (Зырянский край), откуда ему удалось бежать в Персию (1930), а затем пробраться в Иерусалим. Там он состоял при Русской Духовной Миссии в Св. Земле, под эгидой которой и было осуществлено первое издание настоящей книги, названной противниками РПЦ(З) "режим памфлетом против церковной политики митр. Сергия" (Троицкий С. В. "О неправде Карловацкого раскола". Paris, 1960, стр. 3). Назначен настоятелем общины РПЦ(З) в Бейруте (1934). Был участником II Всезарубежного Церковного Собора 1938 г., причем сделанный им доклад "О духовном состоянии Русского народа под властью безбожников" был издан отдельно в Собранных Дяньях (Белград, 1938). В 1938 г. из. подмандатной Великобритании, Палестины о. Михаил /Польский/ перебрался в Лондон, где служил настоятелем Синодального прихода, откуда в 1948 г. - в Северо-Американские Соединенные Штаты, в г. Сан-Франциско. В 1949 г. - протопресвитер, скончался в 1960 г..

Дялается автором трудов:

Положение Церкви в Советской России. Иерусалим, 1931. 122 с..

О духовном состоянии русского народа под властью большевизма. Белград, 1938.

Новые мученики Российские. Джорданвилль: Т. 1. 1943. 287 с.; Т. II. 1957.

319 с. (Сокращенное английское издание The new martyrs of Russia. Montreal, 1972. 137 p.).

Современное положение Православной Церкви. 1946. 34 с..

Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. 194 с..

Очерк положения Русского экзархата Вселенской юрисдикции. Нью-Йорк, 1952. 31 с..

Американская митрополия и дело Лос-Анжелесского прихода. Джорданвилль, 1952.

В защиту православной веры от сектантов. Джорданвилль, 1950. 12 с..

** Первоисточник: Священник Михаил. "Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника". Иерусалим 1931г.. Нами взято из переиздания: С.-Пб. 1995 г..

Римскими цифрами (I, II, III ...) указаны примечания автора (Михаила Польского).

Арабскими (1, 2, 3...) - примечания редакции изд. "Параклит".

Все выделения жирным в тексте сделаны редакцией изд. "Параклит".

1. Тихон /Белавин/, Патриарх Московский и всяя России (1865 г.р.) - новомученик и исповедник. Единнадцатый и последний Патриарх Всероссийский. По доносам "обновленцев" страдал бесчисленные мученики и исповедники. Быть верным Патриарху, илги, как стали называть его верных чад - "тихонцевем", стало равносильно признанию человека контрреволюционером. Жестокое гонение не прекращалось в течение всего остатка жизни Патриарха.

В 1918 г. наложил анафему на всех тех, кто войдет в тесное сотрудничество с боготорцами, принятую Всероссийским Поместным Собором 1918 г.. В 1920 г. издал Указ №362, на основании которого строилась жизнь всей Католической Церкви, таким образом заложив фундамент Католического движения в России. Незадолго до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, повидимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем - уход в "катакомбы". Поэтому, Патр. Тихон благословил профессору М. А. Жижигленко (о нем см. на нашем сайте: "Новосвященномученик Максим, епископ Серпуховский") принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем Высшая Церковная иерархия изменит Христу и уступит Советской власти духовную свободу Церкви - стать епископом. 7 апреля 1925 г. Святейший Патриарх Тихон почил о Господе. Имеются сведения, что он был отравлен.

П. С. Нынешняя Московская Патриархия представляет опубликованный после его кончины документ, называемый ею его "завещанием", как подлинное изъятие его воли. Но это не так. Ныне не подлежит сомнению подлинность этого документа, на самом деле составленного, вероятно, Тучковым, который вёл тогда советскую церковную политику.

Патриарха Тихона хотели сделать таким же послушным рабом, каким стал

впоследствии митр. Сергей, но он не спомогся. Поэтому народное церковное сознание и прославляло его как новомученика и исповедника Истинно-Православной Церкви.

2. 25 апреля/8 мая 1923 г. министр иностранных дел Великобритании маркиз Дж. Н. Керзон направил советскому правительству меморандум в котором, в целях пресечения религиозных преследований, считал возможным вмешательство во "внутренние дела большевиков".

3. 29 апреля/12 мая 1922 г., за неделю до заключения под стражу, к привлеченному к суду в качестве обвиняемого Патриарху Тихону (Беллавиному) в его резиденцию на Троицком подворье в Москве явилась "инициативная группа прогрессивного духовенства" в составе прот. Александра Введенского, священ. Александра Боярского, Евгения Белкова и псаломщика С. Стадника в сопровождении двоих агентов ГПУ, поведшая разговор о добровольном удалении Патриарха от возглавления Российской Церкви. Святейший Тихон, заявив, что он всегда смотрел на патриаршество, как на тяжкий крест, отвечал, что лишь Собор может освободить его от такового послушания, а ныне, чувствуя скорый арест, он объявил о передаче Высшей Церковной Власти старейшему иерарху - митр. Ярославскому Агафангелу /Преображенскому/. "Инициативная группа" т. о. ушла ни с чем, однако 30 апреля/13 мая 1922 г. "прогрессивное духовенство" в лице запрещенного еп. Антонина /Грановского/, священ. С. Калининского, И. Борисова, Вл. Быкова (Москва); прот. Александра Введенского, священ. Евгения Белкова, псаломщика С. Стадника (Петроград); прот. Русанова и Ледовского (Саратов) выступила с воззванием ("Декларацией") к верующим сынам Православной Церкви России, выдержанным в совершенно просоветском духе.

2/15 мая 1922 г. эту же группу "прогрессивного духовенства" принял председатель ВЦИК М. Калинин, по согласованию с которым были предприняты дальнейшие действия к самочинному захвату церковной власти. На следующий день "инициативная группа прогрессивного духовенства", именующая себя уже "Живую Церковью", письменно уведомляет Калинина о создании "Высшего Церковного Управления", "виду устранения Патриархом Тихоном себя от власти" (!) принимающего на себя ведение всех церковных дел в России. В состав ВЦУ вошли те же: прот. Александр Введенский, священ. С. Калининский, Евгений Белков и псаломщик С. Стадник. Первым деянием ВЦУ и иных известных уже представителей "прогрессивного духовенства" стало обращение от 4/17 мая 1922 г. к Калинину о помиловании всех приговоренных к расстрелу московских священников. (Возымело ли это какой-либо положительный отклик - осталось неизвестным.)

За день до заключения под стражу Патриарха вновь посетили священники - члены ВЦУ, испрашивая благословения на создание такого органа, дабы до вступления в должность Патриаршего Заместителя, митр. Агафангела Российской Церкви не оставалась бы в состоянии безначалия. Своєю резолюцией на их прошении Патриарх поручил прот. Введенскому, священ. Белкову и

Калиновскому осуществить передачу всех дел по церковному управлению митр. Агафангелу /Преображенскому/. Наследующий день патр. Тихон был посажен под домашний арест в покоях Донского монастыря, а ВЦУ помещен в патриаршей резиденции на Троицком подворье.

Не может быть церковного управления без архиерея. И ВЦУ находит такового в лице запрещенного Патриархом в 1921 г. в связи с вводными им новшествами в богослужебной практике еп. Антонина /Грановского/, проживавшего в московском Заиконоспасском монастыре и живо откликнувшегося на приглашение обновленцев.

На первой встрече представителей ВЦУ с московским духовенством Хамовнического района 10/23 мая 1922 г. обновленцы потерпели провал.

Решительно осудил обновленчество и 15/28 мая 1922 г. наложил запрет на своих клириков Введенского и Белкова митр. Петроградский и Гдовский Вениамин /Казанский/ - будущий св. Новомученик. Но после его ареста вступивший в управление Петроградской епархией еп. Ямбургский Алексей /Симанский/ - будущий второй "советский" патриарх - признал каноничность ВЦУ и уже 23 мая/5 июня 1922 г. снял запрещение с обновленцев, которое, впрочем, было вновь подтверждено Митрополитом-мучеником из большевизского застенка.

А уже 3/16 июня 1922 г. трое высших иерархов Российской Православной Церкви: митр. Владимирский и Шуйский Сергей /Старгородский/ - будущий "советский" патриарх; архиеп. Нижегородский и Арзамасский Евдоким /Мещерский/; архиеп. Костромской и Галичский Серафим /Мещеряков/ и случайно оказавшийся в Н. Новгороде еп. Васильсурский Макарий /Знаменский/ выступили с воззванием ("Декларацией") о признании каноничности самочинного обновленческого ВЦУ.

Таким образом начался организованный большевиками т. н. "обновленческий раскол" Российской Православной Церкви, формально прекративший свое существование лишь в середине 1940-х годов, но фактически послуживший началом новообновленческого раскола - современной Московской патриархии.

Вот как это описывает катакомбный еп. А. (см. "Письма катакомбного еп. А. к Ф. М."): "Как же это случилось, что под вывеской "Московской патриархии" начали свою деятельность обновленческие первоиерархи и обновленческий синод? Внутреннее переобразование сергианства в обновленчество произошло давно. А внешне это случилось так. В конце 1943 г. и начале 1944 г. обновленцы всякого ранга и чина, поучая у себя в душе внезапно прилив покаяния, лавиной устремились в "Московскую патриархию" принести исповеди своих грехопадений. Там они сотворили перед такими же клириками, как и они сами, призрачность покаяния. Там они были приняты с восторгами и объятиями, конечно, искусственными. Оттуда они возвратились на прежние свои должности с мандатами "Московской патриархии" и начали всех убеждать в своем "архиправославии". Теперь они уже были не презренными раскольниками, от

которых все отворачивались, а служителями "Московской патриархии", сущность которой еще многие верующие не уяснили себе.

Всего труднее объяснить внезапное поголовное покаяние обновленцев перед "Московской патриархией". Позыв к такому покаянию сразу обьял всех живоцерковников - от последнего диакона до "первоиерарха" Виталия. Каплись все сразу, а не пожелавший каяться известный Александр Введенский - ксати и своевременно скончался.

Обьяснить это явление, можно только зная происхождение обновленческого вероисповедания. Оно не мудро и не глубоко и часто выражается в двух словах: "что прикажете". Враг, ведущий с Церковью Христовой ожесточенную борьбу, по каким-то обстоятельствам вновь изменил свою стратегию и методы этой борьбы. В теперешних планах врагов церковных, обновленцы будут использованы уже не в качестве церковных революционеров, а как самые строгие православные священнослужители, отрастившие себе бороды и со-вершающие "строиные чинопоследования". Ведь, чтобы по приказу каяться, нужно совершенно вырвать из души всякого рода убеждения и верования. Это могут делать такие только люди, у которых совесть сожжена или очень покладиста. Такое явление - как безудержное, мгновенное, поголовное покаяние перед своими вчерашними самими лютыми врагами - дает нам право утверждать, что в лице обновленчества мы не встречаемся с заблуждениями церковно-канонического и нравственного характера. Мы видим ясно, что обновленчество было весьма грубой подделкой церковности. Грубость этой подделки и погубила их, но сами обновленцы все же были ценны для демонских замыслов. Поэтому они были направлены, как теперь выражаются, на другую работу. Но мы, православные, должны распознавать их маски и личности, должны потому, что подделка церковные враг производит все более хитрые и тонкие, желая уловить ими даже "избранных".

Мы должны знать, что обновленцы как угодно могут менять свой внешний вид. Они вообще, как и их хозяева, демоны, любят очень маскарад. Прикажут свыше таким "священнослужителям" обриться и остричься - будут сразу все стриженные. Прикажут им свыше бороды отрастить - сразу появятся бороды. Прикажут, как теперь приказывают им, иконописный благообразный вид принять - будут стараться исполнить приказ. Прикажут, как ныне приказывают, строгие и стройные чинопоследования совершать - будут совершать и совершат. Прикажут в союз воинствующих безбожников вписаться - немедленно впишутся. Ныне они за теорию Дарвина о происхождении человека, а завтра - могут выступить против нее, если, конечно, прикажут. Ныне они в своих речах поносят монашество, а завтра - подстригаются в монахи, чтобы послезавтра надеть на себя архиерейские ризы. Но сущность таких "церковных деятелей" всегда одна. Они верны не Христу и Его вечной Правде, но тому, кто может им дать возможность жить вольно и широко, и в свое удовольствие" (письмо 4-е).

Еще, хороший разбор "Живой Церкви" см. у М. А. Новоселова "Письма к

друзьям" - письмо 1-е, а о сути обновленчества - письмо 6-е.

4. Об этих событиях можно прочесть у архимандрита Феодосия /Алмазова/ в его книге "Мои воспоминания (записки Соловецкого узника), в главе "Раскол в Церкви".

5. Антонин /Грановский/ (1865-1924 гг.) - обновленческий "митрополит Московский". Указом Патриарха Тихона предан Соборному суду (21/15 апреля 1924 г.).

6. Иларион /Троицкий/, архиепископ Верейский, (1866 г.р.) - новомученик и исповедник, был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Окончил Московскую духовную академию кандидатом богословия (1910). Пламенный сторонник восстановления патриаршества; по избрании Патриарха назначен к нему секретарем. 12/25 мая 1920 г. хиротонисан во Епископа Верейского, викария Московской епархии. 24 мая/6 июня 1923 г. возведен в сан архиепископа. Вся жизнь его - это сплошное горение величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за Нее. За время своего святительства он не имел и двух лет свободы. С патриархом в Москве он поработал не больше полгода. Был одним из авторов "Соловецкого послания" 1927г. После издания декларации митр. Сергия 1927 г., архиеп. Иларион /Троицкий/ осуждал ее, но не торопился порывать с ним общения, т. к. в лагере были недостаточные и противоречивые сведения о происходящем. Он занял вначале такую же позицию, как и митр. Кирилл Казанский, говоря, что не нужно торопиться с расколом, надеясь на соборное разрешение этого вопроса. Но этим надеждам сбыться было не суждено. Архиеп. Иларион был увезен с Соловков в конце 1929 г. и скончался от сыпного тифа в больнице Ленинградской пересыльной тюрьмы.

Те, кто ссылается на Илариона /Троицкого/ как на сергианца, совершенно не правы, т. к. его позиция, на то время, по отношению к митр. Сергию, была выжидательная, но не окончательная, что мы видим и на примере с митр. Кириллом, который в конечном итоге разорвал всякое общение с митр. Сергием и стал единомышлен с митр. Иосифом Петроградским. Из того, что архиеп. Иларион осуждал декларацию и не принимал ее, но хотел разрешить этот вопрос соборно, можно заключить, что в дальнейшем, если бы он остался жив, он бы увидел, что соборность пограна и соборное решение невозможно. И последовал бы по пути, следом за митр. Кириллом Казанским.

7. Речь идет о лидере обновленческой группировки "Живая Церковь" - протр. Владимире /Красницком/, в мае 1924 г. по предложению властей вместе с небольшой группой единомышленников принесли покаяние перед Патриархом Тихоном.

Большевиками и их агентам протопр. Владимиром /Красницким/ это было воспринято как серьезная услуга Патриарха обновленцам. Весьма негативный отклик на соединение с живоцерковниками последовал со стороны многочисленных архиепископов, клириков и мирян. В частности, решительно возражал против участия о. Красницкого в Высшем Церковном Совете митр. Ка-

занский и Свяязский Кирилл /Смирнов/ - будущий св. новомученик. А управляющий Ленинградской епархией, еп. Кронштадтский Венедикт / Плотников/ попросту напрямую отказал о. Красницкому в молитвенном общении. Поэтому, воспользовавшись практической невозможностью созыва заседанияй как Свящ. Синода, так и Высшего Церковного Совета, Патр. Тихон уже через месяц, 26 июня/9 июля 1924 г., вынужден был объявить о "прекращении переговоров с о. Красницким о примирении" и отмене распоряжений по созданию органов Высшего Церковного Управления с его участием. В частных беседах летом 1924 г. Патриарх Тихон особо подчеркивал, что "между ним и Красницким нет деловых взаимоотношений".

8. Пётр /Полынский/, митр. Крутицкий (1863 г.р.) - новомученик и Истопедник Российский. В 1920 г. Патр. Тихон "постриг" Петра Полянского в монашество и 25 сент. рукоположил в сан епископа с назначением на должность патриаршего викария, с последующим возведением в сан митрополита Крутицкого. 12. 04. 1925 г. - в день похорон Патр. Тихона, стал Местоблюстителем Патриаршего престола (по завещанию последнего). Советская власть требовала от митр. Петра, как и от других заместителей (митр. Агафангела, митр. Кирилла, архиеп. Серафима), издания декларации (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергий) и подчинения Церкви Советской власти, но он был непоколебим.

За это мужественно претерпел ссылки, тюрьмы и гонения, в итоге сослан за подпольный круг в пос. Ха, где и провел остаток своих дней, оставшись стойким и упорным в своих убеждениях. Есть сведения, что по заданию Советской власти, тайно была устроена встреча с митр. Сергием /Стратгородским/, чтобы последний уговорил принять его "платформу" в делах Церкви, на что митр. Петр ответил твердым отказом.

- Ну и сгниешь на ссылке!, - крикнул ему митр. Сергий.

- Сгнию, но со Христом, а не с тобой Иудой-предателем!; - ответил несокрушимый Местоблюститель Петр, и... продолжал "нить и стгивать" более 10-ти лет. В 1937 г. расстрелян. Погребен в г. Маннитогорске.

Митр. Петр находился в заключении и убит за то, что отказался от многочисленных предложений сотрудничать с богоборческой жидо-большевильской властью.

9. Сергий /Стратгородский/, митр. Нижегородский, первый "советский" Патриарх Московский и всея Руси. Родился в 1867 г. 25 февр. 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии. Назначен правящим епископом Финляндским и Выборгским и возведен в сан архиепископа (1905).

Одним из первых высших иерархов поддержал "обновленческий" раскол (1922).

Через покаяние принят в молитвенно-каноническое общение с Российской Православной Церковью Патриархом Тихоном. При этом архиеп. Федор /Поздеевский/ говорил Патр. Тихону о том, чтобы он не принимал митр. Сер-

гия в своем сене, ссылаясь на правило свт. Афанасия Александрийского, о том, чтобы начальников и возглавителей расколов не принимать в своем сене. И как мы видим, как показала история, архиеп. Федор оказался прав. По распоряжению Патриаршего Местоблюстителя, митр. Крутицкого Петра (Полынского) от 23 ноября/6 декабря 1925 г., после ареста его большевиками 26 ноября/9 декабря 1925 г. митр. Сергий вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 28 октября/11 ноября 1926 г. был арестован большевиками и находился в заключении до 27 марта/9 апреля 1927 г.. По выходе из тюрьмы вновь вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и 16/29 июля 1927 г. выступил с печально известной Декларацией об отношении Церкви к гражданской власти, фактически полностью подчиняющим Церковь безбожникам-большевикам. В 1934 г. незаконно уволил себе титул "Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского". После ложного объявления большевиками якобы о кончине Патриаршего Местоблюстителя, митр. Крутицкого Петра /Полынского/ 29 августа/11 сентября 1936 г. (а фактически еще при жизни его) в декабре 1936 г. незаконно провозгласил себя "Патриаршим Местоблюстителем". Организованным сталинскими властями в Москве "собором" 1943 г. номинально "избран" первым "советским" Патриархом Московским и всея Руси. Скончался в Москве 2/15 мая 1944 г.

10. "Григорьевский" раскол был организован ГПУ по точно такому же сценарию, как и "обновленческий" в 1922 г.

9/22 декабря 1925 г. в Донском монастыре собралась специально подобранная ГПУ группа малоизвестных архиереев во главе с архиеп. Екатеринбургским и Ирбитским Григорием /Яцковским/, образовавшая по своему почину, в связи с возникшим в Церкви безначалием, Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) по управлению Российской Православной Церковью, "находящийся в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем".

Организовав в очередной раз церковную смуту, власти все-таки не добились создания карманного органа Высшего Церковного Управления, поддержанного авторитетными иерархами и большинством церковного народа. К апрелю 1926 г. ГПУ потеряло всякий интерес к "Григорьевцам", разъярав новую антицерковную комбинацию с использованием нарочито возвращенного из ссылки второго кандидата на должность Патриаршего Местоблюстителя Митр. Ярославского Агафангела /Преображенского/, право которого на вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя, между прочим, поддерживали и "григорьевцы". После неудачи и этой авантюры, последовавшей через несколько месяцев новых церковных нестроений, и безусловного признания полномочий временного главы Российской Православной Церкви за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородским Сергием /Стратгородским/, власти начали серьезную личную разработку последнего...

11. Речь идет о событиях, происходивших весной 1926 г., когда полномочия митр. Нижегородского Сергия /Стратгородского/ как Заместителя Патриар-

шело Местоблюстителя и, следовательно, безусловно законного временного главы Российской Православной Церкви, стали безоговорочно признаваться большинством церковного народа, ОПТУ начало усиленную личную работу к Первоиерарха. Следствием явилось письмо митр. Сергия народному комиссару внутренних дел от 19 мая/1 июня 1926 г. с прошением о легализации органов Церковного Управления и приложением первоначального "Умеренного" проекта "Декларации" об отношениях с советской властью от 28 мая /10 июня 1926 г. (опубл.: Акты..., с. 470-471, 473-475). Такому "стоворчивостью" с Тучковым митр. Сергий впервые наглядно показал правильность избранной ГПУ тактики для достижения полного порабощения Высшего Церковного Управления.

Естественно, что проявленная тогда митр. Сергием "умеренность" в традиции компромиссов покойного Патриарха Тихона /Белавина/ теперь уже никак не могла удовлетворить противника, и осенью 1926 года митр. Сергий был заключен в тюрьму... По выходе на свободу через пять месяцев..., через некоторое малое время, 7/20 мая 1927 г. Высшее Церковное Управление Российской Православной Церкви при митр. Сергии было официально легализовано большевиками, а 16/29 июля 1927 г. законным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородским Сергием /Страгородским/ была издана "Декларация" об отношении Церкви к гражданской власти, уже в новой редакции - фактически полностью подчиняющей Церковь большевикам, что однозначно негативно воспринято было большинством церковного народа, в том числе и теми, кто до сих пор поддерживал Заместителя Патриаршего Местоблюстителя...

12. Запрещенный Святейшим Патриархом и преданный церковному суду в апреле 1924 г., один из лидеров "обновленческого" раскола архиеп. (в расколе "митрополит Одесский") Евдоким /Мещерский/, желая уязвить Патриарха, оказал существенную услугу церковным историкам, предав гласности тогда известное ему письмо Патр. Тихона - митр. Антонию /Храповицкому/ по поводу упомянутого Постановления об отмежевании от церковного Зарубежья. С откровенной целью политического доноса цитировались подлинные слова Патриарха: "Я написал это для властей, а ты сиди и работай!" [См. Лебедев А., прот. Пloed лукавый. Лос-Анджелес, 1994, с. 35; гл. воспр.: "Возвращение", 1994, №2 (6), с. 29].

Теперь-то известно и документально подтверждено, что инициатором и автором всех постановлений против зарубежного духовенства была... антирелигиозная комиссия во главе с Губельманом, сформулировавшим еще в 1923 г. требования к заключенному Патриарху, который мог быть освобожден из тюрьмы, если: "...выразит резко отрицательное отношение к новому Карповскому Собору и его участникам...". В прилагаемой "краткой мотивировке" Губельман недвусмысленно говорит: "...выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он (Патриарх Тихон) идет на эти предложения" (опубл.: "Источники", 1995, № 3, с. 128).

Думается, что вынужденно подписанные Патриархом положения, продиктованные Губельманом, только в гораздо более смягченных и никого ни к чему не обязывающих формулировках, никак не могут считаться ныне имеющими всю полноту канонической силы церковно-административными распоряжениями Высшей Церковной Власти...

Таким образом, свидетельство "непримиримой" позиции Патр. Тихона к зарубежной части Российской Церкви удалось выразить от имени Патриарха лишь... подделав его посмертное Послание, обнародованное 25 марта/7 апреля 1925 года... (опубл.: Акты... с. 361-363).

13. Кирилл /Смирнов/, митр. Казанский (1863 г.р.) - новомученик и исповедник Российский, первый Местоблюститель Патр. престола. Св. Иоанн Кронштадтский перед смертью просил, чтобы его отпевал еп. Кирилл (в то время еп. Довский). Он всегда говорил прямо, смело и открыто, чем восхищались даже его враги.

Открыто не признавал Советской власти, которая требовала от него, также как и от других заместителей (митр. Петра, митр. Агафангела, архиеп. Серафима), издания декларации (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергий) и подчинения Церкви Советской власти, но он не идет на это. Не принял декларации митр. Сергия /Страгородского/. Находился постоянно в сырьках и тюрьмах и по этой причине имел противоречивую информацию о деяниях митр. Сергия. Этим объясняется постепенное изменение его позиции по отношению к митр. Сергию, в конечном итоге приведшей его к единомыслию с митр. Иосифом Петроградским и признанию "сергианской" Церкви - безблагодатной.

Вот строки из его писем:

Ожидания, что митр. Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений, и возможности разобратся в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митр. Сергей отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства.

Образовывал и благословлял образование каткомобных приходов. Вместе с митр. Иосифом и группой духовенства (около 150 чел.) был расстрелян 20. 11. 1937 г. недалеко от г. Чимкента (Казахстан).

14. Агафангел /Преображенский/, митр. Ярославский, (1854 г.р.) - новомученик и исповедник Российский. 10 сентября 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. Возведен в сан архиепископа (1904). Назначен архиепископом Виленским и Литовским (1910). 28 ноября 1917 года возведен в сан митрополита. С 1920 г. - митрополит Ярославский. Второй кандидат на должность Патриаршего Местоблюстителя. Ради мира церковного отказался от своих прав. Отверг "Декларацию" 1927 г. и вместе с группой единомышленников архиепископов вышел из канонического подчинения ему 24 янва-

ря/6 февраля 1928 г..

Вот что по этому поводу пишет в своих воспоминаниях схиеп. Петр /Ладьягин/: "В 1926 г. митр. Агафангел кончил свой срок, и из ссылки вернулся в Ярославль, т. к. он считался Ярославским, и все стали приезжать к нему. Тогда Тучков, с каким-то одним архимандритом, приехал к Агафангелу и стал требовать от него, чтобы он передал свое управление Сергию. Митрополит Агафангел на это не согласился. Тогда Тучков заявил ему, что он сейчас же вернется опять в ссылку. Тогда Агафангел, по слабости своего здоровья, и пробывши уже три года в ссылке, снял с себя управление и оставил законным Петра Крутицкого, до прибытия из ссылки второго кандидата, митр. Кирилла Казанского. Я услыхал об этом, и лично поехал к нему в Ярославль, и он мне сам объяснил свое положение и сказал, что теперь действительно остается каноническое управление за Кириллом и временно, до прибытия Кирилла, за митр. Петром. Сергия /Старгородского/ и Григория /Яцковского/ он не признавал. Я его спросил: как же нам быть дальше, если ни Кирилла, ни Петра не будет. Кто же мы должны тогда помнить. Он сказал: "вот еще есть канонический митр. Иосиф, бывший Угличский, который в настоящее время в Ленинграде. Он был назначен Святейшим Патриархом Тихоном кандидатом, в случае смерти Патриарха, меня, Кирилла и Антония". Скончался митр. Агафангел 3 /16 октября 1928 г..

15. Имеется видю Послание ("Декларация") Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородского Сергия /Старгородского/ и Временного при нём Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти от 16/29 июля 1927 г., фактически подчиняющей Церковь безбожной боготорческой власти большевиков, что вызвало резкое неприятие широких кругов церковного народа. (Опубл.: Акты..., с. 509-513.)

16. В своем обращении в НКВД от 19 мая/1 июня 1926 г. митр. Сергий еще не решается употребить слово "Синод", но лишь спрашивает дозволения "для обсуждения возникающих церковно-канонических вопросов время от времени собирать небольшие собрания архиереев (от 5 до 15 человек)". Отвечом послужил арест митр. Сергия большевиками осенью 1926 г. По его выходе на свободу через пять месяцев дело образования Синода получило движение. 5/18 мая 1927 г. в предварительном совещании митр. Сергия с приглашенными архипастырями фактически был создан Временный Патриарший Священный Синод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя в составе семи членов (помимо Председательствующего).

Уже через два дня, 7/20 мая 1927 г., НКВД выдал официальную справку о легализации такого органа Высшего Церковного Управления при митр. Сергии, а 14/27 мая 1927 г. Указом № 97 Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода было доведено до сведения всей Церкви о том, что "теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне

легальное существование" (слова "Декларации" от 16/29 июня 1927 г.).

Вот каков состав новообразованного "легального" Синода:

1. Митр. Новгородский Арсений /Стадницкий/ (пост. 1899 г.); Заместитель Председателя Всероссийского Церковного Собора 1917-1918 гг., один из троих кандидатов в Святейшие Патриархи; в члены нового Синода избран заочно, так как от участия в первых заседаниях уклонялся, даже не подписывал "Декларацию" 1927 г.; впоследствии умеренный "сергианец", проходивший служение на удаленной Ташкентско-Туркестанской кафедре вплоть до смерти в 1936 г. (подр. биогр. см. прим. 56).

2. Митр. Тверской Серафим /Александров/ (пост. 1916 г.); откровенный агент ЧК-ГПУ, известный еще как "злой гений" тихоновского Патриаршего управления, презираемый православной Московской церковной делятель, прозванный "митрополитом Лубянским"; впоследствии один из деятельнейших и активнейших "сергианцев", митр. Казанский и Свяяжский, "увещатель" по "делу Ярославской оппозиции", скончавшийся в советском застенке в 1938 г. (подр. биогр. см. прим. 48).

3. Архиеп. Вологодский Сильвестр /Братановский/ (пост. 1910 г.); впоследствии "сергианский" архиеп. Кагулжский; в 1928 г. входил в комиссию по раследованию "дела Митр. Иосифа /Петровых"/; скончался в Москве в 1931 г.

4. Архиеп. Хутынский Алексий /Симанский/, временно управляющий Новгородской епархией (пост. 1913); в 1922 г. непродолжительное время примыкал к обновленцам; впоследствии второй "советский" патриарх до мирной кончины в 1970 г.

5. Архиеп. Костромской Севастиан /Вести/ (пост. 1914 г.); в 1922-1923 и 1923-1924 гг. дважды уклонялся в "обновленческий" раскол и дважды возвращался в Православие через покаяние; уклонился от подписания "Декларации" 1927 г. "по болезни"; в 1928 г. входил в комиссию по раследованию "дела митр. Иосифа /Петровых"/; в 1929 г. арестован большевиками и скончался в 1934 г. в Кинешме.

6. Архиеп. Звенигородский Филипп /Гумилевский/, временно управляющий Московской епархией (пост. 1920 г.); в 1923-1925 гг. уклонялся в "белопоповский" толк старообрядчества и возвращался в Православие через покаяние; несмотря на поддержку линии митр. Сергия, в 1931 г. арестован большевиками и скончался в 1936 г. во Владимире.

7. Еп. Сумский Константин /Дьяков/, временно управляющий Харьковской епархией (пост. 1924 г.); активный "сергианец", уже в конце 1927 г. возведенный в сан архиепископа с назначением правящим архиереем Харьковской и Ахтырской епархий, Патриаршим Экзархом Украины; репрессирован большевиками в 1937 г. и на следующую год скончался.

Ко времени издания "Декларации" от 16/29 июля 1927 г. число членов "легального" Синода пополнилось:

- Архиеп. Самарский Анатолием /Грисоком/ (пост. 1913 г.); в 1924-1927 гг. один из соловцевких узников, впоследствии активный "сергианец"; в 1928 г.

входил в комиссию по расследованию "дела митр. Иосифа /Петровых/", репрессирован большевиками в 1936 г. и в начале 1938 г. скончался в больнице Ухто-Печерского концлагеря;

- Архиеп. Вятским Павлом /Борисовским/ (пост. 1916 г.); активный "сергианец", подбострастный сторонник "Декларации" 1927 г., увещеватель т. н. "Ярославской оппозиции"; арестован большевиками в 1937 г. и на следующий год расстрелян в Ярославле;

- Еп. Серпуховским Сергием /Гришиным/, управляющим делами Синода (пост. 23 апреля/6 мая 1927 г.); молодой архиерей самого "свежего" поставления, активный "сергианец", сменил за свою жизнь около десятка кафедр вплоть до 1943 г.;

Итак, первоначальный Временный Священный Синод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя - орган, при помощи которого с 1927 г. митр. Сергей стал проводить политику подчинения Церкви безбожному государству вплоть до полной подмены большевиками Высшего Церковного Управления - в год издания "Декларации" состоял в подавляющем большинстве из архиереев еще дореволюционного "Императорского" поставления; третья часть из них примыкала к тем или иным расколам; один из членов являлся откровенным "приставником" ГПУ и более половинны из них были впоследствии репрессированы советской властью, чьи "радости и неудачи" они столь поспешно признали и своими "радостями и неудачами"...

17. Указ № 549 от 8/21 октября 1927 г.

18. Евдоким /Мещерский/, архиеп. Нижегородский; обновленческий "митрополит Одесский". Являлся одним из основоположников "обновленческого" раскола (1922), активно сотрудничал с ГПУ. Свт. Тихоном запрещен в священнослужении с преданием суду православного Собора. Постоянный член обновленческого "Синода" (1935), которым назначен "митрополитом Одесским" (1930). Под конец жизни сложил с себя духовный сан и монашество, женился и скончался вне общения с Православной Церковью в 1935 г.

19. Борис /Рукин/, епископ Можайский; в "Григорьевском" расколе - "митрополит Московский". Митрополитом Сергием /Стратгородским/ запрещен в священнослужении. В конце 1920-х годов в "Григорьевском" расколе носил титул "митрополита Московского". В 1931 г. скончался в Бутырской тюрьме в Москве.

20. Амвросий /Смирнов/, архиеп. Муромский. Род. 4 апреля 1874 г. В 1934 г. непродуктивное время управлял Пугачевским викариатством Саратовской епархии, а затем переведен на Муромское викариатство Владимирской епархии. В конце 1935 г. арестован. Скончался в тюрьме в 1942 г.

21. Петр /Зверев/, архиепископ Воронежский (1878 г.р.) - новомученик и исповедник Российский. 2 /15 января 1919 г. хиротонисан в Москве во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В 1922-1924 гг. находился в ссылке в Средней Азии. По возвращению назначен правящим архиереем на Воронежскую кафедру, временно управлял Московской епархией, возведен в

сан архиепископа (1925). В феврале 1926 г. арестован большевиками и сослан в лагерь особого назначения в Спасо-Преображенском Соловецком монастыре. Не принял декларацию митр. Сергия. 25 января /7 февраля 1928 г. скончался от тифа в Анзерском скиту.

22. Свт. Филипп /Колычев/ (1507-1569гг.), митр. Московский и всея Руси (1566-1568 гг.). Смело обличал беззакония царя Иоанна Грозного, за что был сослан в заключение, где и принял мученический конец. Память 9 января, 3 июля и 5 октября.

23. Дважды весьма туманно упомянутая автором провокация, представляется теперь, заключалась в следующем: Высшему Русскому Церковному Управлению Заграницей в самом начале своей деятельности пришлось разрешать проблемы Северо-Американской епархии, где у временно управляющего епархией еп. Канадского Александра /Немоловского/ возникли неурядицы, главным образом, материального характера. Еще были возможны какие-то сношения с Патриархом Тихоном, который предложил послать в Северную Америку для устройства церковных дел временно управляющего Российскими приходами в Западной Европе, митр. Евлогия /Георгиевского/. Однако он, не желая уезжать в заокеанскую командировку, связался с митр. Херсонским и Одесским Платоном /Рождественским/, в 1907-1914 гг. бывшим Правящим Архиереем Алеутской и Северо-Американской епархии, а тогда в эмиграции занимавшим скромную должность начальника Русской духовной миссии в Афинах (Греция), и от назначения отказался, предложив вместо себя кандидатуру митр. Платона.

В соответствии с определением Заграничного ВЦУ от 29 декабря 1920 г./11 января 1921 г. митр. Платону был предоставлен отгул для частной командировки в Северную Америку с целью устройства церковных дел. В апреле 1921 г. митр. Платон прибыл в Нью-Йорк, где был моментально окружен "агентами влияния" ГПУ, наравившими его деятельность в русло раскола РПЦ (3). Были дозволены даже связи с Москвой, с Святейшим Патриархом, который выказал рекомендации о назначении Митр. Платона на Северо-Американскую кафедру, о чем был извещен и Архиерейский Синод РПЦ (3). В соответствии с этим 23 августа/5 сентября 1922 г. архиерейский Синод РПЦ (3) (по согласованию с еп. Александром) постановил назначить временно управляющего Северо-Американской епархией митр. Платона. Успешно подогреты извне авторо-Американской епархией митр. Платона. Успешно подогреты извне авторо-кефалистские тенденции заставили митр. Платона пойти на авантюру. 7 /30 сентября 1923 г. им был распространён указ Св. Патриарха Тихона от 6 /29 сентября 1923 г. об утверждении своем в должности управляющего Северо-Американской епархией. Этот указ был сообщён митр. Платоном архиерейскому Синоду РПЦ (3) без присылки самого подлинника, однако по доверию Синода к магистру Владыке был безоговорочно принят. Впоследствии явно сомнительность этого указа отметил Высший Суд штата Нью-Йорк, отказавшись признать его подлинность, т. к. весьма настораживало, что текст его получен был из Москвы... на следующий день после подписания... Также и ар-

хирейский Синод РПЦ(З) позднее отказался признать этот указ подлинным, отмечая в 1930 г., что "никакого значения сему документу не придает". Добавим, что в советской церковной прессе этот документ был впервые опубликован лишь в 1957 г. Таким образом, можно заключить, что инициирование издания этого указа (если он вообще существовал) и было началом большевистской провокации, проведенной при участии архиеп. (позднее митрополита) Тверского Серафима / Александра. В силу этого сомнительного указа митр. Платон объявляет себя утвержденным на Северо-Американской кафедре, а в начале 1924 г. получает из Москвы Патриарший указ от 3 /16 января 1924 г. об отстранении от управления епархией и вызове для суда в Москву "выдвинувшихся данных о контрреволюционных выступлениях... направленных против Советской власти и пагубно отражающихся на Православной Церкви"... Следует отметить, что митр. Платон, особенно в эмигрантский период своей деятельности, никак не выказывал себя последовательным антикоммунистом, скорее, следуя в этом вопросе настроениям своих пасомых из числа во многом еще дореволюционных переселенцев в Северо-Американские Соединенные Штаты. Так что обвинения митр. Платона были совершенно надуманные, не говоря уже о чисто политическом характере их. Важно было другое: противоречивыми указами из Москвы - сомнительность первого из коих неизбежно скоро обнаружится; при совершенной неопределенности и необоснованности другого, сокрытого, между прочим, митр. Платоном от архирейского Синода РПЦ(З) - и при подготовке искусственных противоречий между митр. Платоном и архирейским Синодом поставить главу Северо-Американской епархии в такое положение, когда усердно пропагандируемый автокефалистский путь станет единственно возможным видимым выходом из создавшейся ситуации. Что и произошло. А отсюда было недалеко уже и до "подписки о польности советской власти" в соответствии с условиями "Декларации" 1927 г., на что лично митр. Платон уже был согласен в 1928 г. - лишь возвращение клира и паствы удержало тогда неканоническую "Американскую автокефалию" от поглощения столь же сомнительной "советской Патриархией". Когда уже в 1924 г. тайные пружины всей этой провокации выявились, по утверждению автора, Святейший Патриарх Тихон отменил навязанное ему ГПУ решение об увольнении митр. Платона. Мы не располагаем документальными подтверждениями того, но те обстоятельства, что ни в Москву на суд митр. Платон не приехал (что было бы равносильно для него самоубийству), ни фактически отстранен от управления епархией в соответствии с распоряжениями Москвы в 1924 г. не был, ни преемник его ни назначен, ни послан в Нью-Йорк не был, а митр. Платон оставался законным управляющим Северо-Американской епархией вплоть до выхода из подчинения архирейскому Синоду РПЦ(З) и отстранения им от управления епархией с запрещением в служении 18/31 марта 1927 г., свидетельствуют о том, что Свт. Тихоном были предприняты максимальные возможные тогда усилия для разрушения планов врагов Церкви в отношении организации продолжающегося поныне "амери-

канского" раскола Русского Церковного Зарубежья.

24. Автокефалистские идеи стали усердно пропагандироваться вокруг митр. Херсонского и Одесского Платона /Рожественского/ сразу же по его прибытии в Нью-Йорк в апреле 1921 г.: Провокация с противоречивыми указами из Москвы (см. прим. 51) подвигли митр. Платона к решительным, но осторожным действиям. Первоначально без его участия, но, вне всякого сомнения, с ведома правящего архиеп. 20 марта/2 апреля - 22 марта/4 апреля 1924 г. в г. Детройте было создано собрание клира и мирян Северо-Американской епархии, постановившее "временно объявить Русскую Православную епархию в США самоуправляющейся Церковью", а митр. Платон был избран ее главою и назначен тростником над имуществом всех церквей. Несмотря на то, что на последнем заседании "Детройтского собора" митр. Платон уже присутствует в качестве председателя, получает от "собора" право ношения второй панатии и преднесения креста (т. е. внешних знаков отличия главы Церкви), на словах он остается по-прежнему РПЦ(З), в октябре 1924 г. деятельно участвует в работе Архирейского Собора в Сремских Карловцах, а на спешущем Архирейском Соборе 1926 г. выступает с докладом о положении в епархии, определенно отмежевываясь от автокефалистских постановлений "Детройтского собора". Испрашивая у собора особые грамоты ко всем предстоятелям Православных Церквей в Америке о подтверждении своих прав и полномочий на управление Русской Православной Церковью в Америке, он, в то же время, отказался подписать протокол этого своего доклада. Хитрость, предпринятая для получения обманом подтверждения своих полномочий, как главы "Американской Церкви", была раскрыта; митр. Платону оставалось только покинуть заседание Собора, который, противясь автокефалии, никаких просьбных грамот ему не выдал, а самого митр. Платона исключил из числа членов Архирейского Синода. Затем, после самочинного увольнения и запрещения единственного оставшегося верным Архирейскому Синоду РПЦ(З) своего иерария, 18/31 марта 1927 г. Архирейский Синод поверг митр. Платона отстранению от управления епархией и запрещению в священнослужении.

Тем временем, на протяжении всего 1927 г. идет работа по выработке официального статуса "Американской автокефалии": в феврале собирается "священный собор" епископов, вырабатывается гражданская "конституция", издается "Декларация" ко всем православным жителям Америки. В результате 6/19 декабря 1927 г. была официально провозглашена "Американская автокефальная церковь", не признанная ни Архирейским Синодом РПЦ(З), ни представителями иных Поместных Православных Церквей в Америке. В 1933 г. окончательно провалилась затея и поддержки этого антиканонического но-вообразования подсоветским Московским церковным управлением, безоговорочно потребовавшим от митр. Платона и его последователей соблюдения условий "Декларации" 1927 г. - т. е. подписки о польности советской власти.

При преемниках митр. Платона "Американская митрополия" неоднократно меняла ориентацию: от автокефалии - к Архирейскому Синоду РПЦ(З) - за-

тем к Московской Патриархии - потом опять к "независимости". И лишь в 1970 г. - во время глубокого кризиса "Американской автокефалии", когда паства ее стала разбредаться в РПЦ(З), в американские приходы Московского Патриархата или в иные православные юрисдикции - исходя из определенных внешне-политических причин, по указке спецслужб, полностью поработивших к тому времени Московскую Патриархию, второй "советский" Патриарх Алексий /Симанский/ незадолго до смерти "даровал" возделенную автокефалию "Американской церкви", вслед за чем последовало признание ее и другими Поместными Церквами, всё более отходящими от Православия и ориентирующимися на московский церковный курс...

25. Имеется ввиду попытка примкнувшего к обновленцам архиеп. Минского и Туровского Мелхиседека /Лавского/ в 1923 г., сыграв на Патриарший Указ № 362 от 7/20 ноября 1920 г., предусматривающий возможность самоуправления епархий в период гонений, провозгласил "Автономную Белорусскую Церковь", возглавив ее в самочинно присвоенном сане "митрополита". После покаяния в августе 1923 г. он был принят Патриархом Тихоном в общение с Российской Православной Церковью. Что не помешало ему, впрочем, уже вскоре связаться с "григорьевским" расколом, а затем стать и деятельным "сергианцем".

